

- -
 -
 - [Роман Кожухаров.](#)
 - [Пуля для штрафника](#)
-

Пуля для штрафника

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину –

Роман Кожухаров.

Пуля для штрафника

Глава 1.

ФОРСИРОВАТЬ С БОЕМ!

I

Гаубица тяжело ухнула с того берега. Вот первый снаряд, прорастая в жилах и кишках противным, стылым ревом, оборвался гулким разрывом где-то за склоном холма. Тут же заладил второй, третий. Снаряды уходили в перелет, ложась на самой окраине села.

– Повадился, гад! – сплюнув, тоскливо прокомментировал Попов. Никто ему не ответил. И так все знали про эту чертову гаубицу которая не давала покоя ни днем ни ночью. По данным разведки, на правом берегу, в глубине позиций, километрах в трех выше переправы, располагался целый артдивизион противника. Место заняли идеальное – господствующая высота. Обстреливали немцы методично, по часам. Утром утюжили прибрежную пойму и подступы к реке, а ближе к вечеру принимались за дальнюю дорогу, входившую в село с северо-востока. Снарядов не жалели, использовали и гаубицы, и легкую артиллерию, но само село во время обстрелов старались не трогать. Кроме одного расчета. Как уже рассчитали в роте, судя по калибру, стрелял один и тот же расчет. Неугомонные оказались, сволочи: то среди бела дня, то в обед начнут палить. И все без разбору, то по позициям, то в село запустят свою смертоносную посылку. До невозможности обозлила всех в роте эта сволочная гаубица.

Очередной стодвадцатимиллиметровый «чемодан» угодил во двор ближней от берега, с правого края, хаты. Камышовую крышу точно ветром снесло. Тут же, разом, сложило вразлет от воронки саманные глиняные стены. Точно костяшки домино, упали друг на друга. Заодно силой взрыва вырвало несколько фруктовых деревьев.

– Вот гады... – выругался Зайченко. Увидев результаты попадания, он остановился и выпустил из рук бревно. Попов не удержал его в одиночку и уронил ствол на землю. Следом шли Бондарь с Аникиным. Они налетели на впереди идущих, с ходу шибанув Зайченко на манер тарана. Тот кувырнулся вперед, с матерной руганью покотившись вслед за упавшим

бревном.

– Так тебе и надо, недотепа! – выругался Бондарь. – Нечего под ногами путаться.

– Так это... Богдан Николаич, – оправдываясь и отряхиваясь, поднялся Зайченко. – Вы ж видели, что эти фрицы творят... Прямо по селу лупят, мать их...

– Слышь, Зайченко, – осадил его Аникин. – Ты думаешь, один тут такой сердобольный, а остальным наплевать? Лучше умолкни! От истерики твоей толку мало. Лучше деревяшку свою в зубы хватай и бегом тащи к траншее. По ходу, они сейчас на позиции огонь перекинут.

– Так я понимаю, товарищ командир, – не унимался Зайченко, в то же время, уже отряхнувшись и не обращая внимания на матерящегося Попова, ловко подхватив уроненное бревно. – Только жалко людей... Там же, в хатах этих, остались только деды древние да молодки несмышленные. А эти гады лупят по ним... У них чё, и наводчиков нет?

– Ага, тебе бы только про молодых и думать. Да про таких, чтоб несмышленнее были, – мрачно заметил Бондарь. – Когда несмышленные, так оно проще добиться от них, чего хошь... Так, Зайченко?...

– Да будет вам, Богдан Николаич, – запунцовел Зайченко.

– Давай двигай. Много рассуждаешь. С тобой мы ни черта не успеем... А нам до ночи нужно блиндаж сварганить, – сердито произнес Аникин.

На этот раз Зайченко не стал продолжать и молча потащил бревно с такой скоростью, что Попов только за ним успевал.

Зайченко скатился в окоп с такой скоростью, как будто за ним гнались все черти ада. Прыгая, он чуть не сбил с ног Попова. Грохнувшись на ящик от снарядов, отирая пот грязным рукавом своей телогрейки, он шумно, с «уфами!», выдыхал воздух.

– Ты чего, очумел? – разразился бранью Бондарь. – Скачешь, как сайгак...

– Чё случилось-то? – отозвался Аникин, откладывая в сторону саперную лопатку. Он как раз доделал выступ бруствера.

Зайченко понемногу приводил дыхание в порядок.

– Так это... товарищ командир. Чуть не наварался... на этого... – Зайченко все не хватало воздуха. Он мотнул головой и словно ухватил губами нужное слово. – На замполита... мать его... От штаба как раз двигаю, а он – навстречу... А тут как раз гаубицы... Как вдарили...

II

Аникин двинул подбородком влево-вправо, крутанул плечами, разминая шею и плечевые мышцы.

– Ты, Зайченко, ответь мне, какого черта тебя возле штаба носило? Тебя куда посылали?

Зайченко тут же изобразил виноватую мину.

– Так это, товарищ командир... Я в деревню-то и шел... Обязательно сейчас сгоняю. Пулей... Артиллерия, мать их, смотрите, как жарит!

– Врет он все, товарищ старшина, – с завистливой досадой откликнулся Попов. Он не отрывался от своей лопатки, с силой вгрызавшейся в смерзшуюся глину. – Известно, чего в штаб его понесло... – продолжал Попов, насадным хрипом сопровождая каждый удар лезвия лопатки в глину – Нинку ему захотелось увидеть. Да только, Зайченко, зря ты разеваешь роток на этот кусок. От этого куска комбат питается.

Зайченко злым прищуром окинул Попова.

– А это вас, товарищ боец, не касает. Так что лучше молчал бы, Попов, а то будет твой роток щас кровью харкать.

– А ну, заткнулись оба! – гаркнул Аникин. – Рядовой Зайченко, быстро лопату в зубы взял и принялся землю грызть. Под блиндаж место готовить. Ясно тебе?

– Так точно, товарищ командир, – по полной форме отчеканил Зайченко и тут же, демонстрируя запредельное усердие, принялся ковырять глину. При этом хитрющая его физиономия не скрывала всяческое самодовольство.

– Там это, товарищ командир... – продолжил Зайченко. – Пригнали команду новую. Похоже, что штрафники... Для форсирования, говорят, их готовят. А пока где-то здесь, в селе, размещают...

– Какие еще штрафники... – отмахнулся свободной от бревна рукой Аникин. – Где это ты видел, чтобы штрафных в селе размещали. Никогда такого не бывало.

– Вот, вот, – с готовностью подхватил Зайченко нить разговора. Он сразу смекнул, что новость о штрафниках старшину Аникина заинтересовала.

– Я и сам смотрю, товарищ командир, какие-то эти «шурики» странные... – развивал тему Зайченко. – Вооружение у них – ну чисто парашютно-десантные войска. И почти все – сплошь немецкие трофеи. Даже гранатометы есть... ручные... ну эти, как их...

Зайченко даже высвободил руку, чтобы потереть свой бритый грязный лоб. – Такие, со щитками защитными...

– «Панцеры», что ли? – уточнил Попов.

– Ага, точно... – согласился Зайченко. – Они самые – панцерные шреки[1], мать их... И пулеметы у них – тоже немецкие. Осталось только в

форму фашистскую переодеть...

– Ну, ты, слышь, – одернул его Бондарь, осторожно оглядываясь на командира. – Удумал чего. Языком поменьше работай, а конечностями побыстрее перебирай.

– А что я сказал, товарищ командир?! – заголосил Зайченко. – «Шурики» – они ж и есть изменники Родины. Им как раз форму вражескую и одевать.

Короткий, хлесткий удар в ухо свалил солдата с ног. Падая, Зайченко выронил бревно из рук, и другой его конец взбрыкнул, откинув Попова в сторону и чуть не свалив того на землю.

III

В момент удара Аникин даже не выпускал свою ношу из левой руки. Все ожидали, что расправа над Зайченко продолжится. Но старшина только мотнул на ходу головой в сторону ползающего по земле и держащегося за ухо Зайченко.

– Подымайся, да поживее... – как ни в чем не бывало произнес Андрей.

– Что тут, что происходит?! – скрипучий, неприятно резкий голос замполита раздался неожиданно для всех. И сам он возник из-за солдатских спин вдруг. Всегда, черт его дери, падает как снег на голову.

Вот уже сутулая, худющая фигура замполита нависла над ползающим по брустверу свежевырытой траншеи солдатом.

– Аникин, это ваше отделение? Вы мне ответите за ваши действия... – замполит с ходу перешел на крик. От этого его срывающийся голос делался еще непереносимее. – Рядовой Зайченко, что здесь происходит?...

Стоявшие рядом помогли Зайченко подняться. Тот еще не пришел в себя после командирского нокдауна.

– Я же... ничего такого... – виновато и растерянно лепетал Зайченко, держась за покрасневшее и распухшее ухо. – Товарищ лейтенант, так это... бревно... Неудачно...

– Руки у него не оттуда растут, откель требуется... – убедительно пробасил Бондарь. – Споткнулся и кувырнулся наземь... а тут бревнышком его слегка и тюкнуло. Но ничего... до свадьбы заживет. Правда, Зайченко?

В вопросе Бондаря прозвучал такой недвусмысленный, угрожающий намек, что Зайченко тут же с готовностью закивал.

– Правда, правда, товарищ замполит. Сплоховал я с бревном...

– Разберемся, что за бревно, – обернувшись к старшине, проговорил лейтенант. Лицо его, точно обтянутое пожухлым пергаментом, стало совсем желтым от злости. – Аникин...

– Слушаю вас, товарищ лейтенант, – с готовностью на грани издевки тут же отозвался Андрей.

Замполит даже не сдерживал расплывшегося по его желтому лицу раздраженно-кислого выражения.

– Командир батальона срочно вызывает вас в штаб. Ни минуты промедления!...

– Э, товарищ замполит, сейчас не треба ийти, – возразил лейтенанту Бондарь. Разогнув спину, он указал своей ручищей в сторону артобстрела. – Побачьте, шо робыться, – добавил Богдан. – Щас спуск к реке снарядами накроет.

– Отставить разговорчики!... – чуть не до визга дойдя, оборвал Бондаря замполит. – Аникин, вы слышали приказ?! Срочно к ротному!

– Есть – к комбату... – без всякого выражения откликнулся Андрей и, козырнув, тут же сорвался с места.

IV

Сопроводительные реплики лейтенанта Шанского, или Воблы, как прозвали его ротные остроусловы, Андрей уже не слышал. Слова его потонули в грохоте приближавшихся взрывов. Нагнувшись, придерживая ППШ правой рукой за ствол, Аникин побежал вдоль грунтовой, в грязь превращенной дороги напрямик к селу. Немцы переносили стрельбу ближе к берегу, и снаряды грозили вот-вот накрыть этот участок низкого, пойменного ската к пологому левому берегу Днестра.

Солдаты побросали свои бревна. Все с нескрываемой тревогой наблюдали, как к постепенно уменьшающейся фигуре их командира отделения приближаются взрывы.

– Чего стали? Быстро все за работу. Блиндаж еще не достроен! – с места в карьер попытался скомандовать замполит. Но истерически исторгнутый Воблой приказ был так единодушно проигнорирован, что лейтенант, осекшись и захлебнувшись в собственной желчи, молча спрыгнул в окоп, из-за бруствера глянув туда, где наперегонки с немецкой артиллерией соревновался Аникин.

Вот очередной земляной фонтан взметнулся вверх метрах в двадцати от старшины. Тот, как подкошенный, рухнул и вжался в ложбинку. Надо ж этой ложбинке в нужный миг в нужном месте как раз оказаться. Хотя это со стороны тем, кому невдомек, могло так показаться, что, мол, это ложбинка старшину нашла. На самом деле Андрея на встречу со спасительной выемкой в днестровской земле толкнули везение и наитие. Укрыла его всего лишь на несколько секунд, пока осколки летели и осыпался град глинистых комьев.

Чутьем, отточенным за сотни проведенных на передовой дней и ночей, угадал долю секунды, когда надо подняться и снова опрометью броситься вперед, по подсказанной тем же солдатским чутьем траектории.

Почти все из отделения уже перебрались в спасительное укрытие траншеи. Только Зайченко, как замороженный, торчал на поверхности среди брошенных досок и бревен.

– Во дает командир! – проговорил он. – В догонялки с немецкой артиллерией...

– Слышь, ты, дубина, бегом в траншею, – дернул его за сапог Бондарь. – Тебе все игры. Тут сама костлявая за командиром скачет.

– Оно понятное дело, – скатываясь вниз, согласно кивнул Зайченко.

– Тебе-то теперь, знамо дело, понятно, Зайченко... – отозвался кто-то с правого фланга траншеи. – Командир-то тебе здорово мозги вправил. Чтоб не шастал, где не надо...

– А ударчик у старшины хорош. Вишь, как его с правой свалил...

– Да уж, по части челюсти лучше со старшиной не связываться...

– Видать, и правду говорили, что он сам.

– Что сам...

– Ну, из штрафников. Из «шуриков», значит.

– А-а... – очухавшись, растянул Зайченко. – Так вот чего он так взъерепенился. Так, значит, командир наш тоже из искупивших...

– Ну и что? – вдруг схватил его за грудки Евменов и тряхнул что есть силы. – Дурачок ты, Зайченко. Я, к примеру, тоже из искупивших. Так я кровью свою вину смыл. Ты хочешь сказать, что ты лучше меня боец? А ну, говори?...

– Не, это... нет... – залепетал уже совсем испуганно Зайченко. – Не лучше...

– То-то же, – хмыкнул сержант и отпустил растерявшегося солдата.

– Да, Зайченко, ты уже второй раз за десять минут бревно из рук выпускаешь, – посмеиваясь, заметил Евменов. – Цепкости у тебя, Зайченко, нет. Руки дырявые, хе-хе. Где уж тебе Нинку ухватить...

Аникин, казалось, уже пересек линию, по которой выстраивали свою гибельную цепь наводчики немецкого орудия. Вдруг мощный взрыв вырос прямо посреди дороги, заслонив от сидевших в траншее фигурку командира.

– Накрыло! – не сдержавшись, выкрикнул Зайченко. Бондарь молча, со злобной досадой, ткнул его под ребра кулачищем. Отсюда действительно всем показалось, что взрыв должен был задеть бегущего.

Но вот глина опала, и в облаке бурой взвеси все увидели, что бежевое

пятно выцветшей кацавейки старшины Аникина приближается к сельским хатам.

Картина эта вызвала в траншее рев нескрываемого восторга.

– Вот молодца!

– Обломилось костлявой в жмурки с командиром играть!

– Не на таковского напала!...

Бондарь один старался сохранить подобие сдержанности, хотя и его распирало от радости.

– Ну, чё разорались. Чай, не на футболе.

Траншея действительно напоминала в этот момент трибуну ЦСКА сразу после результативного сольного прохода форварда красно-белых. Даже Евменов, молчаливый и не улыбочивый, потеплел взором, и в уголках его глаз подобием улыбки собрались лучики морщин. Только на желчном лице замполита сохранялось то же выражение брезгливой недужности. Действительно, будто присохло оно к его вяленой физиономии. Но на лейтенанта в этот момент никто не обращал никакого внимания.

V

Комбат, несмотря на свой простуженный и усталый вид, встретил Аникина на пороге отведенной под штаб хаты.

– Ну, ты даешь, чертяка! Не мог переждать пяток минут? – приветив, добавил он. Доложили капитану или сам он видел футбольный прорыв Аникина через артобстрел к селу, Андрей выяснять не стал. Его беспокоило, что отделение до сих пор оставалось в траншее, что называется, без крыши над головой. Поскорее хотел Андрей выяснить, зачем его звал командир батальона и быстрее обернуться к своим. Оно понятно, ребята надежные и сами от работы волынить не будут. Один Бондарь чего стоит. Да только под личным присмотром дело спорится надежнее и спокойнее.

– Велено, товарищ капитан, явиться безотлагательно, – без всякого панибратства отчеканил Аникин. – Потому и не счел возможным... переждать.

Комбат, пропуская старшину в низенькую, но опрятную, выкрашенную белой известью комнату хаты, тяжело вздохнул.

– Это от замполита приказ такой получил? – в вопросе капитана прозвучало недвусмысленное раздражение. «Видать, наш Вобла уже и капитана допек», – подумал Андрей, стремительно проходя внутрь.

Там, уже в несколько слоев спеленав воздух сиреневым дымом от самосада, скупились вокруг застеленного чистой скатеркой стола ротные и взводные. Никого из командиров отделения Аникин не приметил. Во главе

стола, возле стула, который, видимо, предназначался самому комбату, восседал собственной персоной начальник штаба полка майор Дедов.

Несмотря на дымовую завесу и загромождение воинским командным составом, в самом облике чистенькой, опрятной комнатки неуловимо чувствовалось деятельное участие аккуратной и нежной женской руки. А вот и разгадка волшебства. Явилась, так сказать, сама собой. Не успел Аникин поздороваться с присутствующими, как вошла в светелку Нина, ротный санинструктор. Невольно Андрей на миг забыл о только что пережитой смертельной опасности, словно окунулся с головой в исходившее от нее сияние. И дело было не только в самоваре, который она уверенно держала в своих нежных, белых ладошках.

Натертый до медно-солнечного блеска, он словно разогнал табачную пелену и озарил всю комнатку сверканием своих крутых боков. И вся она, такая же крутобокая, аккуратная в своей отутюженной гимнастерочке, с неизменной улыбкой на по-деревенски простом, но удивительно добром девичьем лице, выглядела так лучезарно, что вся солдатская братия невольно прищурилась от восхищения и удовольствия ее лицезреть. Что ж, в этот момент Аникин вполне понимал, почему тот же Зайченко мимо штаба неизменные крюки выписывал.

– Нинка, ты это... самовар-то поставь и ступай, – с какой-то неясной тоской проговорил ротный, тяжело вздохнув и закашлявшись. Точно и сам понимал, что сокровище ему досталось чересчур драгоценное и каждый из сотни одичалых, загрубевших бойцов его роты на Нинку зарится и в грешных снах ее видит. Но это еще полбеды. Как сразу смекнул Аникин, тоску на ротного больше нагоняли частые визиты начштаба майора Дедова. Этот пялился на санинструктора в оба масляных глаза. Ходили по роте слухи, что он уже предлагал перевести ефрейтора Хмелёву с повышением в звании в медсанбат, который размещался неподалеку, в селе Коротном, вместе с командованием полка.

VI

– Слушаюсь, товарищ капитан, – игриво ответила Нинка, ловко повернув свои пышные бедра и щелкнув каблучками сапог. Среди собравшихся прошел гул несдержанных восхищенных междометий.

– Ладно, зрители, не кино сюда пришли смотреть... – резко оборвал сеанс капитан. – Вот, товарищи бойцы, старшина Аникин, командир третьего отделения третьего взвода. Демьяненко здесь? А то накурили так, что хоть топор вешай...

– Так точно, – раздался из задымленного угла низкий, хриплый голос взводного, непосредственного командира Аникина.

– Вот и ладненько, – встряхнувшись, капитан вновь обрел свойственную ему жесткость в интонации и движениях.

– Насчет пополнения нашего все в курсе? Из штрафной роты, прибывшей вчера в распоряжение полка, в наше распоряжение передана группа бойцов. Прибыли они прямо из Одессы, участвовали в освобождении города. Видали этих архаровцев?

– Видали, товарищ командир. Такого оружия у нас в жисть не бывало... – снова проговорил старший лейтенант Демьяненко. – Нельзя ли нашу огневую мощь усилить?

– погоди, Демьяненко... Нашу мощь и усиливают. Только за счет оружия и приданных к нему штрафников. По замыслу командования полка эти группы на разных участках первыми пойдут на форсирование реки и попытаются закрепиться на правом берегу. Ясно?

Теперь вопросов ни у кого не возникло. Ситуация окончательно прояснилась. Аникин сразу смекнул, о ком идет речь. Пополнение, о котором говорил комбат, Андрей успел хорошенько разглядеть, подходя к хате, в которой расположился штаб батальона. Бойцы, численностью до двух отделений, кто лежа, кто сидя расположились прямо во дворе штаба. Тут же обустроили себе становище: накидали досок, сена.

С оружием, в отличие от обычных частей, никто из них не расставался. Такого, чтоб собрать винтовки в «шатер», и в помине не было. Каждый со своим, и почти все – с трофейным, немецким. Чего только Андрей тут не увидел. Крупнокалиберные МГ на сошках, те самые гранатометы со щитами – «панцершреки», которые так поразили Зайченко, несколько противотанковых ружей, автоматы. Набрали же где-то «шурики» такую уйму оружия.

Немецкие пулеметы, гранатометы и прочие трофейные фашистские «стрелялки» высоко ценились в войсках. Андрей хорошо помнил из своего штрафного прошлого, что мало-мальски ценные трофеи у выживших после очередного боя «шуриков» сразу изымались особистами. Взамен штрафникам раздавали старые «трехлинейки». Слышал он, что иногда вообще ничего не выдавали. «Сами добудете, в бою...» За все время, что Андрей находился в штрафной роте, с ним такого не случилось, но рассказывали...

Отсюда вполне объяснимая, почти мальчишеская жадность, которую вальяжно расположившиеся во дворе штаба батальона воины проявляли к стреляющим изделиям. В первую очередь по этому Андрей сразу понял, что перед ним штрафники. И еще – по неуловимо ощущаемой, точно разлитой в воздухе, атмосфере отчаянной бесшабашности, исходившей от

всей этой группы.

– Эй, старшина, курева не найдется? – не меняя своей по-султански возлежащей позы, бросил шагавшему Аникину один из группы – здоровенный детина с наглой, точно гвоздиками прибитой к лицу ухмылкой.

– А ты метнись по-быстрому, может, и повезет... – приостанавливаясь, откликнулся Андрей.

Спросивший, тут же забыв про свой гонор, с готовностью вскочил с места и быстро подбежал к старшине. Развязав кисет, Аникин щедро отсыпал ему табаку-самосада.

– Не шибко бегаешь... – с доброй иронией произнес Аникин.

– Да уж, товарищ старшина, за тобой точно не угнаться, – подхватил штрафник. – Уж ты горазд бегать. Мы тут всем отрядом переживали.

– Ну вот, табачком теперь нервишки и успокоите, – ответил Аникин и, попрощавшись, направился к поджидавшему его на крыльце хаты комбату.

VII

Зайченко и тут в чем-то оказался прав. Отряд штрафников действительно планировалось использовать на манер десантников. Только их высадка должна была пройти без всяких парашютов, а на лодках, плотках и прочих плавсредствах. Потому как не с воздуха, а по воде. Срочность и экстренность приказа, доведенного в батальон лично майором Дедовым, сразу создала вокруг вновь прибывших ореол некоего геройства.

Все в батальоне, и в первую очередь командиры подразделений, прекрасно понимали, что эта горстка проштрафившихся, до зубов вооруженная трофейным оружием, практически обречена. По данным разведки, фашисты возвели на правом берегу настоящую неприступную цитадель. Мало того что артиллерия и минометы, еще и эшелоны траншей и окопов, связанных между собой переходами, со всем фортификационным фаршем, на который немцы были большие мастера, типа бетонированных дотов и усиленных пулеметных гнезд.

На днях, как сообщил Демьяненко, пригнали еще подкрепление, усилив передний край береговой линии. И еще снайперы... Вот и лезь после этого на рожон: сначала две сотни метров по водной глади реки, и как на блюде в качестве мишени для сотен огневых точек, которые бьют сразу с нескольких холмов, венчавшихся господствующей высотой – Пуркарским плацдармом. А потом, если случится чудо и доберешься до правого берега, карабкайся на трехметровый обрыв под шквальным фашистским огнем, зубами, чем хочешь, цепляйся за сантиметры днестровского песка, пытаясь создать пятачок для будущего плацдарма.

С одной стороны, хорошо, потому как не надо лезть самому и гнать своих подчиненных на верную гибель в эту мглисто-зеленую реку.

А с другой... Невесело становилось на душе, когда глядел на тех, кому суждено было совершить эту работу за тебя.

Исходя из важности предстоящей боевой задачи, командование и приняло решение не отбирать у штрафников трофейное оружие, а оставить как есть. Пусть против фашистов их же огнем воюют.

Время самой переправы держалось в тайне. По крайней мере, ни комбат, ни майор Дедов об этом ничего не сказали. Зато почти сразу выяснилось, зачем в штаб было приказано явиться Аникину. Отряд штрафников прикомандировали к третьему взводу. Командир Демьяненко получил приказ обеспечить вновь прибывших довольствием и разместить на ночлег. А отделению Аникина было поручено оказать штрафникам-десантникам всяческую поддержку в подготовке к форсированию: раздобыть, какие остались в селе, лодки, помочь в сколачивании плотов, в кратчайшие сроки, с привлечением местного населения, провести разведку подступов к воде, выбрать и наметить наиболее удобные и скрытные.

– Все ясно, товарищи командиры? – обрадованно подытожил комбат, стукнув по столу обеими ладонями.

– Не совсем, товарищ капитан... – поднялся со своего пятачка на длинной лавке Аникин, не обращая внимания на то, как заскрипел зубами и зашикал на него Демьяненко.

– Слушаю тебя, старшина... – устало отозвался комбат.

– Не совсем понятно, в каком качестве нашему отделению с отрядом этим нянчиться. У них наверняка свой командир имеется. Они своего командира слушать должны. А мы в роли кого? Воспитателей старшей группы? У нас позиция не оборудована...

Комбат помолчал несколько секунд, с прищуром внимательно разглядывая Аникина. Как будто нелегко ему это было сделать сквозь клубы никотина, которые стали еще гуще.

– Ему, видите ли, не совсем понятно... Слышь, Демьяненко, и где ты такого старшину сыскал непонятливого?

– И все же, товарищ капитан, насчет поддержки уточнить необходимо.

– Верно говорит старшина, – вдруг вступил в разговор молчавший до этого майор Дедов. – В группе на время передислокации назначен старший. Сержант Колышкин. Сам исполнительный, но на половину отряда влияния почти не имеет. Контингент сборный, сложный. После штурма Одессы из шестисот с лишним человек штрафной роты осталось в живых больше ста, треть в госпиталя отправлены. Вот и этих командир, – майор кивнул в

сторону окна, – убит. Тут надо четко решить, товарищ комбат, и командование подразделением положить в одни руки. А то старшина со своими людьми пойдет штрафникам помогать, а те пошлют его подальше правого берега. И будут правы. Поэтому считаю необходимым, Макар Степаныч, на время пребывания в расположении батальона отряд перевести в оперативное подчинение кому-то из ваших командиров.

Комбат хмыкнул и, метнув в сторону Аникина совсем прищуренный взгляд, кивнул.

– Хорошо, – словно бы нехотя, но принимая правоту доводов, произнес он. – Думаю, коль скоро на довольствие поставлены наши штрафнички в третий взвод, то пусть Демьяненко ими и командует.

– Товарищ капитан, – вскочил с места взводный, исподволь грозя Аникину кулаком. – Да у меня взвод не обустроен. Где тут еще с этими гавриками возиться.

– Да ты не бойсь, старшой, они ребята неприхотливые, – с юмором возразил Дедов и вдруг, уже без всякого веселья, добавил: – И прям у нас какими-то сиротами беспризорными отряд выходит. Нехорошо получается. Они ведь не сегодня-завтра на тот берег полезут. Сами должны понимать. Ведь вместо вас полезут...

– Мы, товарищ майор, за чужое геройство не прячемся и медалки чужими руками на грудь себе вешать не привыкли, – вдруг веско произнес Аникин. – Если прикажете, сегодня пойдем через реку.

– И прикажу! – взъярился вдруг майор. – И пойдете!

В течение мига тягостной тишины он взял себя в руки и, уже усевшись, более спокойным тоном произнес:

– Пойдете... можешь не беспокоиться... Только позже... А первыми – вот они пойдут...

Он снова кивнул в сторону окна и тут же отчеканил, будто подвел черту, за которой уже не могло быть никаких рассуждений:

– А с оперативным подчинением, Макар Степаныч, решим так. Командиром прибывшей группы на время подготовки к форсированию Днестра назначается командир отделения третьего взвода старшина Аникин. Пусть со штрафниками умничает...

VIII

Принятая Аникиным команда оказалась на удивление покладистой. Тут же, за плетнем хаты командного пункта, комбат провел на скорую руку построение штрафников и представил им Аникина в качестве командира отряда.

Андрей, не откладывая в долгий ящик, обрисовал план действий на

ближайшие часы. Он с ходу решил взять жесткий, не терпящий возражений тон. На все его команды и короткие, как солдатский отдых, распоряжения испытуемые отреагировали в высшей степени адекватно, то есть – молча. До позиции аникинского отделения добрались строем и без пререканий.

Причина такого послушания выяснилась скоро. Как объяснил по дороге Аникину старший группы – тот самый сержант, который просил табачок, – «крепко хлопцы намаялись». Сержанта звали Трофим Нелядов, а товарищи именовали проще – Трошкой. Для своего недюжинного роста, который обычно предполагал отсутствие тяги к болтливости, Трошка оказался на редкость говорлив.

Словно какую-нибудь деревянную детскую игрушку, он тащил на плечах немецкий пулемет МГ с полностью снаряженной лентой. Еще две заполненные ленты крест-накрест опоясывали его мощный торс. Несколько коробок с патронами к пулемету угадывались в вещмешке по характерному металлическому позвякиванию, которое раздавалось при каждом шаге. При этом он даже не запыхивался и без всякой одышки продолжал тараторить.

Подходя к пойме, Андрей уже знал о тяжелых штурмовых атаках Одесского побережья в районе порта Южный, почти на две трети сокративших личный состав отдельной штрафной роты N-ской дивизии, о не менее тяжелом пешем марш-броске почти в сотню километров, в который отправили штрафников, так и не дав им после взятия порта и суток на передышку. Так же Андрей оказался посвященным и в то, что, несмотря на практическое отсутствие передышки, этот самый Трошка сумел сыскать в пригородной слободке под Одессой, как он выразился, «дивную морячку с формами» и, более того, даже с ней, по выражению Трофима, «сговориться» и выполнить уговор так, что «морячка осталась довольна. Была, как спасающаяся на берег после шторма».

Этот Трошка явно ходил не только в старших группы, но и в штатных ее балагурах. Это сразу стало понятно по репликам и шуткам, которыми тут же отзывались на захватывающий Трошкин рассказ его товарищи.

– Слышь, Троша, баркасом тебя не придавило? Во время шторма-то? Уж больно у той морячки корма была широкая...

– Не, он, видать, ее крепко за штурвал держал... Так, Трошка? Двумя руками? Или еще и зубами вцепился?

– Ты в фарватер-то хоть попал? Или на мель наскочил?

– Зубоскалы... – по-доброму отозвался на эту волну насмешек Нелядов, не поленившись перед тем дать тумака одному, что подвернулся поближе.

– Да уж! – хмыкнул Аникин, развеселившись. Похоже, что компанию

ему в подчинение препоручили нескучную. Отойдут с дороги, того и гляди, устроят цирк с фейерверком.

– Шторм, говоришь... – стараясь сохранить серьезность тона, заметил Андрей. – Когда ж ты успел?... Сам же говорил, что отдохнуть времени не было.

– Так то ж на передышку времени не было, товарищ старшина, – эмоционально подтвердил сержант. – А я ж без роздыху. Морская наука, она... у-ух!

Не найдя нужного слова, чтобы передать энергозатратность и напряжение морской науки, Трошка увел смысл своего высказывания в бездонную глубину старого как мир русского междометия.

– Неужто, Трошка, морская болезнь тебя подкосила? – не унимался чей-то озорной голос. – Ох, и сильно, видать, заштормило тебя на твоём баркасе широкопалубном... Ноги-то до самого Днестра старшой наш еле тащил...

– А, кроме морской, никаких болезней русалка морская тебе не оставила? – тут же подхватили тему с другого края. – Ты смотри, Трошка. В Одессе чего только немчура с румынами не оставили.

– Тьфу на вас! – сплюнув в сердцах в сторону шагавших, разозлился Трофим. – Самих просто завидки берут, что я Марину встретил, а вам только тушенка трофейная да конина французская достались.

Тут же, повернувшись к Аникину, он с жаром принялся живописать, какие трофеи, в смысле жратвы, достались выжившим после кровавого штурма Южного порта и верфей.

– У нас еще с собой осталось... кой-чего... – заговорщицки подмигнул сержант. – Так что ребята твои довольны останутся. Даже ягоды эти, как их... А ну, подскажи, братва, как кличут черные эти... ну, макаронники их жрут постоянно.

– Маслины, – с готовностью подсказали из строя.

– Во-во, маслины, – кивнул Трошка, поправляя на плече пулемет. – Точно патрон. И на вкус – точно маслом обмазан машинным. А потом ничего, привыкаешь... Особенно под коньячок фрицевский. Верно, Яша?

Он обратился к тому самому штрафнику, который минуту назад попал под горячую руку. Яша молча изобразил на своем изможденном лице вымученную улыбку, обнажив при этом целый ряд вставных золотых фикс.

– Ишь, какой у нас ослепительный, – за старшего пояснил Трофим. – Как улыбнется, девки за километр удирают.

– Ага, на ощупь, ослепленные, улепетывают, – сострил тот, что шел рядом с фиксатым.

– А ты, Крендель, не умничай, – тут же среагировал Трошка. – Яшка вон твой вещмешок тащит, хотя конины вы намеренно одинаково вылакали...

– Да где одинаково, Трофим! – искренне возмутился тот, кого называли Кренделем. – Яшка после трех глотков отрубился, а мне еще пришлось весь котелок добивать.

– Это каких еще таких трех глотков! – крикнул Яшка в свой черед.

Доказать ему свою правоту не дал Аникин. Почувствовав, что пришла его очередь вступать в дискуссию, он вновь взял жесткий командирский тон:

– Ладно, моряки-подводники. Вам бы только баркасы править по коньячным волнам. А по сему хорошо спорить. О завтра думать надо. Днестровской водицы много, всем нахлебаться хватит...

IX

А смекалки штрафникам действительно было не занимать. Только наклон она имела в одну сторону: чем бы пожить. Сразу по прибытии к траншеям Аникин опять провел построение. Его отделение, все девятеро, выстроились отдельно, через траншею, напротив штрафной группы. Провели переключку. Учитывая марш-бросок, Андрей предложил составить из числа вновь прибывших группу добровольцев из пяти человек. Они должны были отправиться в село на поиски досок, бревен и всего прочего, что держится на воде.

С десяток грязных, заросших щетиной вояк тут же вызвались. Трошка был среди них. Переглянувшись с товарищами, он тут же предложил Андрею осмотреть разрушенные взрывами дома на предмет заборов, плетней и деревянных балок. Аникин сразу учуял, куда ветер дует.

Вопрос о возможном использовании материалов из разрушенных домов комбат лично решал с сельчанами. Старики указали хаты, откуда можно было взять плетни и заборы. Многие из сельчан сами взялись помогать солдатам. Кто-то выделял древесину из уцелевших после суровой зимы запасов. Были даже такие, кто разрешал спилить на плоты черешни или вишни из собственного сада.

В тоне, которым Трошка заговорил о разрушенных хатах, запахло мародерством. Насчет этого приказ по батальону был непререкаемо суров: за малейшие факты такового – расстрел на месте. Аникин, зная о нравах, царивших в штрафных подразделениях, решил не искушать судьбу и не испытывать темные инстинкты испытуемых. С них хватит и того, что ждет впереди.

– Предложения здесь озвучиваю я, товарищ сержант... – оборвал его нескончаемый речевой поток Андрей. – Я отберу пять человек, они пойдут

со старшим сержантом Бондарем и рядовым Зайченко. Туда, куда укажут. В стороны не шастать. Ясно?

Аникин решил пойти на хитрость, чтобы подстраховать себя.

– Вы прошли маршем около сотни километров. Вам требуется отдых... Вам нужно привести себя в порядок, – начал Аникин. – Как известно, пехота – царица полей и в плане пеших многокилометровых прогулок будет повыносливее. Кто – из бывших пехотинцев? Шаг вперед...

Вышли шестеро. Ни Трошки, ни его дружков-остряков среди них не было. Обычные парни, видно, что в штрафную угодили из строевых частей. «Что ж, – подумал Андрей, – вполне достаточно». Похоже, план сработал. Андрей рассудил просто. Надежнее будет, если в село под началом Бондаря отправятся штрафники не из бывших уголовников, а армейские. Однако устраивать допрос, вроде «Как ты попал в штрафную и за что?», Аникин ни за что не хотел. Он прекрасно знал, что в самих штрафных ротах разговоры об этом вести не принято. О провинностях и преступлениях, за которые солдат загремел в штрафную, как правило, знали командир роты и офицер-делопроизводитель. Конечно, уголовники на общем армейском фоне выделялись, но сейчас, второпях, разобраться, где бывший зэк, а где армейский, было трудно. Вот Андрей и пошел на хитрость, придумав вопрос с пехотой. Уж наверняка из четырнадцати кто-то да окажется из бывших пехотинцев. Расчет Аникина оправдался, да еще с лихвой.

– Богдан Николаич, – окликнул старшину Аникин.

– Я, товарищ командир!

– Принимай команду. Подымитесь в село, к деду Гаврилу. Помнишь, Богдан Николаич, где старик обитает.

– А как же шь. Хибо его подвал можно забыть.

Услышав про подвал, Трошка тут же взвился на месте:

– Товарищ старшина! А как же мы? Я ж доброволец в команду...

– Отставить истерику, сержант. Остальные приступят к водным процедурам и будут готовиться к ночлегу. Кто жаловался, что хлопцы намаялись?

Известие о помывке оживило штрафников. Сразу пошли разговоры о недельной грязи и вшах и о том что хорошо бы постираться. Уже и Трошка не особо рвался в группу заготовителей.

Помывочную разработал старший сержант Бондарь, он же ее и сколотил во дворе хаты, где разместилось ротное начальство. Собственно, это была дощатая кабинка на манер тех сооружений, куда обычно на селе ходят «до ветру». Тут же, в огромном чугунном котле, на костре грели воду, набранную из колодцев, разводили ее в дубовой бочке из-под вина ведер на

пятьдесят. Установленная, как памятник чистоте, на уровне потолка кабинки, после нехитрой манипуляции с вытаскиванием деревянной втулки она давала внутрь струю чистой горячей воды. Вскоре другие роты и даже отдельные взводы соорудили у себя бочковые душевые по такому же принципу.

В первой роте, не сообразив, что к чему, затеяли банный день среди бела дня. Дым от костра привлек внимание фашистского гаубичного расчета. Ветра не было, и ровный столб дыма, вертикально поднявшийся на северной окраине села, стал идеальным ориентиром для немецких корректировщиков огня.

Выстрелы, пущенные один за другим, накрыли мывшихся, оставив от целого отделения мокрое место. После этого комбат настрого приказал баню устраивать только по ночи, а котел для нагрева воды прятать за хатой или прочими постройками, чтобы пламя в темноте не было видно с того берега. Все эти меры безопасности Аникин не поленился довести до штрафной группы.

– Что касается воды наносить, дров наколоть и костер раскочегарить, это ваша забота...

– Не извольте беспокоиться, товарищ старшина! – обрадованно отозвался за всех оставшихся Трошка. – Сделаем в лучшем виде. Потому как неделю, не мывшись, бродим. Одичали малость... Уж мы внакладе не останемся. У нас не то что тушенка, еще и бутылок припасено несколько. С французской зажигательной смесью.

– Гляжу, запасливые вы хлопцы, Нелядов, – заметил Аникин.

– Война, она такая, товарищ командир... Коли есть момент, лови его. Пей конину, наворачивай тушенку. А то через момент из тебя тушенку сотворят. И не побрезгуют...

Х

Чего это Нелядов про тушенку разговор завел? Будто накаркал, напроорочил себе и товарищам своим, во что превратятся они во время переправы. Неужто предчувствовал, что здесь, в днестровских водах, застанет его последняя минута, и будет она жуткой, и ярким, кровавым, бурлящим пятном будет неотступно преследовать Аникина, как только, совершенно бесполезно, попытается он следующей ночью закрыть глаза и забыться. Это кипящее варево красного борща, в которое обратилась гибель Трошки, и Кренделя, и Яшки, и других штрафников, теперь не пускало в крошечную бездну сна, плескалось в мозгу, обжигая сознание. Он был назначен их командиром на время подготовки к форсированию... Андрей пытался что-то предпринять, но приказ комбата был четок и обсуждению

не подлежал: реку форсируют штрафные, а батальон прикрывает переправу с берега...

Сразу после бани, устроенной штрафникам, Аникин дал им несколько часов отдыха. Отряд разместили в одной из хат, отведенных третьему взводу. А отделение в это время сколачивало плоты. Блиндаж для аникинских тоже отложили на потом. Сюда пошло все дерево, заготовленное для постройки, а также то, что удалось найти команде Бондаря. Его группа вернулась из села часа через два. Солдатам помогали несколько подростков из местных. Аникин сразу отправил ходивших с Богданом в село штрафников мыться, а добровольцев из числа мирного населения в лице сельской пацанвы снарядил сделать несколько ходок за бревнами и досками, которые бондаревские не смогли унести с первого раза. Это заняло еще часа полтора.

Разместившись в хате, штрафники тут же устроили закусон. Кто-то не дождался ужина и тут же повалился спать, кинув сена прямо на убитый глиняный пол. Аникин, заглянув в хату проверить, как штрафная команда устроилась на ночлег, застал в центре комнаты сидевший под лучиной кружок уминающих тушенку. Вскрывали в два счета трофейные банки трофейными немецкими финками и с лезвия, ловко, кусками отправляли содержимое в рот. Тут же по кругу передавалась фляжка. Благоуханный, спиртово-виноградный запах из фляги распространялся по всему помещению.

– О, командир пожаловал, – бодро, вполголоса, откликнулся Трошка. – Давай, командир, хлебни за нашу Победу...

Аникин поначалу хотел отказаться, но потом молча взял протянутую, погнутую и мятую флягу и сделал порядочный глоток. Словно ароматного огня плеснуло внутрь и растеклось, побежало по всему телу, согревая уютным, солнечным теплом.

– Что, хороша французская огненная водица? На вот, закуси... – Трошка, приняв флягу, протянул взамен очередную вскрытую банку.

– Спасибо, водицу не закусываю, – шепотом, но веско проговорил Андрей, утирая усы рукавом кацавейки. – Вы, это, Нелядов, тут не сильно расслаживайтесь. И говорите тише. Остальные пусть поспят.

Трошка махнул зажатым в руке измазанным свиной тушенкой лезвием финки.

– Да их не добудишься, хоть из пушки стреляй. Намаялись хлопцы. И мы тоже, командир, в скорости отбой сыграем. Нам еще плоты колотить...

– За это не беспокойтесь... – с заминкой произнес Аникин. – Отдыхайте. Мои парни как раз для вас сооружают водные велосипеды. Для

увеселительной прогулке по Днестру...

Слова старшины вызвали шелест смешков и улыбок.

– А ты – не промах, командир, – отхлебнув, усмехнулся Трошка. – Свойский мужик. Небось, доводилось и кровью искупать?

– Всякое бывало. На то она и война... – ответил Аникин. – Ладно, бывайте. До подъема. Может, несколько часов у вас получится.

– Спасибо, командир. За баню спасибо. Как будто заново родились... всю усталость как рукой сняло. Вот что значит из дубовой бочки мыться.

– Ты теперь, Трошка, совсем станешь дуб дубом, – заметил Яшка. – На переправе и тонуть не будешь, и пули фашистские от тебя будут отскакивать...

– Ладно тебе, остряк... – вдруг тоскливо выдохнул Трошка. – Завтра оно покажет, что к чему. Эх, давай, командир, еще по глоточку.

– Не, хорош... – коротко отрезал Аникин. – До завтра!

XI

Минометный обстрел начался еще затемно. Предшествовали ему две зеленые ракеты. Они взвились одна за другой в темно-сиреневое небо позади села. По плану, озвученному комбатом, это и стало сигналом к началу операции.

Аникин не спал всю ночь, как и все его отделение. Вязали плоты. Гвоздей почти не было, поэтому в ход шли в основном веревки, вожжи, ремни и прочие крепежные средства. Всего они подготовили пять плавучих площадок, с расчетом на трех бойцов каждая. Лодок в селе не осталось, об этом в батальоне узнали практически сразу после размещения в Незавертайловке. Отступая, фашисты забрали с собой лодки для переправы, а остававшиеся уничтожили. Некоторые из запасливых жителей сберегли у себя деревянные весла. Хотя с приспособлениями для гребли решалось проще: отбирали доски пошире, обстругивали топорами с одного края, чтоб держаться удобно было.

Бондарь смекнул прихватить с собой несколько небольших дубовых бочонков.

– Для плавучей устойчивости, товарищ командир. Катамаран строить будем...

Аникин смекалку старшего сержанта похвалил, а острословы в отделении получили очередную пищу для своих шуточек.

– Богдан Николаич, а чего ж ты со своими подручными не прикатил бочку на пятьсот литров? – шуточно спрашивал Попов, правда, с безопасного расстояния. – Взял бы одну из тех, что у деда Гаврила в подвале стоят. Или они полные? Так что ж вы, в столько глоток и не

опустошили? Одну хотя бы?

– А на шо мне бочка на пятьсот литров? – не понимая, куда клонит Попов, сердито переспросил Бондарь. – Куды ты ее присобачишь?

– Как куды? – наигранно удивился солдат, накрепко перевязывая перехлест двух бревен. – Так из нее же подводную лодку можно сделать...

В дружном хохоте старшему сержанту ничего не оставалось, как издали погрозить Попову огромным своим кулачищем.

– Я тебе покажу подводную жись, – проговорил Бондарь. – Тресну раз по ряшке, ты у меня в камбалу превратишься. Зроблю тобі плоскостопие, тильки в районе головы.

– Не, товарищ старший сержант, на это я не согласен, – не унывал Попов. – Хватит того, что у нас в батальоне вобла имеется...

За судостроительными хлопотами подошло время будить штрафников.

XII

Мероприятие по подъему личного состава отряда оказалось из числа самых трудных. Хата сотрясалась от дружного храпа, и, казалось, саманные стены вот-вот развалятся от воздушных потоков, с шумом вырывавшихся из грудных клеток храпящих штрафников. На крыльце Аникин застал Трошку. Он один не спал, курил самокрутку из самосада, щедро отсыпанного старшиной накануне.

– Будить пора товарищей твоих, Трофим... – сказал Андрей. Но сержант не торопился. Аникин, понимая, чего для того стоят эти минуты, тоже остановился.

– Что, Трофим, сон так и не пришел?

– Эх, старшина, – проговорил Нелядов. – Неохота ночку эту на сон тратить...

Голос его прозвучал как-то незнакомо. Не было в нем ни балагурства, ни гонористости. И особенно слово «эту»... Так он его произнес, с таким смакованием, точно прощался с этим миром.

– Из Твери я, – вдруг произнес он. – Жена и детишки есть... Двое: Стасик и Верочка. И мамка больная. Писем от них полгода нет... А сам я из пехоты в штрафные попал. Затосковал по своим, напился первача, и гаду одному при погонах попал на глаза. Слово за слово, он меня трибуналом стращать... ну, я и усугубил это дело, расквасив его сытую штабную рожу... Вот так вот.

Как-то серьезно-серьезно проговаривал он эти слова, точно в них заключалась вся жизнь его и еще что-то самое важное, от чего зависело все его будущее. Андрей тоже закурил.

– А я думал, ты из этих, из лагерей... – произнес Аникин.

– Да ну?... – почему-то усмехнулся Трошка. – Да уж, с кем поведешься, от того и наберешься. А вообще-то, по малолетке в районе меня уважали. Если б мамка вовремя не отдала в ремесленное училище, точно куковал бы сейчас где-нибудь на нарах. Дружки у меня были ух... Сорви и выкинь... Вон, как Яшка, – Нелядов кивнул в сторону хаты, из окон которой гремел непрерывный храп. – Этот перо тебе сунет между ребер и глазом не моргнет. Ему и двадцати пяти нет, а дважды сидел, за разбои и грабежи, с тяжкими телесными. Так-то... Хе-х!

Трошка вдруг усмехнулся каким-то своим мыслям.

– Интересно как-то получается, командир... Я вот тут, на крылечке, вспоминал всего из житухи своей. И с Нюрой, это жена моя, вроде жили нормально, и детишки... А я все по красивой жизни тосковал. Все жалел, что на этот чертов завод подался... Дружки меня все подбивали: «Давай, мол, с нами, на дело... Жизнь, говорили, копейка, и живи ее так, чтоб не было мучительно больно...» Начитанные, черти... Их потом всех посадили... А сейчас вот думаю: ну, загремел бы в тюрьгу, дали бы срок. А там глядишь и в штрафную вышла бы оказия, для желающих, так сказать, искупить кровью. Это выходит, я бы все равно сюда попал, и мы бы с тобой все одно табачок курили накануне переправы? Рассуди, командир. Так выходит?

– Вполне могло бы... – согласился Андрей.

– Вот и я говорю, – с жаром подхватил Нелядов. – Ишь, какая штуковина. Выходит, как ни крути, итог моей жизни один...

– Ты погоди-то итоги подводить... – оборвал его Андрей. – На войне, сам знаешь, всяко бывает... А вообще... Разница-то большая, Трофим.

Главное ведь, с каким багажом к берегу этому подошел. У тебя жена вот, детишки... А так что бы у тебя за душой было? Жизнь, впустую на нарах просиженная. Ради чего? Ради черт-те чего... Ты о детках своих думай. Им жить... Ради них эту реку форсировать не жалко. Я так думаю...

Нелядов молчал.

– Толково сказал, командир... – произнес он, наконец. – Да, семи смерти – не бывать, а одной не миновать... – добавил Трошка. – Да только я о том, что все равно меня к этому берегу бы прижало. И вот теперь, как тогда... Когда дружки мои меня звали: «Давай с нами на дело». Это, знаешь... как в другую жизнь вступить. Вот как «Чапаева» смотришь в кинотеатре, а потом вдруг встаешь – р-раз, и в экран прыгаешь. И ты уже рядом с Чапаем. Понимаешь?...

– Кажется, понимаю, – задумчиво отозвался Андрей.

– Выходит, я и собираюсь... на дело. И там, где река, там... как этот

экран с Чапаем...

Еще минуту они помолчали.

– Ладно, Трофим, пора будить людей, – сказал Андрей.

– Пора, пора, – словно эхом отозвался сержант.

XIII

Подняв команду на ноги и приказав привести себя в порядок, старшина вывел их к траншее, где лежали плоты. Уже вместе их снесли к берегу, на полкилометра выше по течению. Укрываться в безлиственной растительности все равно было бесполезно. Поэтому решено было спустить плоты и начать переправу еще затемно. Распределились с интервалом метров в десять-двадцать, чтобы рассеять сектор стрельбы противника.

Сигналом к началу форсирования должно было стать начало минометного обстрела. Как обещал комбат, из полка для огневой поддержки специально должны были перебросить артиллерийский дивизион – несколько легких пушек и минометные расчеты. Штрафники спешно крепили на плотях свое вооружение, перетаскивали ящики с боеприпасами. Вот Яшка, весь обвешанный гранатами для своего гранатомета, плеская сапогами по кромке воды, взобрался на шаткую поверхность плота. Как только плот оказался всем своим периметром в воде, его тут же потащило от берега мощное, бурное течение. Если бы не уцепились за края бревен руки с берега, утянуло бы сразу.

– Во прет, и топлива не нужно, – с усилием удерживая одной, мокрой, рукой вспененное бурунами бревно, прошептал Бондарь. Ему было неудобно, так как в правой, чуть на весу, он удерживал Яшкин гранатомет.

– Давай, – приготовившись, основательнее установив ноги на бревенчатой палубе, произнес Яшка.

Бондарь подал ему в руки трубу со щитом – тот самый трофейный «панцершрек», который так удивил Зайченко.

– Осторожно, не пульни мне из него раньше времени... – с нервной усмешкой шепотом проговорил Яшка, осторожно принимая смертоносную штуковину. И Бондарь, и остальные тут же жестами и шипящими междометиями эмоционально объяснили ему, что рот надо держать на замке. Здесь, у реки, любой звук казался непомерно громким. Как будто вода предательски разносила его далеко вокруг.

Тут же, на соседнем плоту, еще на песке, Нелядов крепил к доскам станок для своего пулемета. Ему плот достался самый широкий, и Трошка решил превратить его в плавучее пулеметное гнездо.

– Эх, мне бы еще башенку бронированную... – наигранно, еле слышно

сокрушался он. – Я бы показал этим гадам...

– Троша, ну, это уже был бы чистый броненосец «Потемкин»... – ответил ему Яшка, примериваясь на плоту со своей трубой.

– Ничего, – бодрился Трошка. – Броненосец не броненосец, а дать прикурить немчуре я успею.

– Ты гляди, не угоди под исходящие газы. Все время сбоку держись, а то башку сдует начисто, – говорил он своему товарищу по экипажу.

– Ее-то в любом случае снесет... – без всякого пафоса, по-деловому ответил тот, сплевывая в огибавшие плот днестровские струи.

– Слышь, командир... – Трошка словно спохватился, пытаясь оттянуть хоть на секунду миг, когда их плоты оттолкнут от берега. – Табачку твоего не осталось? – Он повернулся к Аникину. Тот держал Трошкин МГ, ожидая, когда тот закрепит станок. – Напоследок курнуть бы...

– Табачок-то есть. – Андрей, передав Трошке пулемет, вытащил из кармана кисет. – Только курить сейчас нельзя. Засекут фрицы огонек, и кранты всей вашей переправе настанут. На вот... – Он протянул кисет Нелядову.

– Держи, боец. На том берегу покуришь. Как зацепитесь. Там, думаю, уже перед фашистом реверансы крутить не нужно будет.

XIV

Рев сразу нескольких мин разорвал набухание неестественной тишины, в которой слышалось движение непроглядно холодных вод грозного, враждебного Днестра. Первая порция мин легла в глубине правого берега, и тут же чуть посветлевшее небо содрогнулось от нескончаемого протяжного рева.

День тяжело пробудился от этого нестерпимого воя, заворочался, как недужный, все не желая расставаться со сном. Сначала чуть посветлело небо, мутно, какой-то мертвенной бледностью. В доли секунд горизонт далеко за селом, на востоке, стал багрово-красным. Минометный вой нарастал, и Аникину показалось, будто от этого нестерпимого рева налилось кровью небо.

Тут заработала артиллерия поддержки из Коротного. Обещание майора Дедова сбывалось. Взрывы ложились где-то выше по руслу, в глубине правого берега. Били, скорее всего, по позициям немецких артиллеристов. Холодная сырость возле самой воды пронимала до костей.

Озноба добавлял туман, который стал клубиться над поверхностью воды. Однако для ежащихся от холода штрафников это была настоящая удача. Природа сама создавала для них маскировочный шлейф, на манер дымовой завесы. У переправлявшихся появлялся шанс подольше

продержаться необнаруженными. От этого зависели их жизни, от каждого метра, пройденного к противоположному берегу, поперек холодной, вспученной шевелящимися буграми и водоворотами мышц, струящейся кожи гигантского змея-Днестра.

– Ну, с Богом! – сказал вдруг Нелядов. Его рука, мертвенно-бледная в предрассветном тумане, перекрестила такое же белесое лицо. – На дело, командир!...

– На дело... С Богом! – прошептал Аникин и с силой, чуть не зачерпнув воду голенищами сапог, оттолкнул плот от берега. То же самое сделали и с другими плотами. Река тут же подхватила, понесла, закрутила утлые средства переправы. Штрафники, первые секунды привыкавшие к новой среде обитания, понемногу, втихаря, принимались грести, старясь править вперед, к середине течения.

Фигуры их постепенно поглощал туман. Чем больше светало, тем гуще он становился, клубясь над водой воздушным молоком, пробиравшим сырым холодом до печенок.

Аникин жестом приказал всем своим, оставшимся на берегу, быстрее возвращаться. Они чуть не бегом направлялись к позициям, чтобы уже из окопов, если начнется, ударить по врагу, прикрывая ушедших на тот берег товарищей.

Если начнется, если начнется...

XV

Ветер подул неожиданно. С правого берега потянуло сильным шквальным порывом и точно сдернуло белый как саван полог с речного простора.

Плоты неслись по реке, уже порядочно отойдя от своего берега. Но до чужого было еще слишком далеко. В середине реки скорость течения увеличивалась. Попадая в эту стремнину, плот делался практически неуправляемым. Все, кто был на плотках, по двое – по трое, гребли изо всех сил, стараясь как можно быстрее вырваться из тисков срединного течения. В этот момент их и увидели немцы.

Андрей из траншеи услышал, какой переполох начался на том берегу. Крики командиров, какие-то истошные приказы тут же утонули в открывшейся стрельбе. Огонь вели сразу с нескольких точек. Выделялся своим глухим дробным лязгом пулемет. Трассеры прошили речной поток, черканув пунктиры возле нескольких плотов. Но никого не задел.

– По огневым точкам фашистов. Огонь, огонь!... – скомандовал Аникин.

Они принялись обстреливать обрывы, ориентируясь на те участки,

откуда выплывались пунктиры трассеров. Бондарь со своим «дегтярем»[2] отполз метров на сто левее, выбирая позицию для обстрела вражеского пулеметного гнезда.

– По пулемету, бейте по пулемету! – скомандовал Аникин остальным. Сейчас главное было оттянуть на себя внимание фашистского пулеметчика от реки. Невеликая огневая мощь винтовок и автоматов аникинского отделения, собравшись в одну точку прицела, видать, заставила врага обратить на себя внимание. Широким, смертоносным веером прошелестела над траншеей пулеметная очередь. Пули вгрызлись в насыпь бруствера, заставив всех нырнуть на дно.

– Ага! – обрадованно выкрикнул Зайченко. – Не иначе Ганс-пулеметчик заметил, что на берегу тоже кто-то имеет до него пару слов.

– Смотри, башкой перед ним не маши... – зло и весело ответил ему Евменов. – А то не успеешь свои пару слов Гансу высказать...

В этот момент справа раздалась стрельба Бондаря. Он вел огонь методично, как по учебнику, короткими очередями по три-пять выстрелов. Выбрав и отмежевав условными ориентирами сектор стрельбы, он заполнял этот участок вражеского пространства настолько плотной стрельбой, что живого места там практически не оставалось.

В промежутках, после двух-трех очередей, Бондарь оценивал результативность проведенного им огневого отрезка и если чувствовал, что порядочно засветился, то менял позицию. Первый же натиск отделения дал свои плоды. Пулемет противника теперь работал по ним, с большими перерывами, осторожничая. Как будто подстегнутые огневой атакой аникинских, с новой силой заработали минометы и артиллерийская батарея.

XVI

Бондарь почему-то умолк. Андрей, тревожно оглянувшись направо, увидел, что тот по-пластунски пробирается к траншее, в одной руке сжимая своего «дегтяря», а в другой – вещмешок с запасными дисками.

– Что случилось, Богдан Николаич? – не дожидаясь, спросил Аникин.

Бондарь, откинувшись спиной к стенке окопа, силно вдыхал сырой воздух. Видно было, что этот спринтерский переход по-пластунски дался ему непросто.

– Сволочи, уф... снайперы... бьют, – на каждом выдохе с силой проталкивал он из себя по одному слову.

– Снайперы? Черт... – только и нашелся что выругаться Андрей. Если оно обстояло так, как говорил старший сержант, то дело было худо, и в первую очередь для тех, кто находился сейчас посреди реки.

Плоты несло уже почти напротив позиций отделения. Казалось, что обрывы правобережья оцетинились, как какие-то огромные дикобразы, стараясь впиться своими стальными иглами в тех, кто изо всех сил греб в их сторону.

Вот пулеметная очередь с брызгами распорола воду и наискось пересекла один из плотов. Щепки и кровь вместе с ошметками пробитого ватника полетели в стороны. Боец, скорчившись, с криком повалился на мокрые бревна. Одной рукой он держался за бок. Тыльная сторона ладони становилась алой. Это пятно ярко выделялось, виднеясь издалека среди мутно-стертых цветов серого дня и мглистой реки. Вскоре студенистая кожа Днестра покрылась множеством таких пульсирующих горячим огнем юшке.

Ганс оказался на редкость старательным в своей жуткой работе. Поймав добычу на стальную леску своих очередей, он не успокаивался, пока не всаживал последнюю кровавую точку. Он не успокоился тем, что раненый беспомощно корчился на плоту. Пулеметная очередь ворвалась в деревянный периметр, зажатый с четырех сторон речной водой, и впилась в раненого. Плотность очереди была настолько сильной, что, буквально разорвав раненого на части, его опрокинуло в воду. Будто столкнуло какой-то невидимой, неумолимой силой. Второй штрафник, весь забрызганный кровью товарища, даже не успел что-либо предпринять.

Он часто-часто бил доской по воде, тщетно пытаясь придать плоту какое-то управление. Тот только кружился на месте, на том самом, окрашенном расходящимся в стороны багровым кругом, куда только что сгинул убитый. Вдруг, точно разом лишившись рассудка, боец кинул в сторону бесполезную доску и, схватив автомат, принялся обстреливать обрывистый, оцетиненный свинцом берег. При этом он что-то кричал. Слова с такого расстояния сливались в один нескончаемый вопль, который перекрывал грохот стрельбы и рев минометов.

Остальные, те, кто находился на остальных плотках, понемногу отошли от первых секунд обрушившегося на них ужаса. Вести какую-то общую координацию было невозможно. Но, видимо, соображали посреди этой смертельной купели на ходу, оценивая то, что происходило у соседей или подсматривая, что те предпринимают.

XVII

Нелядов, что-то крикнув своему напарнику, передал ему весло. Сам, встав в середину плота, припал к пулемету, установленному на станке. Трошка схватил его за приклад и, отработанными движениями рук выставив прицел, резко развернул ствол в сторону надвигающегося берега.

Мощное «та-та-та» – в клокочущую мешанину звуков. Трофим старался взять в прицел огневую точку фашистского пулеметного гнезда. Поначалу ему это не удалось. Плот заходил ходуном, закачался в разные стороны. Крендель, напарник Трошки по переправе, чуть не соскользнул с мокрого дерева в воду. Упав животом плашмя на залитую ледяной водой древесину, он вцепился руками за щели между бревнами. Было видно, что он старался погасить силу раскачивавшегося плота.

Нелядов жал на гашетку, пытаясь обрести равновесие, а на деле попросту цеплялся за пулемет, чтобы не кувырнуться в реку. Ноздреватый ствол МГ прыгал вверх-вниз, выписывая очередями замысловатые кренделя. Пули летели и в небесное молоко, и во все стороны вдоль правого берега.

Тут Трошка, видимо, понял, что главное – успокоиться самому и утихомирить устроенную рекой и плотом свистопляску. Он попросту замер, что-то прокричав Кренделю. Скорее всего, что-то насчет того, чтобы тот тоже не шевелился. Все это длилось какие-то доли секунды. Вот наконец он обрел точку опоры. Согнувшись над пулеметом, прижавшись головой и лицом к линии прицела, он начал стрелять. Пошла уже совсем другая стрельба. Крендель тем временем опустил в воду перо весла. Он не греб, а попросту правил, не давая плоту крутиться на месте и сохраняя на плаву его устойчивость. Расчет оказался верным. Инерция движения к противоположному берегу у плота сохранялась, а стремительное течение реки несло его мимо немецких позиций, в сторону крутого речного поворота. Плот уже почти преодолел середину реки, и теперь поток сам по себе должен был вынести его к противоположному берегу. Главное – продержаться этот отрезок переправы, где штрафники оказывались наиболее уязвимы.

Нелядов утюжил очередями всю кромку обрыва правого берега. Немцы поначалу даже растерялись, боясь головы высунуть. Видать, хорошенько шарахнул по их психике сам вид Трошки с МГ, водруженным на станок. Еще бы развернуть на чухлом квадратике полтора на два метра целое пулеметное гнездо и без всякой оглядки сеять теперь смерть и панику в фашистских неприступных рядах.

XVIII

– Огонь! – снова скомандовал Аникин. Трескотня стрельбы всколыхнулась на левом берегу с новой силой, аукнувшись на отделенных рекой высотах новыми порциями смертоносного свинцового града.

Винтовочная и автоматная стрельба тут мало помогала. Намного эффективнее действовал пулемет Бондаря. Богдан Николаич уже третий раз

переползал на новую позицию, одновременно меняя и стрелянные диски. Всякий раз по нему принимался работать снайпер. Вот он добрался до Аникина и, переводя дыхание, выпалил:

– Засек його, гадину!

– Кого? – переспросил, крича Бондарю чуть не в самое ухо, Аникин.

Все равно его голос заглушался минометным ревом.

– Гада этого, який пчелок к нам запускает. За деревом сховався, в самых корнях... По центру от нас, где корни свисают с обрыва. Бачишь? От цього ствола три пальца влево. Ствол поваленный.

Андрей выглянул на миг. Тут досталось и ему. Возле самого уха, свистнув, шибануло по шапке-ушанке. Вначале Андрей подумал, что залетела шальная. А потом, нагнувшись за сбитой шапкой, увидел, как пущенная следующим выстрелом пуля вошла в заднюю стенку, скovyрнув глиняный край окопа. Как раз там прошла, где только что торчала его голова, командира отделения, старшины Андрея Аникина.

– Ну, шо я казав? Пулеметом його не скovyрнуть. Тильки щепки летять...

Все, теперь уже ясно как божий день, что гад этот фашистский с оптическим прицелом держит всю их линию на прицеле. А ведь командиров они снимают в первую очередь, заодно с пулеметчиками. Так-то вот, едрена кочерыжка, попал ты теперь, товарищ командир, в снайперский прицел. А выбраться из него ох как непросто.

– Слушай сюда! – крикнул Аникин. – Головы зря не высовывать. Менять позиции!

Андрей приказал своим быть осторожнее, стрелять, стараясь схорониться за мало-мальски пригодными для этого укрытиями. Тут его и осенило. А ведь про кочерыжку его не зря надоумило вспомнить. Так в войсках называли ПТР, оно же – противотанковое ружье. В отделении «кочерыжек» не было. Пэтээровцев держали в первом взводе. Одна она была на всю роту. А тут она здорово могла бы помочь. Дальнобойная и бьет наверняка. Если такой засадить по гнезду пулеметному, только пух и перья полетели бы от курятника фашистского.

Аникин по траншее пробрался на правый фланг. По пути дернул Зайченко. Тот обернул на командира очумелое, ничего не понимающее лицо.

– Небось, все патроны уже израсходовал! – крикнул Аникин.

– Что? – непонимающе переспросил солдат, а потом, разобрав, о чем речь, кивнул: – Ага, товарищ командир, мне Попов дал обойму. Я их берегу. По разу в минуту пуляю.

– Пуляю... Короче, берешь ноги в руки и пулей летишь к Кондрату. Пусть организует нам ПТР.

– Так оно же у Кондрата, в первом взводе! – утирая пот с грязного лица, крикнул Зайченко.

– Да я знаю, что в первом! – нетерпеливо кричал в ответ Аникин.

– Так, товарищ командир, надо бы сначала к Демьяненко. Вы ж знаете, товарищ старшина, как наш взводный...

– Отставить! – крикнул Аникин. – Здесь я приказываю. Знаешь, где Кондрата люди?

– Да, товарищ...

– Бегом туда... Проси, чтоб выдал расчет с «кочерыжкой». Тьфу, черт, ну, противотанковое ружье чтоб нам выделил. Скажи – для прикрытия переправы. Скажи, гады снайперские дыхнуть не дают. Скажи, подавить их надо. Понял?

– Так точно, товарищ ко...

– Ну, так бегом, раз понял! – выдохнул Аникин, придав Зайченко в спину ускорительное движение.

XIX

Сам старшина тут же занял позицию Зайченко, у самого основания толстого тополя, там, где одно из корневищ, причудливо изгибаясь, входило в землю, создавая что-то вроде амбразуры. А ведь позицию Зайченко выбрал неплохую, так его растак. Самого стрелявшего дерево закрывало почти полностью, а щель между землей и веткой давала достаточно места для осмотра и стрельбы.

В этот момент характерные громобойные раскаты дрогнули на правом берегу, и тут же один за другим несколько взрывов громыхнули позади села. Похоже, немцы очухались и подключили свою артиллерию. Теперь они старались накрыть наши минометные батареи, выдвинутые в помощь переправлявшимся.

Тем, кто форсировал Днестр, приходилось совсем туго. Один за другим на реку посыпались мины и снаряды легких пушек. Фашисты словно задумали изуверскую хитрость, задумав сварить русских солдат в кипятке. Вода вокруг плотов, на которых продолжали держаться штрафники Нелядова, действительно буквально закипала от осколков и пуль.

Сам Трофим безостановочно бил из своего пулемета по правому берегу. Левая рука его беспомощно болталась, и кровь лилась на мокрый, багровый плот. Крендель, тоже раненный в ногу, одной, левой, рукой изо всех сил пытался править плотом, а правой стрелял из своего ППШ,

поднимая его на весу. Он с трудом, с гримасой боли и усилия на лице, опять и опять поднимал свой автомат и, сделав короткую очередь, ронял дымящийся ствол на пробитую ногу. Выстрел опрокинул навзничь его голову с аккуратной дыркой во лбу. Лицо его окунулось в воду, а затем туловище и весь он погрузился во мглу реки.

Трошка оглянулся и проводил взглядом уходившего товарища. Он не отрывал руки от гашетки пулемета, и когда убитый исчез под плотом, он нечеловечески яростно зарычал и снова прильнул к прицелу. МГ, как стальное продолжение своего хозяина, начал старательно плевать стреляными гильзами, изрыгая в сторону неприступного берега непрерывную стальную струю.

Этот рычащий крик Трофима и гибель Кренделя словно подстегнули Яшку. Его плот несло по реке неподалеку. Напарнику Яшки осколком мины оторвало руку, и он еще вопил и корчился несколько минут, пока его не добила милосердная очередь фашистского пулемета. Теперь он так и лежал, поперек плота, залитого алым. Яшка, весь перепачканный кровью товарища, вдруг водрузился на убитого сидя и из этого положения, прицелившись, дал залп из гранатомета. Граната, прочертив спиралевидный дымовой путь, угодила прямо в одно из пулеметных гнезд. Облачко огня ухнуло вверх, разметаив черные фигурки фашистов в стороны. Не иначе Яшка вlepил свою гранату прямо в ящик с боеприпасами.

XX

Теперь его будто осенило, что на берегу использовать все его боезапасы уже не придется. Он тут же умело заслал в свою трубу следующую гранату с перышками. Усаживаясь поудобнее на вертевшемся по кругу плоту, он терпеливо ждал, когда раструб его «панцера» развернется в сторону немцев.

– Ай, Яшка, итить твою в дышло!... – в каком-то потустороннем безумии радости кричал со своего плота Трофим. Он уже еле стоял на ногах, но продолжал выжимать из пулемета капли раскаленной стали.

– Давай, Яшка, жги!... – успел еще крикнуть Трофим. В следующий миг то самое место, где находился его плот и он, весь израненный, но не сдавшийся, бил по врагу из вражеского пулемета, выросло в водяной столб. Кровавые струи в этом столбе неразделимо смешались с мгlistо-зеленым потоком днестровской воды. Как будто провидение вознесло геройский обелиск солдату, искупившему в этот миг все свои грехи перед небом и перед людьми. Но в следующую долю секунды все обрушилось вниз, и только обломки и щепки разошлись в волнах большим багровым кругом.

Все это произошло на Яшкиных глазах. Плот его качнуло волной, разошедшейся после взрыва. Тогда штрафник вскочил на ноги и, вскинув гранатомет, выпустил огненную струю. Граната ушла в немецкие окопы. Раздался взрыв, крики убитых и раненых.

И тут по Яшке ударили сразу с нескольких точек. Фрицы совсем остервенели, стреляя из чего попало, будто забыв про другие цели. Над рекой стоял дробный звон металла. Это винтовочные, автоматные пули все плотнее сыпали по защитному щитку гранатомета, за которым пытался укрыться Яков. Поверхность бревен вокруг солдата в момент оцетинилась острыми щепками, вода вокруг булькала и шипела.

Вот пулеметная очередь прошла наискось, прямо поперек плота и щита, прикрывавшего Яшку. Сила удара пуль была настолько сильной, что на щитке осталось несколько глубоких вмятин. Яшка не удержался и шлепнулся плашмя. Тут же в нескольких местах, оставляя на мокрой древесине кровавые брызги, ему прострелило руку и ногу. Яшка упал, выронив трубу из правой руки, но гранатомет лег прямо на него сверху, так, что погнутый, словно изжеванный, щиток продолжал прикрывать штрафника. Тогда Яшка достал из-за пазухи еще одну гранату. Сбрав последние силы в кулак, он попытался зарядить ею гранатомет. Но для этого ему нужно было снять с себя прикрытие щита. Как только он это сделал, пулеметная очередь впиалась в его тело. Она изрешетила Яшку вдоль и поперек. Она терзала его, уже погибшего, до тех пор, пока под воздействием ударной силы разрывных пуль разорванное Яшкино тело не бултыхнулось в воду.

XXI

– Убили, гады... убили! – Волна нарастающей ярости прокатилась по траншее аникинского отделения. Тут как раз ползком подтянулся солдат с противотанковым ружьем, ведомый Зайченко. Все-таки Кондрат пошел навстречу. Только было уже поздно.

Аникин выхватил у ничего не понявшего солдата ружье. Тяжелое, основательное, он просунул его, без всяких сошек, под корягу, стволом по земле. Это было ПТРС – надежный механизм для уничтожения танков и дотов врага. С патроном калибром 14-5 миллиметра можно было вскрыть самое надежное фашистское укрытие. С «пэтэрээсом» Андрей был хорошо знаком. Главное здесь было – выставить прицел.

– Заряжено? – только что и спросил Аникин, перепроверив магазин. Все пять крупнокалиберных патронов были на месте. Солдат растерянно кивнул.

– Готовь второй магазин... – приказал Андрей.

До немецких позиций по прямой было около трехсот пятидесяти метров. А дот с пулеметом, из которого сейчас был расстрелян плот с Яшкой, располагался на левом фланге. В его секторе обстрела оказывались все, кому еще удавалось продержаться на реке. Здесь их и добивал пулеметчик.

С допуском плюс-минус до расстрельного дота получалось около четырехсот метров. Припав к прикладу, Андрей несколько секунд выцеливал крошечное черное отверстие в сером квадратике на холмистом подъеме правого берега, совмещая с мушкой прицельную планку на отметке «4». В этой крошечной черноте, как в зрачке, вспыхивали огненные искорки. Это пулеметчик ДОТа кромсал штрафников, мешая их кровь с речной водой.

– Гад... – только произнес Андрей, и тяжелая инерция отдачи качнула его фигуру. ПТРС был надежным, скорострельным ружьем. Крепче сжав ствольную коробку и приклад, Аникин пулю за пулей отправлял на тот берег, в ненавистный ему фашистский зрачок с серым белком. Сначала дот окутало серым, нарастающим облачком пыли. И вдруг далекий хлопок донесся до левого берега. А из дота повалил густой черный дым.

– Смотрите, товарищ командир, смотрите... – обрадованно закричал Зайченко. – Вы его сработали. Фашиста сработали...

– Гад, гад! – как заведенный твердил Аникин, продолжая всаживать в дымящийся дот пулю за пулей. – Это тебе за Трофима... это тебе за Яшку...

Глава 2.

КРОВАВЫЙ БРОД

I

Размашистые взрывы с замедленным грохотом вырастали слева, на пологом противоположном берегу. Мокрый песок и глина сводили всю мощь крупнокалиберных снарядов на нет, словно их проглатывали. Снаряды стали ложиться правее, но все шли вдоль берега и вглубь. Русские уже около часа утюжили позиции «пятисотых» из своих минометов, а артиллеристы только сейчас додумались ответить.

Командир батальона майор Кёниге голос сорвал, пытаясь выйти на связь со своими соседями из артдивизиона. Его отборные ругательства разносились над обрывом, перекрывая рев летящих мин.

Наконец-то чертов артдивизион проснулся. Гаубицы с ходу попытались накрыть подступы к переправе русских. Возможно, они били по минометным точкам или еще по каким-то только им ведомым целям. Но на переправе уже никого не было, а рев русских мин продолжал рвать воздух.

Но все-таки свое дело гаубицы сделали. Шквал обстрела немного поутих, и траншеи начали оживать. Кто-то принялся отряхивать насыпанную разрывами землю, а кто-то выглянул из траншеи, пытаясь оглядеться вокруг.

Отто присоединился к Вольфу. Тот уже с минуту торчал у кромки траншеи, наблюдая за происходящим. Любопытство, желание быть в курсе всего, было в нем настолько жгучим, что пересиливало даже страх схватить осколок русской мины, ближайший из тех, что в избытке свистели повсюду.

– Смотри, Отто, – нетерпеливо, почему-то шепотом проговорил Вольф. – Они уже двинули...

Плоты и лодки, оцетиненные маленькими черными фигурками, оторвались от изрытой воронками береговой кромки. Теперь их стремительно сносило вдоль русла реки, прямо к обрыву, где окопались «пятисотые».

– Подымайтесь, подымайтесь, мать вашу... – вдоль траншеи пробирался Лотар. Ротный, как заведенный, пинал новичков, раздавал тумаки, дергал за шеи и руки, пытаясь на свой лад привести их в боеспособное состояние. Те только ойкали и кряхтели в ответ. С таким же упорством, на грани безумия, никто из новичков не желал шевелиться. После массированного минометного обстрела русских они словно в ступор попали, растеряли остатки самообладания.

II

Русские сыпали мины на позиции «пятисотого» батальона около часа. Казалось, они хотели сровнять высокий, обрывистый правый берег с линией водной поверхности.

Вольф, несмотря на плотный огонь минометного обстрела, успел разузнать о нескольких раненых в первой роте. Их окоп располагался на склоне обрыва, повернутого к реке. По ним со стороны русских стрелять было намного удобнее. По первой роте «пятисотых» с того берега работали два расчета сорокапятков. Мощность небольшая, но действовали они безотказно. И безнаказанно. Отсюда и потери. Остальные роты помочь ничем не могли. Сидели, вжавшись в дно своих окопов, под непрерывным градом русских мин. Хотя со своими проклятыми минометами они могли достать штрафников где угодно.

Русские усиленно гребли всеми подручными средствами, стараясь преодолеть стремнину. Русло реки делало здесь резкий поворот, и течение чем ближе к середине, тем заметнее ускорялось. Река, грязно-коричневая, вспученная талыми водами, разлившаяся в сторону поймы, во все стороны крутила утлые плавсредства русских в своих мутных водоворотах. И дернуло же их полезть на переправу средь бела дня.

На каждом плоту, в каждой лодке копошились шинели. Как будто плывут по реке кучи бесформенной грязно-серой массы. Эти кучки болтаются и торчат на водной поверхности, как бородавки на чешуе огромного блестящего змея. Он злобно шевелится, ворочается от каждого взрыва. Будто пытается сбросить эти серые наросты. А они только растут, делаются все больше и больше. Все ближе и ближе...

Для карабинов и автоматов еще далековато. Но Кёниге уже отдал приказ работать по целям. Это он скорее для пулеметчика. Хёссель будто только и ждал команды. Тут же перевел ствол своего МГ пониже и, прицелившись, выпустил по плывущим первую очередь. Пунктир фонтанчиков пересек стремнину в нескольких метрах от ближайшей цели. На плоту кучковались пять или шесть серо-бурых шинелей.

Казалось, их больше крутило на месте, чем продвигало наискось по водной поверхности. Одну шинель вдруг вырвало из кучи. Этот плот продвинулся по реке дальше остальных. Руки солдата раскинулись в стороны, словно две коряги. Бултых!... С плота – прямо в воду. И не всплыл даже. Словно мешок с камнями.

Очередь пулемета легла далеко левее. Отто вместе с Вольфом находились как раз возле позиции пулеметчика. Они могли хорошо отследить траектории полета пуль, выпущенных из батальонного МГ. Стрелял Хёссель из рук вон плохо. Ни к черту, только боеприпасы расходовал.

III

Слава богу, что вооружением их снабдили щедро. На несколько батальонов хватит. Еще бы, ведь именно им – испытываемым штрафного 500-го батальона – выпала великая честь оборонять передовой рубеж обороны вермахта. Очередной рубеж. В переводе с генеральского на окопный это означало: лягте костями, но не пропустите себе за спину ни одного Ивана. Сколько таких рубежей они оставили за последние два месяца? И каждый из них командиры называли «последним». Таким он и становился для подавляющего большинства испытываемых.

Теперь они окопались с восточного края Бессарабии. Вернее сказать – со вкусом вгрызлись в тучную черноземную бочину этой южной,

плодородной земли. Рыть траншеи здесь было легко. Штык лопаты входил в набухшую влагой, весеннюю землю, как в масло. Они трудились тут две недели, как муравьи. Черные, лоснящиеся до блеска рвы и траншеи они напичкали бетоном, досками и бревнами. Они построили здесь, на самом берегу, настоящую неприступную крепость – глубоко эшелонированную линию обороны, которая не оставляла русским ни одного шанса зацепиться за правый берег. На самом ее острие – позиции 500-го батальона. По замыслу командования, именно «пятисотые» должны были выступить тем самым бронированным кулаком, о который русские раскроют себе лоб.

Перед ними широкий, бурный поток реки. Да, именно здесь, на Днестре, по замыслу доблестного командования, должно наконец застопориться непрерывное наступление русских на Юго-Восточном фронте. Они двигались по кровавым следам, по пятам за измотанными, в клочья избитыми и изодранными немецкими дивизиями. Они с наскока, точно играючи, брали неприступные укрепрайоны, не обращая внимания на отчаянное, остервенелое сопротивление, взламывали глухую, месяцами готовившуюся оборону городов. Севастополь, Херсон, Николаев, Одесса... Постепенно, месяц за месяцем, неделя за неделей, сутки за сутками, были освобождены вся южная Украина, Крым, Черноморское побережье.

Эти русские сделались неотвратимы и ужасны, как сама смерть. Ужас догонял на расстоянии вместе с гулом приближающейся канонады. Он проникал глубоко, в самое нутро спешно отступающих немецких солдат, словно плеткой подстегивая их измотанный, спотыкающийся, волочащийся шаг. Немногим посчастливилось перебраться за Днестр. Эти ошметки тут же отправили в запасные полки. Им давалась короткая передышка – прийти в себя, отойти от смертельной погони.

Эта передышка была не положена только одним – испытуемым «пятисотого» батальона. Спешно пополнив личный состав новобранцами, их оставили здесь, на передовой. Как до полусмерти искусанного волка, сумевшего вырваться из зубов травивших его гончих, чудом, на последнем дыхании переплывшего через реку и упершегося в глухую стену. Теперь обессиленному зверю оставалось одно – спешно зализывать раны и с глухим рычанием вглядываться в преследователей, которые плыли к нему через бурливо-безудержный поток весеннего Днестра...

IV

Прошел всего лишь какой-то миг, и еще одна фигурка кувырнулась с того же плота. Второй солдат упал как-то смешно и нелепо. Его словно отбросило. Он шлепнулся в воду и на секунду исчез в темной воде. Но тут же вынырнул. Его, наверное, ранило в руку и от удара пули скинуло в воду.

Быстрое, неровное течение тут же подхватило его и отнесло далеко от плота.

Он греб только одной рукой, вернее, не греб, а судорожно бил по мглисто-бурой воде. И кричал, истошно и дико. Крик его и звуки барахтающегося тела были хорошо слышны. Они прорывались сквозь грохот артиллерийских разрывов и разносились далеко по речной глади. В мокрой шинели, в ледяной воде, да еще с ранением, долго на плаву не продержишься. Товарищи солдата, те, что оставались на плоту, пытались к нему подгрести, но течение только крутило их на месте и относило от тонущего все дальше. В следующее мгновение он отчаянно откинул голову с разинутым ртом и исчез. Грязная, лоснящаяся, словно от жира, кожа огромного речного змея, сморщившись, тут же расправилась.

– Кто это их?... – машинально спросил вслух Отто.

Этих двоих снял с плота не пулемет Хёсселя. Пущенные им очереди впивались в воду, словно нарочно обходя плоты и лодки.

– Кто, кто... – со знанием дела откликнулся Вольф. – Известно кто... Забыл про наше пополнение молокососов?

И действительно, как это Отто мог забыть? Кроме них, так издалека вести прицельную стрельбу на поражение больше никому. Значит, за дело взялись волчата. Что ж, приказ комбата – в первую голову для них. Как команда «Ату!». Эти отморозки из «Гитлерюгенда» наверняка готовы исполнять приказ на уничтожение круглосуточно.

В траншее опять появился Лотар. Его писклявый, совершенно не командирский голос можно было распознать только где-нибудь неподалеку, вблизи. Вот и сейчас, он словно вырос из-под земли и истошно запищал про то, что надо открыть огонь.

Перекошенный рот его брызгал слюной, и Отто отвернулся, чтобы не видеть физиономию ротного. Хагену эта истерика ни к чему. Он лучше ротного знает, что надо делать. Хаген в батальоне – один из опытейших солдат. Сам майор Кёниге дважды лично выражал ему благодарность перед строем. Но Хагену эти благодарности – до одного места. Лучше бы скорее пришла бумага о его помиловании. Ходатайство об искуплении испытуемым Отто Хагеном вины перед великим рейхом его прежний командир роты отправил еще три месяца назад. И до сих пор ни слуху ни духу. За это время личный состав роты сменился почти полностью. Ротный погиб, та же участь постигла многих товарищей Отто. Их трупы, наспех зарытые или попросту брошенные при отступлении, лежали на всем пути кровавого бегства вермахта. Лишь немногим счастливым повезло, и они выбыли из батальона по ранению.

V

По команде рота оцетинилась карабинами и автоматами. Да, теперь самое время показать русским, что им следовало поискать брода в другом месте.

– Огонь!... – истошный писк Лотара потонул в треске раздавшейся стрельбы. На одном из плотов сразу никого не осталось. Рядом дрейфовал другой. Единственный, кто оставался на нем, корчился в предсмертных судорогах.

Отто хорошо видел, как пули выбивали щепки из опустевших досок, которые продолжали по-сиротски крутиться посередине реки. Головы кричавших, стонущих, отфыркивавшихся, точно поплавки, забелели на темной поверхности. Темно-бордовые следы потянулись от них по стремнине, постепенно растворяясь в мутной речной мгле. Кто-то из упавших в воду продолжал отчаянно бороться за свою жизнь. Но беспомощное барахтанье продолжалось недолго. Всего несколько секунд. Они или выбивались из сил, или их находила очередная пуля, пущенная с обрыва.

Казалось, всех в батальоне захлестнула пьянящая волна убийства.

– Ага! Щас я тебя... – как умалишенный, кричал Хёссель, выпуская по реке длинную очередь. На этот раз его старания оказались результативными. Пули вонзились в лодку, раскромсав правый борт. Один из сидевших в лодке скорчился и плюхнулся в воду. Другие принялись растерянно вычерпывать воду, хлынувшую в пробоину.

Хёсселю этого только и надо было. Выкрикивая ругательства, он выпустил в тонущих чуть не пол-ленты. На поверхности, в растекшемся красном круговороте, остались болтаться только несколько раскуроченных досок.

Стрельба пулеметчика воодушевила сидевших в траншее. Сразу несколько глоток зарычали по-звериному, издавая что-то наподобие звериного клича.

Позиция расположившихся на обрыве была господствующей: река идеально простреливалась от противоположного берега до самой середины. Но у тех, кто сумел бы этот смертельный сектор преодолеть, появился бы шанс. Несколько прибрежных метров реки оказывались в мертвой зоне.

Они гребли изо всех сил, черпали черную воду досками и кусками деревянных крышек и еще чем придется. Они старались во что бы то ни стало добраться до этой мертвой зоны.

Но удача сегодня была явно не на стороне русских. Стало понятно, что

они не рассчитали силы в борьбе с мощью речного течения. Их сносило вниз, несмотря на все попытки как можно быстрее пересечь реку. Стремительное течение в самой середине, как река в реке, держало плоты и лодки русских в своих тисках. Река, как по заказу, удерживала мишени как раз на линии обстрела, делая переправлявшихся легкой добычей для батальона.

VI

Днестр в какие-то пару дней изменился до неузнаваемости. Когда две недели назад «пятисотые» переправлялись в этом самом месте, река была тихой и спокойной. Вдоль береговой кромки вода еще была скована льдинами. И тишина. Первые пару дней Отто не мог заснуть в построенном их отделением блиндаже, так оглушающее действовала на него эта тишина. Можно было даже расслышать совершенно дикие для войны звуки – блеяние овец, лай собак и кукареканье петухов. Они доносились из расположившегося тут же, за лесом, села. Называлось оно как-то странно, труднопроизносимо для немецкого – Пуркары. Хотя блеяние и кукареку из села прекратились очень быстро, после пары продуктовых рейдов в село со стороны штрафников и артиллеристов. Запасы вина, запрятанного в глубоких погребах запасливых крестьян, иссякали медленнее. Слишком большие бочки держали местные хозяева.

Рев летящей мины вернул Отто к действительности. Он успел присесть на корточки и вжаться в стенку траншеи. Мина легла совсем рядом. Взрывная волна дохнула по траншее, швырнув Отто вдоль стенки. Он несколько раз кувырнулся и шмякнулся о глинистое дно. Сверху, вместе с кусками земли, на него обрушилось что-то тяжелое.

Звон и глухой кровавой гул заполнили голову Отто. Отплевывая вместе со слюной набившиеся в рот земляные комья, он несколько раз потряхнул каской, пытаясь отогнать наваждение глухоты. Красные и лиловые пятна застили ему глаза. Руки и ноги были придавлены чем-то. Вольф!... Он лежал, закрыв глаза и не подавая признаков жизни.

– Вольф, Вольф... очнись... – Высвободив руку, Отто попытался высвободить ноги из-под грузного тела Вольфа.

– Вольф!... – пытаясь привести того в чувства, он схватился за его руку, прижатую шинелью к окопу. Господи... Рука, развороченная в предплечье, с торчащей, ослепительно белой локтевой костью, легко выдернулась вверх вслед за ладонью Отто.

В этот миг Вольф зашевелился и открыл глаза.

– Вольф, ты ранен... сейчас руку перехвачу... кровь остановить... – Отто попытался сдвинуть товарища на бок. Тот открыл глаза и, совсем не

морщась... оттолкнулся от земли. Двумя руками! Обе они были на месте, торчали оттуда, откуда им было положено.

– Черт, Отто... Ну, и шибануло меня. Как полено полетел... Чего ты...

– Чья это? Вначале подумал – твоя... – Отто отбросил в сторону оторванную конечность.

– Похоже, Хёсселя!... – крикнул Вольф. – Рвануло как раз с его стороны.

VII

Грохот разорвавшихся и нарастающий рев только выпущенных с левого берега мин смешался с ритмичным уханьем стреляющих гаубиц. Воздух, земля сотрясались от нескончаемого гула. Водяные столбы вырастали, и казалось, река сейчас выйдет из берегов и захлестнет мутной волной и наступавших, и оборонявшихся.

Отто, ничего не ответив Вольфу, побежал по траншее в сторону Хёсселя. Вольф оказался прав. Мина угодила прямоком в пулеметное гнездо. То, что еще несколько мгновений являлось Хёсселем, разметало по окопу. Куски кровавого месива налипли на перекореженный пулемет. Непереносимый запах паленой кожи исходил вместе с дымком от раскаленного ствола пулемета, на котором шипел ошметок человеческой кожи.

Отто отпрянул назад и чуть не сбил с ног Вольфа.

– Хёсселю уже не поможешь. Разве что собрать его конечности...

Хаген молча подобрал руку пулеметчика и перенес ближе к останкам погибшего.

В этот момент с другой стороны траншеи возник Лотар. Быстро же он научился бегать по окопам. Думает, так в него труднее попасть.

– Хаген, Вольф!... Срочно выдвинуться на правый фланг. Спуститесь к реке и разведаете ситуацию... – чем более грозным тоном Лотар хотел отдать приказ, тем писклявее у него выходило. – Русских относит вниз по течению. Они могут высадиться и зайти к нам с фланга. Хёссель отправляется с вами.

– Он уже не сможет, герр командир... – угрюмо ответил Вольф. Его явно не обрадовал приказ ротного. – Накрыло миной Хёсселя...

– А пулемет? – сплюнув от досады, спросил Лотар.

– Выведен из строя... – откликнулся Хаген. – Полностью...

– Ладно, действуйте... Если понадобится, я пришлю к вам подмогу!... – крикнул Лотар на ходу и быстро удалился, дергая плечами от грохота очередного взрыва.

Хаген, перехватив карабин, пригнулся и двинулся вдоль траншеи.

– Вперед, некогда расслаиваться...

Вольф, словно нехотя, двинулся следом.

– Ты слышал, Отто? Если понадобится... Что, интересно, имел в виду наш писклявый командир, когда говорил это «если понадобится».

– А что тут думать, – на ходу, через плечо, отвечал ему Хаген. – Если мы ввяжемся в бой, они услышат стрельбу и пришлют к нам подкрепление.

– То-то, Отто... Если ввяжемся... – с шумом хватая ртом холодный сырой воздух, продолжал рассуждать Вольф. – А зачем нам ввязываться в драку, если нас послали разведать, что там...

Довести мысль до конца ему не дал взрыв. Оба, как по команде, присели. Тут же Вольф, не дожидаясь, пока прекратит сыпаться земля, выглянул за бруствер.

– Смотри, Отто, они пушки выкатили... – он потянул за рукав Хагена.

VIII

Отто подобрался к краю траншеи. Вначале он ничего не мог различить среди грязно-серых линий противоположного берега. Черные голые сучья кустов и деревьев торчали во все стороны, заштриховывая между невысокими, заросшими холмами пойменные выходы к кромке воды.

– Ну что, засек? Вон, вон... – нетерпеливо вытянув руку, Вольф ткнул пальцем в одну из ложбин.

– Куда ты вылез? – одернул его руку Отто. – Тебя сейчас засекут в два счета. Думаешь, только у нас такие волчата некормленные с прицелами снайперскими есть в наличии? Русские тебе щас быстро в лобной кости дырочку просверлят...

– Смотри, смотри... вот они, наводят... видишь, ствол движется... Вот черт, прямо по нам выцеливают... – зло прошипел Вольф.

Отто наконец-то засек вражескую пушку. Она сама показала свое месторасположение, выплюнув в их сторону сгусток огня и дыма. Отто и Вольф тут же нырнули в окоп. До них донесся гулкий звук выстрела, тут же разросшийся до взрыва. Пушка била почти прямой наводкой. На этот раз снаряд разорвался правее, ближе к самому краю фланга обороны третьей роты. Не успели опасть комки глины и земли, а Вольф уже был на своем смотровом месте. Тут же раздался третий выстрел. Взрыв вырос позади переднего края, в глубине позиций.

– Видишь, как накладывают... один за другим посылают, – стиснув зубы, выговорил Вольф. – Смотри, расчет даже видать...

Отто снова выглянул из траншеи. Теперь орудие хорошо просматривалось. Похоже, это была 76-мм пушка. Она маневрировала стволом, выбирая следующую цель. Из-за бронированного щита то и дело

высовывалась крошечная фигурка кого-то из артиллерийского расчета. Видимо, им было неудобно наводить близкие цели через прорезь в щите. Вот крошечная фигурка выглянула из-за брони. И тут же осела с аккуратной дырочкой в голове. Крошечные фигурки засуетились вокруг, оттаскивая убитого в сторону.

Следующий выстрел прогремел спустя продолжительную паузу. Но вот опять выглянул кто-то из артиллеристов. И завалился на бок, дернувшись продырявленной головой.

– Видел, как сработали, а?!... Одного и тут же – второго... – чуть не с восхищением выговорил Вольф. – Похоже, что волчата наши опять за дело взялись.

IX

Пушка на том берегу умолкла лишь на несколько мгновений. Орудие будто поперхнулось и не могло отдышаться и прийти в себя после потери сразу двоих солдат из расчета. Но вот орудие заработало снова. Теперь интервал между выстрелами значительно вырос. Это и понятно: их там, возле пушки, осталось двое, а может, и один. Надо успевать и за себя, и за погибших товарищей.

Снаряды, выпущенные из «76-миллиметровки», рвались теперь за спинами Отто и Вольфа, посреди позиций батальона. Видимо, на огонь русских наконец-то обратили внимание корректировщики из стоявшего за Пуркарами артдивизиона. Один за другим два 120-мм гаубичных снаряда взорвались у самой кромки берега, в нескольких метрах от русской пушки. Снопы воды и грязи взметнулись вверх, окатив орудие. Русские не стали дожидаться контрольного третьего попадания и спешно ретировались, укатив свою пушку за прибрежный холмик.

По реке несло три плота – все, что осталось от десятка утлых средств переправы, осмелившихся форсировать Днестр этим утром. Гаубицы артдивизиона перенесли огонь на середину реки. Снаряды рвали мглисто-зеленое тело воды, перемещаясь по диагонали – от берега, где расположилась позиция 76-мм пушки русских, к середине. Столбы брызг взметались вверх один за другим, неумолимо приближаясь к обреченным. Те, кто находился на плотах, были совершенно беззащитны. У одного из русских не выдержали нервы. Он с криком сиганул в воду и стал барахтаться, тщетно пытаясь выплыть из зоны обстрела. Он греб к своему берегу. Это и сгубило русского. Водяной столб вынес его тело на пару метров вверх, заодно и перевернув плот, на котором находились его товарищи. Другой плот, находившийся рядом, чудом не опрокинулся. Один из русских, бывших там, вдруг скинул шинель и, зажав в руке автомат, в

одной гимнастике сам прыгнул в воду. Тут же появившись из воды, он поплыл к немецкому берегу. По резким, мощным рывкам, которыми он рассекал ледяную воду, в нем угадывался прекрасный пловец. Секундой спустя в том самом месте, где находился оставленный русским плот, вырос еще один столб. Он был кроваво-красного цвета. Снаряд угодил прямо в цель, не оставив в живых никого. Багряная волна, колыхнувшись в стороны, захлестнула с головой спасшегося. Он только отфыркивался и правил в сторону берега.

– Во дает... – проговорил Вольф. Отто заметил, как несколько еле заметных фонтанчиков один за другим тут же выросли в нескольких сантиметрах от плывущего. Он греб левой, в правой, над водой, держа дисковый автомат. Кто-то вел по нему прицельную стрельбу. Но русскому везло. Пули ложились в миллиметрах от него, не причиняя ему самому вреда.

– Во дает... – повторил Вольф и вскинул свою винтовку. Отто прицелился следом. Их пули тоже ложились возле цели, но намного дальше. Русский на миг окунулся с головой.

– Смотри, я попал! – завопил Вольф.

– Ни в кого ты не попал... – деловито ответил Отто, наблюдая в прицел своего карабина, как пловец снова работал своей левой. На этот раз Отто прицеливался тщательно и спустил курок плавно.

– Есть! – не сдержался Вольф. Он тоже видел это попадание.

– Есть-то оно есть, да не про нашу честь, – буркнул Хаген.

Попасть-то он попал, но весь вопрос – куда. Автомат, который пловец сжимал в руке, на весу, и спас ему жизнь. Раскурочив деревяшку, пуля угодила прямо в приклад, который как раз закрывал со стороны обрыва голову плывущего.

Сделав еще несколько гребков, плывущий исчез из поля зрения стрелявших под обрывом.

Отто с удивлением заметил, что где-то в глубине души испытал облегчение. Черт возьми, хорошо, что попадание его получилось именно таким. Должно же было хоть кому-то из этих русских сегодня повезти. Хотя на плаву оставалась еще четверка русских. Их сколоченный из бревен плот уже почти унесло за поворот.

– Похоже, и эти уйдут... – с досадой заметил Вольф.

– Не уйдут, – успокоил его Отто. – А мы здесь зачем? Вперед, а то упустим их...

Х

Хаген вместе с Вольфом успели добраться до огромного раскидистого

тополя. Несколько толстых ветвей, отходивших почти от основания ствола дерева, перебило осколками. Их торчащие, изуродованные культи напомнили Хагену оторванную руку пулеметчика. Тополь рос на самом краю обрыва. Глинистая земля осыпалась, обнажив густое сплетение огромных, коряжистых корней. Они торчали над обрывом, свисая вниз, к самой песчаной кромке воды.

Идея, предложенная Вольфом, состояла в том, что они, как по канатам, спустятся под обрыв и уже вдоль по берегу выйдут к возможному месту высадки русских.

Прямо перед ними, в речной стремнине, кружил тот самый плот с мокрыми, отчаянно цеплявшимися за края своей бревенчатой посуды солдатами. Они уже преодолели стремительные потоки в центре и теперь что есть силы правили к правому берегу. Того, что выплыл в одиночку, нигде не было видно.

– Смотри, как поднялась река... – произнес Вольф, свешиваясь на корнях и заглядывая вниз. – Черт... На берег спуститься не получится. Вода до середины обрыва дошла.

– Упустим русских... – пробормотал Отто.

– Надо Лотару сообщить... – растерянно произнес Вольф.

– Ага... – зло вскинул карабин Отто. – Пока ты будешь бегать к Лотару, они к нам в тыл выберутся.

Вдруг Вольф вскрикнул и отпрыгнул от края обрыва обратно в траншею. Отто даже подумал, что его ранило. Лицо Вольфа побледнело от испуга.

– Там... там... глаза... – он, заикаясь, вскинул свой «маузер» и показал стволом винтовки в сторону сплетения тополиных корней. – Сейчас я гранатой... – Вольф дрожащей рукой вытащил заткнутую за ремень наступательную гранату.

– погоди... – остановил его Отто. Передернув затвор на своем карабине, он осторожно глянул из-за бруствера в глубь корней. Из темного клубка массивных веток блеснули два человеческих глаза. Они вдруг приблизились ближе к свету. Ошарашенный Отто увидел, как вымазанный сажей палец поднесли к прорехе. Теперь уже Хаген понял, что на него глядел кто-то в натянутой на лицо тонкой шерстяной маске.

– Валите отсюда... вы оба... – раздался вдруг сдавленный шепот.

– Рудольф?... – изменившись в лице, удивленно переспросил Вольф.

– Не важно, – опять донеслось до них злобное шипение. – Валите... Меня из-за вас накроют...

Они отползли назад, за тополь, решив выбраться на край обрыва с

другой стороны.

Вольф все никак не мог отойти от неожиданной встречи.

– Вот черт... ну и напугал же он меня... – выговаривал он сквозь нервные истерические смешки. – Под бомбежкой я так не пугался... Волчонок... Истинный волчонок. Ты видел, Отто?

Отто молча кивал в ответ. Что тут скажешь? Замаскировался этот малолетний снайпер действительно мастерски. И как это он умудрился оборудовать себе гнездо в этих корнях? Над водой... в полуподвешенном состоянии, сидеть целый день... да еще вести стрельбу... Вот черти. Действительно, они походили скорее на маленьких дьяволят, чем на людей, почти подростков.

XI

Штрафники решили не возвращаться на позиции роты с пустыми руками. Приказ есть приказ, и в штрафном батальоне лучше действовать на свой страх и риск под носом у врага, чем под носом у командира. Тем более если это порядочная сволочь с писклявым голосом и замашками садиста.

Они обогнули обрывистый выступ и, бегом проскочив тополиную рощу, снова вышли к берегу. Река здесь забирала резко вправо, и, по расчетам Хагена, течение могло вынести и прибить плоты русских где-то здесь.

– А я еще не понял поначалу, чего они все по тополию садят... – проговорил, останавливаясь, чтобы отдышаться, Хаген.

– Ты думаешь, они засекли молокососа? – с любопытством спросил Вольф.

– Как пить дать... И даже пушку не пожалели. Выкатили под обстрел. Сами на волчонка и нарвались, – рассуждал Хаген.

– Тише... Орешь как контуженый... Они могут быть где угодно, – шикнул на товарища Отто.

– Да никого здесь нет... – ответил Вольф, снизив, правда, громкость до минимума. – Опа... смотри...

Сквозь густо сплетенные голые сучья кустарника он ткнул пальцем вниз. Обрыв образовывал здесь небольшую ложбинку, которая относительно полого спускалась к воде. Река действительно сильно поднялась. Грязная бурая пена колыхалась, зацепившись за концы веток. Затопленные, они торчали наружу, как толстенные черные иглы какого-то подводного чудища.

Убитого Отто увидел не сразу. Вернее, не сразу понял, что это тот самый пловец, которому так повезло вовремя прыгнуть с плота. Труп прибило к тем самым полузатопленным кустам. Он лежал на животе,

лицом вниз. На затылке зияла кровавая рана, из которой еще сочилась кровь, окрашивая грязную воду вокруг головы убитого кровавым нимбом. Чувство горькой досады вдруг охватило Хагена. Глупое чувство... но Отто ничего не мог с ним поделать. Он почему-то был уверен, что пловец спасся. Пуля волчонка все же его догнала.

ХII

– Видишь, Отто... – с усмешкой прокомментировал Вольф. – Все-таки доплыл солдатик... А ты беспокоился...

– Ну ты... – ладонь Хагена помимо его воли схватила Вольфа сзади за шею и, придавив его к земле, сдавила крепко-крепко.

– Ой, больно, пусти, больно... – заверещал тот.

– Поговори мне еще... – прошипел Хаген. Словно опомнившись, он вдруг отпустил штрафника. Тот сразу отполз на несколько шагов и схватился за винтовку и передернул затвор.

– Ну, что... что ты сделаешь? – внутренне, словно для броска, подобравшись, спросил Хаген. В его голосе звучала такая злоба, что Вольф, замер и не шевелился. Как загипнотизированный удавом кролик.

Наконец он шевельнулся, демонстративно отодвигая винтовку в сторону.

– Ладно, остынь, – примирительно произнес Вольф. – Дался тебе этот русский... Он же приплыл сюда нас убивать.

– Мне нет дела до этого русского... – глухо отозвался Отто. – Он уже мертв. Меня беспокоят другие русские. Те, которые живы. Мы должны найти их и уничтожить. Это приказ обер-лейтенанта Лотара.

Хаген произнес это уже на ходу, осторожно отходя опять к тополиной опушке.

– Выполнять приказы герр обер-лейтенанта – себе дороже... – проговорил Вольф, стараясь поспеть следом. В голосе его уже не осталось и тени обиды. – Мне не хочется получить пулю в лоб из-за того, что наш доблестный писклявый герр обер-лейтенант мечтает получить гауптмана.

– Мы просто проверим, переправился или нет противник на наш берег, – упрямо твердил Отто.

– Какой смысл искать горстку этих русских, если их уже и в помине нет? – все больше оживал Вольф. – Этот волчонок Рудольф давным-давно отправил их рыбам на корм. Ты еще не понял? Хочешь, вернемся и спросим у него? А, давай, Отто, это все-таки лучше, чем таскаться по этим прибрежным зарослям. Еще, чего доброго, нарвемся на русскую разведку. Утащат нас к себе через реку.

– Ты хочешь что-то разузнать у волчонка? – с усмешкой переспросил

Отто. – Не-ет, я лучше найду и обезврежу группу русских головорезов. Наши молокососы и говорить-то по-человечески не умеют. Только рычат и кусаются. Ты забыл, где их натаскивали?...

Мысли о том русском понемногу оставили Хагена.

– Да, – обрадованно согласился Вольф. – Гитлерюгенд – это настоящая волчарня. Лучше нашего снайпера не беспокоить, а то еще, не приведи Господь, всадит пулю без всяких разговоров. И будешь болтаться на бережку бок о бок с тем русским.

ХIII

Про снайперов Отто с вечера наслушался. Вольф видел группу вновь прибывших возле штаба батальона. Потом как раз в карауле вместе стояли, он все про стрелков и рассказывал.

– Ты бы видел, Отто... Неужели в вермахт уже детей начали призывать?... Сосунки!... Одно слово... – живописал Вольф. – Ну, только-только от юбки мамкиной оторвали. И как им только оружие доверили? Эти винтовки больше их самих весят...

– Сколько их? – жмурясь от едкого табачного дыма, переспрашивал Хаген. Он не разделял откровенно насмешливого настроения Вольфа.

– Человек восемь... – хихикая, ответил тот. – Чисто детишки из песочницы...

– Да... наверняка распределят в каждый взвод... – вслух размышлял Хаген, кутаясь в шинель. Весенний ветер дул прямо с реки, до костей пробирая сырым холодом. Одно спасение – табак. Сегодня днем ему удалось выбраться в прибрежное село и выменять у пожилого крестьянина целую стопку засушенных табачных листьев. Хозяин табака, одноглазый старик, все время вытирал коричневыми, как сушеные листья, ладонями влагу, сочившуюся из пустой глазницы. Отто оставил ему полбуханки хлеба. Старик добавил еще несколько листьев и выговорил: «Румынь...» При этом слове он поморщился, показывая скрюченным пальцем на зияющую глазницу. Потом ткнул тем же пальцем в табачные листья, еще раз произнес «румынь» и продемонстрировал характерный жест, как бы говорящий, что румынам его табак не достанется. Отто закивал ему головой и понимающе улыбнулся.

Румынская часть стояла с другой стороны села, в глубине позиций артиллерийского дивизиона. Сами союзники старались не попадаться на пути «пятисотых» и артиллеристов. Несколько раз штрафники, натолкнувшись на румынских солдат, нещадно их избивали. После Сталинграда, когда исход многомесячного противостояния решило наступление русских на румынском направлении, в частях вермахта

укоренилось стойкое мнение, что в проигрыше на Волге и коренном переломе всей войны виновны их трусливые союзники.

– ...Черт, лучше бы минометов прислали... – задумчиво произнес Хаген.

– А детишки тебе чем не угодили? – все хихикал Вольф. – Они же безобидные. Будут портянки нам стирать... Ха-ха!

– Увидишь, еще наемся мы с ними, – ответил Отто. – Гитлерюгенд этот начнет работать по русским позициям. У Иванов начнутся потери. Они совсем злые станут. А злому Ивану эту реку переплыть намного проще. Уж такие они солдаты, что лучше их не злить... Дошло до тебя?

По умолкшему Вольфу Отто понял, что дошло.

– Ну, вряд ли эти молокососы и стрелять-то умеют, – проговорил Вольф. Но теперь в его голосе уже не было ни насмешки, ни издевки.

Дело свое молокососы знали назубок. Батальон убедился в этом уже на следующий день. Поначалу, пока их не распределили по подразделениям, держались вместе, как волчата в стае. Неразговорчивые, нелюдимые, на вопросы отвечают односложно. Любые попытки шуточек и подковыки в свой адрес встречали такими озлобленными взглядами, что желание шутить само собой пропадало. Так шутники, как-то сами по себе, быстро от юных снайперов отстали.

XIV

Прибывших снайперов распределили по двое по ротам батальона, а двоих прикомандировали к артиллерийскому дивизиону.

Те, что попали в третью роту, где служил Отто, точно оказались волчатами – одного звали Рудольф, а второго – Вольфганг[3].

Эти двое везде ходили со своими карабинами в руках – на построении, возле походной кухни, на ночь возле себя на нары укладывали. Ни на минуту с оружием не расставались. И постоянно возились со своими карабинами, как с самой любимой игрушкой. А игрушки у ребят были действительно стоящие. 98-е «маузеры» – сверкающие, будто только с заводского конвейера, тщательно смазаны, ухожены. К каждому в придачу – прицел. Какая-то новая разработка, Отто таких на фронте даже не видел. Над прицелами их хозяева вообще тряслись, пылинки сдували. С Рудольфом Отто быстрее нашел общий язык. Оказалось, что они действительно проходили обучение в Гитлерюгенде. Три месяца занимались с мелкокалиберными винтовками, стреляли с утра до ночи. А эти карабины только перед отправкой на фронт получили. И прицелы. Они четырехкратные, с двумя уровнями плоскости. Два утра подряд Рудольф и Вольфганг выползали на обрывистый берег реки. Земля холодная, погода

промозглая, а им хоть бы что. Сучьев наломают, маскировку сделают. Часами занимались. К рельефу местности привыкали. Излазили все обрывы вдоль правого берега Днестра, каждый спуск и подход к воде опробовали. И все со своими винтовками. Прицел прикрепят и высматривают. Упражнялись, но пока без стрельбы.

За эти сутки командир батальона, майор Кёниге получил больше информации о противнике, чем за всю предыдущую неделю. Месторасположение штаба, позиции частей до взвода включительно. Вооружение, огневые точки артиллерии и минометов. Артдивизион, видать, тоже такие сведения получил. Те ребяташки, которых к артиллеристам прикомандировали, тоже сложа руки не сидели. Гаубицы начали прорабатывать позиции русских на левом берегу, и что ни обстрел, у русских потом санитары снуют, убитых да раненых подбирают.

XV

А здесь волчата и сами вплотную к своей работе приступили. В роте подъем, все только глаза спросонья продирают, а стрелков в расположении уже и след простыл. С утра пораньше, до рассвета на берег ушли. Все равно что на рыбалку. После захода солнца обратно возвращаются, а у каждого на прикладах – по несколько зарубок.

– Ну что, как рыбалка? – спросил обоих Вольф вечером в землянке, после их возвращения. Еще один волк, только чуть постарше[4].

Рудольф не выдерживает и хвастается – у него пять зарубок. В этот момент прорвалось через его вечно угрюмое выражение лица что-то мальчишеское, радостное. Только от этой радости на его мальчишески-старческом личике Отто стало не по себе. Ведь радовался он по поводу нескольких дырок в нескольких головах вражеских солдат. Вольфганг свою угрюмость сохраняет и радости товарища не разделяет. Возможно, потому, что на его прикладе на одну зарубку меньше.

Гитлерюгенды подчиняются напрямую командиру батальона. О результатах докладывают лично майору Кёниге. И кормежка у них отдельная. После возвращения идут к полевой кухне, и Кох наваливает им в котелки горячей каши с тушеным мясом. Элита, мать их...

А спустя час русские начинают массированный обстрел немецких позиций из минометов. Бьют наугад, в основном по артиллеристам. Видно, что разведку правобережных позиций еще толком не провели. Да и по селу, наверное, боятся попасть. Это майор Кёниге сообразил позиции батальона поближе к крестьянским домам расположить. Что-то вроде защитного щита.

Но русские, переведя дух, снова принимаются за обстрел. Теперь они

огонь минометов уже скорректировали. Мины ложатся все ближе к немецким траншеям и наконец накрывают их. Отто понимает, в чем дело.

– Чего-то они сегодня никак не уймутся... – тревожно заметил Арнольд.

– И правда, чего это они сегодня, а, Арни? Может, сплаваешь на тот берег, спросишь у Ивана?... – хихикнув, ткнул его в плечо Вольф. А сам тоже прислушивается. По лицу видно, что ему страшно еще побольше Арнольда.

– Может, ты лучше сам?... – перебил его Хаген. Не то чтобы он решил вступить за Арни, просто надоел ему этот Вольф с его шуточками. Отто сопровождал свои слова таким многообещающим взглядом, что Вольф сразу заткнулся.

– Я тебе скажу, Арни, чего они не уймутся... – обернувшись к австрийцу, доброжелательно произнес Хаген. – Ты видел зарубки на прикладах волчат? наших снайперов-молокососов?...

– Ну, видел... – неуверенно ответил Арни и глянул на солдат, сидевших по соседству. Те переглянулись и непонимающе пожали плечами.

– То-то... – невесело произнес Хаген. – В этих зарубках все дело...

– Отто, не томи... при чем тут зарубки?... – с нескрываемым любопытством спросил Вольф. В его голосе явно прозвучали заискивающие нотки.

– Очень просто... Волчата наши вышли на охоту. Только наши двое перебили девятых русских. Если судить по их прикладам. У меня нет оснований не доверять этим зверенышам. Чему-чему, а не врать старшим их в Гитлерюгенде научили... А теперь приплюсуйте к девяти трупам еще десяток, плюс тех, кого накрыло прицельными артобстрелами соседского дивизиона. Вы думаете, русские – дураки и не поймут, откуда вдруг у наших орудий взялись такие прицельные глазки? Ничто так не злит солдата в окопе, как мысль о том, что он постоянно на прицеле у снайпера. Так что привыкайте к веселенькой жизни. Думаю, с сегодняшнего дня нашей спокойной жизни пришел конец...

– Да, Хаген по полочкам все разложил... – восхищенно откликнулся Арнольд. Ему согласно закивали остальные испытуемые.

XVI

Арни – самый возрастной испытуемый в отделении. Несмотря на возраст, авторитет среди сослуживцев у него самый низенький. Как раз в пору его росту и комплекции. Все его называют запросто – Арни. И если нужно узнать, когда подвезут кухню, или отправить в деревню за съестным или за крестьянским вином, первый кандидат в гонцы – это Арни. Он

терпеливо сносил издевки и послушно выполнял даваемые ему поручения. Делал он это с тем большей охотой, чем меньше это поручение было связано с войной.

Отто не раз встречал на передовой таких людей. Грязь, кровь, смерть – обычное, повседневное дело на фронте. Все это становилось повседневной нормой для подавляющего большинства участников круглосуточной мясорубки. Как говорится, ног не замочишь – не напьешься. Но только не для этих, не от мира сего.

До войны Арни жил в Вене, работал в театре гардеробщиком. Никакого южного акцента у него не было, и сам он говорил, что чистокровный немец. По рассказам самого Арнольда, родился и детство он провел в Баварии, но потом его родители перебрались в Вену. Но все равно все считали его австрийцем.

Бывало, как раздобудут штрафники в селе вина и выпьют вечером пару кружек, начинают Арни допытывать:

– Эй, Арни, а правда, что у вас, австрийцев, мужья предоставляют своих жен во временное пользование? Из чистого, так сказать, гостеприимства и деликатности?

– Позвольте уточнить, что я не австриец... – покраснев, как рак, принимался доказывать Арни.

– Ну как же... Ты же у нас – сама деликатность...

Не то чтобы Арни был пацифистом или как-то выражал свой протест против войны. Просто само его существо, его поведение и образ мыслей не принимали войну и все, что с ней было связано. В окопе, под обстрелом, в землянке – везде он вел себя так, будто бы находился возле театральной вешалки, галантно принимая манто из рук светских дам. На передовой Арни по полной отгребал издевки и шуточки, а то и тычки с затрещинами.

После жестоких боев на реке Ингулец и под Одессой 500-й батальон был совершенно обескровлен. На правый берег Днестра остатки штрафников спешно перебросили в начале марта и сразу же заставили возводить укрепления. Заготовку древесины в прибрежном буковом лесу, рытье траншей и окопов, строительство блиндажей, пулеметных гнезд и дотов – все «пятисотые» должны были делать своими руками.

Работали с утра до ночи, рук не хватало. Но все равно Отто и его оставшиеся в живых товарищи были довольны. Строить – это совсем не то что стрелять. К тому же с кормежкой проблем не было. Снабжение наладили достаточно толково, одновременно обеспечивая продовольствием и штрафников, и расположившийся на левом фланге артиллерийский дивизион. Причем, как успели выяснить испытуемые, никаких различий

между ними и артиллеристами в содержимом и количестве армейских пайков не делалось. По всему выходило, что командование наконец-то решило дать 500-му небольшую передышку.

Когда в батальон пригнали пополнение, особо ситуация не улучшилась. Среди новобранцев проштрафившихся солдат вермахта набралось всего несколько человек, основную массу составляли уголовники, то, что сумели наскрести по самым замшелым углам немецких тюрем. Ни воевать, ни строить они особо не стремились. С оружием они толком обращаться так и не научились, зато ложками орудовали за десятерых.

XVII

Эту ситуацию взялся кардинально изменить обер-лейтенант Лотар. Отсутствие командирского голоса он с лихвой заменял рукоприкладством, которое применял по поводу и без повода. В отношении «стариков», относительно давно находившихся в роте, он еще как-то сдерживался. Правда, таких по пальцам можно было пересчитать. Вот он и заскучал в отсутствии объектов приложения своей недюжинной силы. Зато, когда прибыли новички, обер-лейтенант словно ожил.

Каждый вечер, перед положенным ужином, он устраивал занятия по строевой и огневой подготовке. Упор делал на новобранцев, гоня уголовную шушеру до седьмого пота. При этом в отношении нерадивых применял как зуботычины, затрецины и пинки, так и более утонченные виды наказаний, как, например, «застынь в полуприсяде» или «застынь на отжиме в упоре лежа». Причем, как правило, время для «застывших» не регламентировалось. Как только изнемогший испытуемый разгибался или падал наземь, следовало наказание в виде двух-трех ударов сапогом (или кулаком – в зависимости от местоположения испытуемого).

Новобранцы за глаза кляли ротного на чем свет стоит и угрюмо копили против него злобу. Глядя на изгалиния Лотара, Отто невольно вспоминал пережитое в «команде вознесения» и в штрафном лагере Лапландии. Занятия ротного казались детской забавой по сравнению с тем, что творили конвоиры. Расстрелы голодных арестантов, избиения до смерти без суда и следствия, пытки и издевательства вроде «занятий на перекладине», когда на турнике попросту вешали каждого четвертого для устрашения остальных – и без того забитых и запуганных. И главная, нескончаемая пытка – выморочные, ватные объятия нескончаемого голода. Теперь это казалось Отто страшным сном.

Вспомнив о голодухе штрафного лагеря, Хаген невольно потянулся к припрятанному в кармане куску хлеба. Вольф заметил его движение.

– Эх, пора нам в роту возвращаться. Жрать охота, – громко произнес он. Будто мысли читал.

– Тише ты, – одернул его Хаген. – Сейчас накормят тебя... русской свинцовой свининой.

Вольф махнул своей почерневшей от грязи рукой.

– Нету здесь никого. Зря только глину месим, – зло произнес он. – И замерз я к чертовой бабушке... Руки вон задубели... Сыро тут... сквозь шинель пробирает...

– Да у тебя на ладонях грязищи столько... – подначил его Отто. – Перчатки не нужны...

Вольф оглядел свои ладони.

– На свои бы посмотрел, – устало огрызнулся он. – Сколько можно ползать по этому чертову берегу?

XVIII

Они прочесали всю линию обрывов метров на пятьсот вниз по реке. Никаких следов оставшихся в живых русских они не обнаружили. Отто и сам уже хотел вернуться поближе к кухне. Но внутренняя тревога продолжала еле слышно плескаться где-то в самой глубине его проголодавшегося нутра. Кто знает, может, это и было то самое шестое чувство? Как бы оно ни называлось, но эта способность сильно развилась у него на передовой. Таковую же особенность Отто замечал и у других солдат.

Когда ты каждый день, каждую ночь, непрерывно балансируешь на грани между жизнью и смертью, ты невольно учишься предугадывать, предчувствовать приближение того, что грозит тебе с той стороны черты.

– Слышишь, уже и бой стих... – Вольф поднял вверх указательный палец, прислушиваясь. Действительно, над гулкой поверхностью реки раздавались только отдававшие долгим эхом редкие обрывки звонких пулеметных очередей да одиночные трескучие винтовочные выстрелы.

– Бой закончился... – твердил Вольф. – Только мы, как два идиота, шастаем по берегу в поисках шальной пули. А то еще, чего доброго, свой же дозор уложит. Они тут прочесывают еще как... Не-е, надо возвращаться. Так и доложим Пискалявому, что, мол, нет никого. К правому берегу, мол, русские причалили только в мертвом виде.

Отто колебался, медленно пережевывая кусочек ржаного хлеба.

– Слышал? – вдруг встрепенулся он. Всплеск воды и треск сломанной ветки раздалась совершенно отчетливо. Отто настороженно приподнял карабин.

Вольф хихикнул:

– Ну, ты даешь. Тебе от голода уже мерещиться начинает... Пошли

лучше в распоряжение. А то каши нам ни черта не останется. Это ты-то у нас такой запасливый, хлебушек с собой носишь...

Вольф панибратски хлопнул Хагена по плечу.

– Отто, это правда, что ты в штрафном лагере был?

– Меньше будешь знать, глядишь – и до вечера доживешь... – сухо откликнулся Хаген, стряхивая руку Вольфа с плеча. – Руки мыть надо...

Несколько секунд Хаген настороженно вслушивался. Кроме шума потянувшего вдруг с реки, пронизывающего, сырого ветра и далеких выстрелов, никакие звуки до него не доносились. Начинало темнеть. Теперь уже точно здесь, кроме пули в башку, ловить нечего. Хаген повернул и направился в сторону роты. Вольф обрадовался такому маневру, как ребенок.

– Вот это правильно, – оживленно затараторил он. – Так сколько можно мерзнуть тут, без жратвы. А руки... я помою! Вот хоть сейчас!

Вольф вскинул кверху обе свои чумазные ладошки и засеменил вниз по обрыву, с трудом балансируя на резко осыпающемся откосе.

– Куда!... А ну, назад!... – сдавленным голосом захрипел Отто.

Было поздно. Гулкий выстрел хлестнул по бурливой водной глади. Вольф осел вниз и стал наклоняться к воде, как будто ничего не произошло и он попросту хочет вымыть руки. Но он продолжал медленно оседать, пока не бултыхнулся в воду с головой.

Отто машинально кинулся к воде по осыпающейся глине обрыва. Он ухватил Вольфа за мокрую шинель и потянул на себя что есть силы. Тело убитого показалось Отто неподъемным. Одежда Вольфа вмиг набухла, как будто на него навесили свинцовые слитки. Ледяная вода обжигала ладони штрафника. Она цепко держала свою добычу и не собиралась с ней расставаться.

В этот момент Отто отчетливо услышал металлический звук передернутого затвора.

– Хенде хох! – раздалось за спиной Хагена. В бритый затылок, под самой кепкой, уперлось что-то металлическое, безжалостное. Дуло ствола обожгло таким же ледяным холодом.

Глава 3.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

I

Гулкие, в самую глубь проникающие взрывы сотрясали землю. Дрожь земли шевелила гильзу с фитилем на крышке ящика из-под снарядов. Шевелились бревна, уложенные в три наката, просыпая мокрый песчаник на головы бойцов. Дрожь передавалась всем укрывшимся в блиндаже, рождая в глубине необъяснимую тревогу и дурные предчувствия. Как будто угодили они в брюхо огромного черного змея, а тот ворочается и все не может никак улечься.

Казалось, все: следующий 120-миллиметровый придется в аккурат по блиндажу. И тогда к чертовой матери размажет по стенкам содержимое этого защитного сооружения, которое без сна и отдыха аникинцы возводили всю прошлую ночь. Хотя, как любит повторять командир, – чему быть, того не миновать. И уж к чему-чему, а к тревоге и дурным предчувствиям на передовой все привыкшие.

По крайней мере, никто не дергался в испуге, как замполит. Явился к ним, уже в который раз, с приказом от комбата, а тут как раз начался обстрел. Вот и сидит лейтенантик, белый как смерть, при каждом взрыве голову в плечи вжимает и толком два слова связать не может.

– Плотно укладывают, сволочи... – философски заметил Бондарь, отряхивая с телогрейки и шапки-ушанки кусочки глины. – Того и гляди...

– Типун тебе на язык, Богдан Николаич... – отозвался Аникин. Он сразу уловил, куда Бондарь гнет. Хочет еще больше страху на замполита нагнать. Хотя и без того положение серьезное.

– А шо, товарищ командир... – не унимался сержант. – Вчера в третьей роте фашисты воронку из блиндажа сотворили. Пять человек – насмерть...

– В третьей роте тоже должны были думать... – откликнулся Аникин. – Кто ж при свете дня на берегу позиции обустроивает.

Тут, не утерпев, в разговор влез Зайченко.

– Говорят, товарищ командир, что у них там снайперы работают. Заодно и артиллерию свою наводят на наши позиции по-черному...

– Говорят... – передразнил Аникин. – Тебе бы только сплетни собирать. Ты у нас и по селу, небось, информацию собрал? А, Зайченко?... Опять, небось, возле штаба Нину высматривал?

Тот не ответил, виновато умолкнув. Осадил его Аникин скорее в воспитательных целях. В конце концов, не чистить же опять физиономию этому несмышленому. Да и замполит еще этот сидит, выпучив очи. Лучше при нем лишнего не болтать. А ведь по существу Зайченко был прав. К артиллеристам фрицевским вроде как по привычке. А тут новая напасть. Все чаще находили бойцов пули, которые шальными никак не назовешь.

Пошел за водой – бац! – упал с дырочкой в затылке. Или траншею копал – упал с дыркой в сердце. А дырочки пчелки делали, которые из-за реки летели.

А тут и старые знакомые – тяжелая артиллерия немцев – вдруг ожили. Били с того берега почти без передышки, и все точнее и точнее. Из-за возросших за последние дни потерь командование даже приказало отодвинуть позиции подальше от берега Днестра, ближе к селу.

Впрочем, Аникину отдельного приказа дожидаться не надо было. Место под блиндаж сам выбирал, чтоб с того берега не просматривалось. Да и возводить его, несмотря на протесты личного состава, заставил солдат ночью. После кровавой переправы штрафников фашисты совсем озверели. Днем покоя не давали ни на минуту. Вот и сдвинули процесс на ночное время. Береженого Бог бережет.

II

– Да, товарищ лейтенант... вы с приказом пришли? – обратился Аникин к замполиту так, будто начисто о нем забыл и вот только что вспомнил. – Так вы можете не стесняться и приказ комбата озвучить...

– Я не стесняюсь, – сдавленно прошипел замполит. Худое, мертвенно-бледное его личико, похожее на лисью мордочку, перекривилось. Злость, густо перемешанная с испугом, звучала в его шепоте. Резко вскочив, срывающимся голосом замполит выговорил:

– Приказано готовиться вашему отделению к переправе. Следом за штрафниками пойдете... Завтра, к вечеру, форсируете Днестр. Аникин, явиться сегодня к комбату в 20.00. Все ясно?

Не дождавшись ответа, замполит откинул на выходе брезентовый полог и решительно выбрался наружу. Как будто проглотил его черный зев сырой апрельской ночи. И не подавился.

В землянке повисла тишина. Каждый, казалось, выжидал: вот, сейчас начнут говорить. Не он, а кто-то другой прервет это томительное молчание. Но желающих не находилось. Все сидели, как в рот воды набрав. Уставились в пламя, коптившее в бревенчатый потолок из сплющенной гильзы от снаряда сорокапятки. Будто впервые видели как какое-то чудо это творение рук гвардии сержанта Бондаря. Вслед за уходом лейтенанта разом прекратились и разрывы. Дуракам всегда везет.

Зайченко, как всегда, не выдержал первым.

– Вот тебе, бабушка, и едрен батон... – тяжело вздохнув, проговорил он. – Выходит, зря мы бревнышки катали, логово себе обустроивали.

– Ишь, выискался обустройщик... – хмыкнув, заметил Попов. – Кому бревнышки катать, а тебе – языком махать. И где тебя носило, пока мы тут

горбатились? Смотри, как он логово обустроивал...

– Надо где... – с самодовольным видом парировал Зайченко. – Разведчик должен своим непосредственным делом заниматься. Вот я и разведывал тут, окрестности...

– Ну и чё разведал? – зацепился за разговор Попов. – Нору, что ль, искал?

– Какую нору? – непонимающе переспросил солдат.

– Как какую?... – Попов оглядел освещенные тусклым светом лица сидевших разведчиков. – Заячью нору Ты ж сам говоришь – мы тут логово обустроивали. Зайцы же в логове не живут. Вам нору подавай. Вот был бы ты, к примеру, Волков или там Тигрищенко...

– Ну, ты, Алеша Попович... – насупившись, проговорил Зайченко.

– Ну все ... хорош... – сердито оборвал спорщиков Аникин. Хмурое выражение лица командира новоиспеченной разведгруппы стало еще мрачнее. – И без того кошки скребут, а тут еще вы... зоопарк устроили, – произнес Андрей. – Думали бы лучше, как нам через реку перебираться. Приказ-то внятно все слышали? После штрафной роты плавсредств у нас не осталось. Значит, самим плоты сколачивать потребуется. Как солнце выйдет, по селу рейд предпримем. Искать все, что на воде держится...

– Эх, товарищ командир... – мечтательно произнес Бондарь. – Нам бы лодки, как под Виноградным Садам...

– Ну, ты, не каркай, – одернул бойца Евменов. Он один, по старшинству, мог позволить себе такой оборот речи в отношении Бондаря. – Под Виноградным тем... много чего еще было, акромья лодок... Так что нам не надо-ть, чтоб как «под Виноградным Садам»... Упаси Бог от такого, чтоб еще раз.

III

За сутки до наступления на Николаев батальон форсировал Южный Буг. Ночью, на гребных лодках. Тогда взвод Демьяненко, куда входило и отделение Аникина, одним из первых зацепился за правый берег. Переправлялись по широкому сектору, стараясь обхватить тремя отделениями чуть не всю береговую зону села. Отделение Фролова доплыло первым. Некоторым удалось с ходу прорваться в село через оборонительные позиции фашистов. Бой на плацдарме и на улицах села шел всю ночь.

Именно там, утром, на выходе из Виноградного Сада, Бондарь сбил из своего пулемета «Мессершмитт», за что был представлен комбатом к ордену Красной Звезды.

– Перед переправой через Южный Буг некоторые, помнится, тоже так

охлали: «Все, мол, войне крышка... Глядите вон, Виноградный Сад на том берегу...» – также мрачно произнес Аникин. Он все не мог прийти в себя после только что озвученного приказа замполита. Он-то рассчитывал, что им дадут несколько дней передышки. А тут, оказывается, опять переправа, опять вгрызаться в правобережный плацдарм и держаться, теряя товарищей. Еще слишком свежа была память о переправе через Южный Буг под Виноградным Садам. Держать плацдарм на береговом пятачке, у самой кромки села, до прихода основных сил, взводу пришлось почти сутки. А потом еще были бои за освобождение самого села.

Андрей почему-то вспомнил Костю Фролова. Балагур, неунывающий весельчак и большой любитель выпивки, он прошел в командирах первого отделения их взвода от самого Днепропетровска. С Аникиным осушили они не одну кружку – и фронтовых «наркомовских», и горилки, которой потчевали их радушные хозяйки затерянных в донецких степях хуторов, и старого виноградного вина, припасенного жителями освобожденного Запорожья. До виноградного вина Костя был особо охоч.

– Ну и названьице... Виноградный Сад! – приговаривал он без остановки, когда они готовились к форсированию реки, – Нечто не попьем винца в таком селе?

И все восхищенно причмокивал губами. Как будто уже распробовал стакан перебродившего виноградного сока.

– Не говори «гоп», не переплывши... – утихомиривал его Бондарь, деловито законопачивая лодку. – Нахлебаться всегда успеется...

IV

Парни Фролова переправлялись через Буг по правую руку от отделения Аникина. Русло возле Виноградного Сада было широкое, берега крутые и заиленные, течение быстрое, неровное, сплошь в круговоротах.

Отчалили почти одновременно, но на стремнине фроловских стало быстрее остальных относить к противоположному берегу.

Костя получил ранение еще во время переправы. Фашисты были готовы к речной атаке и встретили силуэты плескавших веслами лодок шквальным огнем. Пулеметы и минометы секли и рвали поверхность воды с такой плотностью, что казалось, вода закипает. Протяжный рев, потом шлепок мины о воду и тут же «ба-бах» – сноп кипящей воды взматывается вверх. Несколько лодок и плотов сварились в этом кипятке. Прямые попадания мин в долю секунды превратили дерево плотов и плоть солдат в кровавую мешанину, разбавленную речной водой. Пулеметные очереди, шныряя по ночной глади, цеплялись за какую-то из лодок и принимались кромсать борта, весла, сжимавшие их руки. Расстреливали методично, пока

не оставалось в лодке никого в живых. Кто-то, уже схватив одну или две пули, в отчаянии прыгал в воду, ища там спасения. Но немецкие пулеметчики доставали их и в воде. Добивали барахтающегося, пока его труп или еще живое, но беспомощное тело не исчезало в непроглядной, зыбучей бугской мгле.

Фролов, несмотря на пробитую пулей грудь, добрался вплавь до противоположного берега. Выбравшись одним из первых на илистую глину, коченеющий от ледяной воды и потери крови, он занял оборону и тут же открыл огонь из своего ППШ по пулеметным гнездам противника. Костя сумел замкнуть на себя работу двух пулеметчиков. Его жизнь вместе с кровью по капле уходила в холодный мокрый песок, а он бил по фашистам, пока были силы нажимать на курок, пока давая товарищам, гребущим из последних жил кто веслами, кто досками, возможность преодолеть «мертвую» зону кипящей от раскаленного свинца воды.

V

Утром, сразу после боя, они вернулись на берег за телом Кости Фролова. Это было еще до того, как Бондарь зажег в небе «мессера» из своего пулемета. Фролов лежал чуть выше кромки воды, в какой-то неестественно перекрученной позе. Пуля от немецкого пулемета вошла в его правое плечо и, выйдя насквозь через левую лопатку, перекрутила верх туловища. Заострившееся лицо жутко глядело в серую хмарь низкого неба. Застывшие веки убитого не закрывались. После двух неудачных попыток это сделать Андрей отдернул ладонь. Она сама собой сжалась в кулак Мертвец, белый и обжигающе холодный, больше напоминал не Костю Фролова, а обряженный в телогрейку кусок льда. Казалось, растает сейчас сам собой, не оставив и следа на мокром песке.

Окоченевшие пальцы Кости намертво вцепились в автомат. Попов тщетно пытался их разжать, пока Аникин не остановил его. «Хватит... Так возьмем...» Неужто он захотел забрать ППШ с собой на тот свет? Так, с оружием, как с иконой, в мертвых руках, с распахнутыми мертвыми глазами, они его и подняли.

Снизу, под окостеневшим, негнущимся трупом, обнажилось на влажном песке бурое пятно. Это была его кровь, вытекшая из него жизнь. Вернее, уже не его. Теперь она навечно впиталась в этот кусок глинистой почвы в нескольких шагах от крайней хаты села, именуемого Виноградный Сад. Название это так веселило и будоражило убитого Костю Фролова. И его побуревшая кровь вдруг показалась Аникину нечаянно пролитым на песок домашним красным вином.

Много ребят щедро полили своей кровью землю в том Саду, будь он

проклят... А вот теперь они снова на берегу реки, и снова поставлен приказ любыми силами зацепиться за тот берег. А село и реку зовут по-другому, и легче от этого не становится. Незавертайловка... Это ж надо так назваться. Вот уж точно – лучше бы сюда не соваться и бежать отсель подобиру-поздорову. Да только путь один – вперед, вплавь, на запад. В самую разинутую пасть фашистской гидре. Разинула хлебало свое во всю ширь Днестра и словно дразнит: ну-ка, сунься. Вот и комбат приказывает: сунься. И никаких вариантов. Так-то вот. Так что одна тебе дорога – в Днестр...

Это слово буравит Аникина, вертится в его усталом мозгу, преследует его как наваждение. Днестр, Днестр, Днестр... Что-то колючее, железное и жесткое слышится в нем. Стук станкового пулемета, неумолимый и гадкий, как смерть: стр... стр... тра-та-та... стрелять... стр... И дно – мертвое, непроглядное, холодное. Мокрое, как могила Кости Фролова. Днестр... Как выдох огромного водяного дракона. Блестя стальными чешуйками, он глухо ворочается там, в ночной темноте, и как бы предупреждает: не суйся, а то проглочу, не суйся, а то... стр...

VI

– Товарищ командир... товарищ командир...

Андрей даже вздрогнул от неожиданности.

Зайченко тряс его за плечо.

– Вот бисова душа... Едрить твою кочерыжку, – с досадой сплюнул Бондарь, тут же ткнув Зайченко в бок. – Что ж ты командиру роздыху не даешь? Не видишь, что ль, прикорнул малеха товарищ старшина-

Андрей и сам не заметил, как задремал.

– Я одно не пойму – к чему спешка такая? – смутившись, но не отступаясь от своего, опять завел тему Зайченко. – Еще и в разведчики произвели, ни с того ни с сего...

– Так ты ж сам все мечтал в герои-разведчики попасть, – тут же снова вступил в разговор Попов. – Сам же расписывал... Мол, вернешься в родной колхоз грудь – колесом, а на ней ордена и медали позвякивали, и чтоб девок от звону того в жар бросало. Это чьи-то песни мы тут слушали?...

– Песни-то песнями, – вздохнул Зайченко. – Так ить, апрель на дворе... И война, как Богдан Николаич говорит, всамделишно, – с горки. Вот шел я только что. Темень – хоть глаз выкалывай, а в воздухе... – Зайченко зажмурился и втянул в легкие воздух, словно бы какую-то ароматнейшую взвесь.

– Что в воздухе?... – поддаваясь артистическим ходам Зайченко, с нескрываемым любопытством спросил Байрамов.

– Весна, Анзор, весна!... – торжественно заключил Зайченко. – Как дыхнешь, словно понимает тебя всего... И так жить охота, и столько, кажется, ждет тебя там, впереди... Эх, робяты... Вот и думаешь: ну их к черту, ордена и медали эти... скорей бы уж лучше война эта к концу своему прикатилась. Чтоб потопать себе спокойненько живому до дому... Щас ради этого, кажись, колесо Богдана Николаича носил бы. Честное слово! Вместо медалей... И то правда – тоже грудь колесом...

– Слышь, вместо... А ведь Богдан Николаич орден-то именно благодаря колесу и заработал... – резонно заметил Евменов.

Все согласно кивнули, вспоминая, как Бондарь устроил воздушный бой с фашистскими асами.

Вокруг колеса ротного пулеметчика старшего сержанта Бондаря, прикомандированного к отделению Аникина, разговор крутанулся не случайно. Колесо это – обыкновеннейшее в прошлом деревянное колесо от телеги – стараниями Бондаря стало достопримечательностью всего батальона. Таскал он его с собой с месяц – с молчаливым упорством, не обращая внимания на шуточки и подковыристые замечания товарищей по оружию. В любом месте, где взвод хоть на малое время обустроивал свои позиции, Бондарь устраивал один и тот же ритуал. Выбирал на небольшом удалении средней толщины дерево и аккуратно его спиливал, да так, что пень ствола оставался торчать где-то на метр от земли. К этому пню Богдан приносил из обоза свое колесо и крепил его по центру спила железным штырем. Сверху, на эту конструкцию Бондарь и устанавливал пулемет, фиксируя сошки на двух деревянных колесных спицах.

– Смотри-ка, как быстро старший сержант из пулеметчика в зенитчики переформировался, – замечал кто-то из доморощенных взводных остряков.

– Смотри, щас физиономию тебе малеха переформирую... – незлобливо откликался пулеметчик.

Справедливости ради надо отметить, что острили умники на расстоянии, чтобы не получить под горячую руку увесистого тумака. Впрочем, Бондарь и не особо обращал внимание на замечания и комментарии к своим приготовлениям. Он терпеливо ждал своего шанса.

С самого февраля над позициями батальона ни разу не появлялись немецкие истребители и бомбардировщики. Сказывалось превосходство нашей авиации, которая господствовала в воздухе, не пуская фашистских стервятников далеко в глубь освобождаемой советской земли. Дивизия неудержимо двигалась вперед, на запад. В батальон поступал приказ выступать, и солдаты вновь, в бессчетный раз, снимались с только-только обжитого места. Бондарь как ни в чем не бывало демонтировал свою

зенитно-пулеметную установку и прятал колесо в обозной телеге. А на следующем привале все опять повторялось заново.

VII

И вот, под Николаевом, настал долгожданный час Бондаря. В результате ночного боя батальон вышел на противоположную, к городу обращенную окраину села Виноградный Сад. Здесь комбат приказал окапываться и готовиться к наступлению на город.

Настроение у бойцов было подавленное. Только что они закопали в сырую глину тело

Кости Фролова и еще пятерых бойцов, трое из которых были из отделения Аникина. Еще когда в яме было чуть меньше метра, стала прибывать вода. Комбат торопил. Надо было окапываться, так как ожидалась контратака со стороны города. Убитых пришлось хоронить прямо в эту воду. Бондарь все же успел сколотить что-то вроде настила. Его положили на чавкающее, серо-желтое дно ямы, а уже на него – убитых.

Голодное, продрогшее до костей отделение Аникина вычерпывало до жижи раскисшую от распутицы землю на левом фланге села.

– И еще эти тучи... сплошной пеленой, – бубнил Зайченко. – Словно в саван тебя закутывают...

– Заткнись лучше! – зло одергивал его Попов. – И без тебя тошно...

Остальные молча рыли раскисшую землю. Но их лица красноречиво подтверждали, что в душе каждого – та же картина.

Только сержант Бондарь времени не терял. Уже оттяпал полстволы у приземистой, но крепенькой яблони с обломанной снарядом кроной. Не успел он приладить к колесу пулемет, как серое предрассветное небо наполнилось гулом авиационных моторов. Гул нарастал из-за Буга. Оттуда, с левого берега, несколько часов назад батальон форсировал на лодках ледяную гладь реки. В расположившейся неподалеку Киндиновке еще гремели выстрелы. А может, соседи из гвардейской стрелковой дивизии решили с ходу, без передышки, войти в город. Судя по нарастающему в небе гулу, наземную операцию по освобождению Николаева решили поддержать с воздуха. И поддержку оказали немалую.

Одно за другим над головами аникинских бойцов величественно прошли несколько звеньев «горбатых». По флангам, в охранительных двойках, их сопровождали несколько «Як-9». «Илы» шли так низко, что кто-то поневоле даже пригнул голову, когда их черные разлапистые силуэты заслонили небо над головой. Зримая мощь авиационной поддержки действительно впечатляла. «Ух ты!» – не сдерживая радостных эмоций, тут же оживились солдаты. Все как один провожали

восхищенными взглядами краснозвездные самолеты. Один только Бондарь не палился в мутно-серое, будто не проспавшееся, небо. Он спешно крепил к колесу сошки своего «дегтяря». Так дружелюбно, на мирный ремесленный лад, называл боец свой пулемет.

Немецкие истребители возникли в небе неожиданно. Вначале в мерный, низкий гул вклинился резкий, завывающий рев. Тут же из-за Киндиновки появились и «крестовые»: сначала пара «Фокке-вульф-190», а следом – пара «Мессершмиттов». Тут уже одним наклоном головы не обошлось. «Мессеры», на бреющем полете проревев прямо над позициями батальона, плеснули в бойцов одну за другой две очереди, заставив всех броситься плашмя прямо в чвакнувшую, обдавшую ледяным холодом грязь.

Всех, да не всех... Бондарь, крутанув колесом, пустил вдогонку ведомому «мессеру» ответную порцию бронебойного свинца. Очередь не причинила самолету никакого вреда. Но, видимо, внимание фашистского летчика Бондарь на себя успел-таки обратить. Фашист не спеша развернулся, видимо, по ходу пытаясь сообразить, что за букашка там, на земле, осмелилась огрызнуться в адрес непобедимого аса.

С такой малой высоты немецкий летчик наверняка заметил фигуру Бондаря. Все полегли кто куда, стараясь зарыться поглубже в спасительную жижу, а этот вызывающе торчал один в поле воин, со своей импровизированной зенитной установкой.

VIII

Старший сержант, словно испугавшись, что фриц сейчас улетит, так и не дав ему второй попытки, вдруг призывно замахал ему руками. Потом, согнув свою правую в локтевом суставе, Бондарь стукнул по ней левой. Соорудив эту недвусмысленную композицию, он величественно потряс ею в воздухе, прицелив торчащую правую прямо в немца. Как выяснилось, зрение у фашиста оказалось хорошее. Так же верно он воспринял немое послание, столь наглядно продемонстрированное Бондарем. Более того, международный язык, на котором так доходчиво изъяснился сержант, по всему, здорово задел немчуру. «Мессер» вдруг взял резко вверх и взвился свечой к серой пелене туч. У самой облачной кромки, как у грязного потолка, он мастерски вошел в «мертвую петлю» и по изящной дуге ринулся к земле. Бойцы, как замороженные, следили за тем, что вытворял в воздухе немец. Действительно, ас, будь он трижды проклят. Страх нагоняет, показывает: вот, мол, смотрите, с кем вы связались, сейчас, мол, ваша смерть и пожалует.

Наблюдал за ним из своей землеройной позиции и Аникин. Он уже

понял замысел немца. Летчик до метра рассчитал траекторию выхода из «мертвой петли». Дуга ревущей, обвешанной крестами машины должна была разомкнуться как раз над их головами. Тогда немец и пройдет еще разок по ним своей авиационной пушкой, только теперь уже наверняка. Фашист приготовил свою «мертвую петлю» для них и теперь готовился закинуть ее на манер лассо и затянуть удавкой на шее отделения. А все из-за Бондаря, будь он неладен.

– Богдан Николаич!... Прячься! Прячься!... – закричал Аникин что есть силы. Бондарь ничего не слышал, кроме стремительно нарастающего рева. Самолет, уменьшившийся в вышине до еле заметного крестика, падая, вдруг ужасающе вырос. Он продолжал расти, заполнив невыносимым ревом моторов полнеба. Раскинув свои хищные черные крылья, «мессер» несясь прямо на Бондаря. И тут сержант открыл огонь. Пригнувшись, вцепившись обеими руками в пулемет, Бондарь жал на курок с такой силой, как будто от этого зависела интенсивность и точность стрельбы.

Очередь, пущенная в сторону «мессера», нащупала машину не сразу. Летчик успел пустить ответную ленту трассеров. На миг две эти ленты пересеклись в воздухе. В следующую долю секунды пули «дегтяря» словно выпутались из цепкой вязи немецкой пушки и ударились в нос самолета. Брюхо фюзеляжа испещрила целая горсть дырок и вмятин.

Бондарь, поворачивая свое колесо, до последней свинцовой капли выжимал боезапас из своего пулемета. Самолет черной тенью пронесся над ними. Показалось, что попадания Бондаря не нанесли «мессеру» никакого урона. Но откуда-то из хвостовой части удалявшейся машины вдруг повалил черный дым, и ровный ход ее как-то рвано дернулся. Весь «мессер» полыхнул огненно-рыжим пламенем и, будто наскочив на невидимую воздушную кочку, неловко кувырнулся и врезался в землю. Столб огня и иссиня-черного, как смола, дыма поднялся в серое небо.

IX

– А здорово Богдан Николаич того «мессера» запалил... – произнес вдруг Зайченко. – Будто полено какое-нибудь... сосновое...

Все согласно и дружно закивали. Бондарь довольно хмыкнул и смущенно потупился. Не привык он к похвалам в лицо.

– А мы так и не обмыли «мессера»-то... – как-то задумчиво, интригуяюще продолжил Зайченко.

Похоже, что не одному Аникину разговор о колесе напомнил о сбитом Бондарем «Мессершмитте». Зайченко вдруг оттянул ворот своей телогрейки и достал оплетенную лозой бутыль. Объему в ней было не меньше двух литров. Сквозь решетку лозняка в тусклом свете горящего

пламени проглядывало темно-рубиновое содержимое бутyli.

Тесное пространство блиндажа запрудили восхищенные возгласы и междометия.

– Ну ты даешь, Зайченко!...

– Чисто фокусник!...

– Это чё это?... Вино, что ли? – на лице Попова изобразилась явная досада.

– Дак это ж компот. Вот бы первача.

– А ну, давай, раскупоривай... Щас попробуем, что за компот...

– Э, может, кружки возьмем.

– А ты чё, с микробами?

– Щас я те сделаю микроба, под глазом...

– Ладно, хорош митинговать, – по-командирски осадил Аникин закрутившиеся вокруг бутyli разговоры. Приняв драгоценный груз из рук торжествующего Зайченко, Андрей вытащил из горлышка деревянную пробку. Духмяный до терпкости аромат пахнул изнутри, сразу перебив кисло-резкую вонь сохнувших портянок. Это был не запах... какой-то небывалый цветочно-медовый аромат. Пахло тем самым, о чем говорил Зайченко, – весной, близким миром. Жизнью пахло. Все это и еще масса каких-то неуловимых, в глубине самой души запрятанных движений было собрано-сжато, упрятано в эту плетеную бутыл. Как запечатанный в лампу джинн.

– Ух ты, пахнет... – ошарашенно выдохнул Зайченко. Все дружно потянули носами и также дружно заохали. Даже на лице Попова, сторонника первача и противника компотов, разгладилась и исчезла гримаса недовольства.

– Теперь поняли, как в разведку боем надо ходить?... – торжествующе произнес Зайченко. Его просто распирало от произведенного эффекта.

– Ладно, разведчик... Завтра покажешь свою разведку боем... на правом берегу Днестра... – добродушно отозвался Аникин. – Думаю, к утру вино из голов наших чугунных выветрится. Так что давай, запускай, фокусник, свой трофей по кругу. Чего, в самом деле, с кружками заморачиваться... Тебе и начинать. Как добывшему трофей.

– Тем более что закуски на него не требуется. Это ж компот... – гнул свою линию Попов.

Х

Зайченко, вмиг посерьезнев, проникшись, так сказать, порученной миссией, с той же торжественностью сделал порядочный глоток.

– Уф... пахнет она слаще, чем на вкус, – наконец произнес он,

протягивая бутылку Попову. – Дед, который бутылку мне дал, сказал, что бьет она по ногам хорошо.

– Да кто она, Зайченко? Это ж вино – оно... – спросил Попов, приносясь к горлышку. Его уже толкали в бок, требуя не тянуть резину.

– Кто-кто... Она... – Зайченко, блаженно утирая губы, кивнул в сторону бутылки. – Лидия... Дед тот все Лидией склянку называл.

– Так мы, выходит, по кругу Лидию пустили, – хихикнул раздумавшийся Попов. И тут же получил порядочный тычок в плечо, от которого чуть не кувырнулся с ящика с дисками для ППШ.

– Слышь ты, остряк, – зычно отозвался Бондарь. – Сейчас твой пятачок юшку пустит. Уразумел? Лидия – это сорт так называется. Винограда... Он еще когда вызревает, пахнуть начинает. Пройти мимо нельзя...

Бондарь умолк, погружившись в пахучие воспоминания.

– Еще один сорт Изабеллой кличут. Тоже ужас какая пахучая... И вино из нее первейшее давится... На заднем дворе у меня несколько кустов растет...

– Так ты и вино, Богдан Николаич, делаешь? – спросил пулеметчика Евменов после того, как порядочно приложился к бутылки.

– А что у нас товарищ сержант не делает. На все руки мастер, – отозвался Зайченко, весело поглядывая на Попова, который, нахмурившись, тер ушибленное плечо.

Действительно, в батальоне Богдан Николаевич Бондарь заслуженно слыл мастером на всяческие ремесленные штуки. Чуть где станет рота на привал, тут же начинает Бондарь обстраивать быт. Сварганит светильник из гильзы, столик сколотит или еще чего-нибудь для «создания комфорта». У него в обозе свой уголок был. «Бондарным цехом» обозники его прозвали. Там чего только не было. И слесарный инструмент, и плотницкий, и пилы, и рубанки, и всякая другая всячина. Бондарь всерьез готовился к мирной жизни. Любил порассуждать на этот счет.

– А что? – по обычаю обстоятельно заявлял свою излюбленную тему Богдан Николаевич. – Война-то уж с горки катится. Фриц драпает, так что я аж запыхиваюсь за ним угнаться. Скоро до хаты возвратиться срок выйдет. А там... И кровлю перестелить, и стены поправить. Это ж ума не приложу, сколько треба буде працювати.

В этом месте Бондарь обычно картинно хватался за голову.

– Там же ж работы – непочатый край! – качал он своей лысой головой. Причем лысина его не коим образом с возрастом или плешью связана не была. Годами Бондарь едва переступил тридцатилетний рубеж. Брился же

он самостоятельно, от подбородка до макушки, притом что шевелюра и щетина у него росли не по дням, а по часам. В аникинском отделении и во всем взводе его почему-то называли исключительно по имени-отчеству, даже те, кто был старше возрастом.

Уважали за основательность, проявлявшуюся и в могучем телосложении Богдана Николаевича, и в характере – хозяйственном, мастеровитом, ко всякому созидательному делу способность имеющему. Невольно как-то на привале собирался вокруг Бондаря народ. А тот всегда делом занят: к примеру, рукоятку для топорика или лопатки саперной из полена выделывает. Тут же шутки, смех, разговоры за жизнь начинаются. И комвзвода придет. И замполит тут как тут. Куда ж без него.

– Ну, Богдан Николаич, уже собрал свой бондарный цех. Тут война крутит тебя, как белку в колесе, с утра до ночи в грязи и крови. А у Бондаря, понимаешь ли, оазис мирной жизни, клуб по интересам.

– Это все фамилия моя, товарищ капитан, – откликнулся сержант, деловито снимая с деревяшки стружку. – Бондарь – это ж тот, кто бочки правит. А где еще собраться, как не у краника бочки, да за стаканом вина. А там и первачок приспеет... И жинка галушек горяченьких поднесет...

– Ух, Бондарь, и горазд ты картины живописать. Точно, будто на побывку сходил... – встряхивал головой капитан.

– Да, видали бы, товарищ капитан, вы мой погреб, – погружался в воспоминания Бондарь. – Там не то что взвод, вся наша рота поместилась бы...

– И что, на всех хватило бы содержимого бочек твоих? – раздавался чей-то сомневающийся голос.

Бондарь даже останавливал на миг работу, словно бы подчеркивая глупость прозвучавшего вопроса.

– Да ты, знаешь, бисова душа, что за бочки стоят в моем погребе? На сто ведер бочки! Еще дедом сработаны были те бочки! – в голосе его звучала чуть не анафема Фоме неверующему.

Однако, взыграв, пыл Бондаря тут же утихал. Сержант, совершенно умиротворенно, добавлял:

– Есть и те, яки батя зробил... те две поменьше. Но на тебя, бисова душа, хватит. С головой утонешь.

Под общий смех Бондарь вновь возвращался к своей работе. А комвзвода ставил на вид своему замполиту:

– Вот, учись, Шанский, как надо разъяснительную и воспитательную работу проводить. Тут тебе готовый тематический вечер...

Лейтенант Шанский, угрюмо поживаясь, переминался на своем

сидячем месте и отмалчивался. Он был из новеньких. В батальон пришел вместе с пополнением, сразу после взятия Николаева.

Батальон тогда расположился на короткую передышку. Приходил в себя после ожесточенных боев. Освобождение города далось тяжело. Выдавливали фашистов из каждого дома, из каждой улицы. Только в отделении Андрея не досчитались пятерых. Трех – насмерть, а двое отправились в госпиталь, причем оба – с тяжелыми ранениями. К тому же все знали – в любую минуту может прозвучать команда «Сбор». Рассиживаться некогда, надо было развивать успех наступления, пока ошалелые фашисты не очухались.

Известное дело, солдаты могли позволить себе сон во внеурочное время, разведку местности на предмет разжиться съестным или познакомиться с миловидной хозяйкой, и прочие нехитрые солдатские радости. Командиры, понимая, что впереди возможный штурм Одессы и дальнейшее наступление без передышки не особо завинчивали гайки.

А вот Шанский во все эти детали вникать не стал. С места в карьер пошел устанавливать субординацию, читать нотации и налагать взыскания. Само собой, с первых же дней пребывания в роте у него контакт с личным составом стал, мягко говоря, пробуксовывать. Дошло до того, что несколько раз нарвался замполит на прямую отправку куда подальше со стороны особо отчаянных ротных сорвиголов. Да еще и окрестили его Воблой – за чрезмерную засушливость, как во внешнем облике, так и в проявлении человеческих качеств.

Несколько стычек у Воблы почти сразу произошло и с Аникиным, и с другими командирами и рядовыми. Как-то сразу выяснилось, что Шанский с людьми общаться не умеет. Зато гонору замполитского он с собой с курсов притащил выше крыши.

XI

Одним из первых, кто устроил замполиту взбучку, оказался Евменов. В батальоне он появился одновременно с замполитом, в составе пополнения, влившегося после освобождения Николаева.

Замполит Шанский со своими, склонными к истерике воспитательными беседами и принципиальным подходом к делу совсем не вовремя на Евменова ополчился. Тем самым окончательно рухнул в глазах бойцов замполитский его авторитет, так и не успев хотя бы фундаментально отстроиться. Отгреб лейтенант Шанский от воспитуемого по первое число. Не изменяя своей молчаливой манере, тот двинул товарищу замполиту по скуле, да так, что тот кубарем отмерил пару метров освобожденной новороссийской земли.

Вечером того же дня в батальон прибыл «виллис» с особистами и конвоем. Провели беседу с Аникиным, который присутствовал при воспитательном моменте замполита и ответном маневре Евменова. Впрочем, беседа оказалась предельно короткой. На вопрос капитана о случившемся Аникин только плечами пожал, ответив, что ничего такого, о чем поведал товарищ замполит, он не видел. А что касается синяка на скуле и падения товарища замполита, так он вполне мог неловко ступить и кувырнуться, так как на фронте товарищ замполит совсем недавно и еще не укрепил мышцы ног изнурительными многодневными маршами.

По лицам особистов, едва сдерживавших ухмылку, было видно, что такой ответ их вполне устраивает. Но Евменова, к нескрываемой радости замполита, в штаб дивизии они с собой все же забрали. Как же вытянулось лицо несчастного, когда на следующее утро Евменов как ни в чем не бывало притопал в распоряжение и глухим, рокочущим, как ночное море, голосом доложил комбату о своем прибытии. В отделении его встретили уже как своего, поделились припасенной краюхой, банку тушенки по данному случаю вскрыли. Ответ Евменова на ненавязчивый вопрос Аникина: «Ну, как там?» прозвучал сдержанным до скупости: «Обломалось товарищу Шанскому. Никаких у него шансов...»

Секрет такого чудесного возвращения Евменова в роту и милосердного к нему отношения особистов раскрывался просто. Евменов был настоящий герой, один из горстки уцелевших десантников лейтенанта Ольшанского. После освобождения города об отряде Ольшанского знал каждый. За три дня до решающего наступления отряд под командованием Ольшанского высадился в порту оккупированного фашистами города. Их было меньше сотни, но заваруху они устроили серьезную. Свалились как снег на голову на каски растерявшихся немцев и румын.

К высадке десантники подготовились основательно. Проработали план порта, наметили главные объекты захвата – верфь, складские помещения, судоремонтные строения, здание портовой администрации и железнодорожную станцию. Каждая группа с закрытыми глазами могла нарисовать маршрут следования к своему зданию. Подошли к портовой пристани ночью, на семи лодках, в каждой – группа со своим маневром и своей целью.

XII

Вся операция по захвату порта заняла не более двадцати минут. Бойцы рассредоточились по периметру подхода к порту, взяв под контроль автомобильные подъезды к верфям и железнодорожные пути. А потом начался бой. Очухавшись, оккупанты ринулись отбивать потерянный

стратегический узел. Их злость не знала предела. Ведь в руки десантников попал оружейный склад, который фашисты опрометчиво оборудовали в порту. Это во многом и обеспечило возможность такого упорного сопротивления наступавшим. Трое суток, до самого начала штурма, держался отряд Ольшанского.

Волны фашистских атак накатывали на отряд одна за другой, как волны Бугского лимана, которые становились солонее от крови павших и от студеной черноморских течений, нагоняемых пронизывающим бризом. Ожесточенные бои то затихали, то разгорались с новой силой сразу на нескольких направлениях. Паузы между огневыми стычками становились все короче, пока не исчезли совсем. За все время обороны десантники отбили около семидесяти атак превосходящих сил противника.

Из героев-десантников погибли почти все – шестьдесят восемь бойцов. Погиб и командир отряда – лейтенант Ольшанский. Третье полученное им ранение оказалось смертельным. Из тех, кто холодной апрельской ночью высадился вблизи пристани Николаевского порта, в живых осталось лишь четверо. Одним из них был рядовой Евменов. Все они имели ранения, всех четверых отправили в тыл на лечение. Всех четверых представили к званию Героя Советского Союза, как и их погибших товарищей.

У Евменова было легко задето плечо, и отправляться в тыл он категорически отказался. Так, с перевязанным плечом, с каким-то суровым и темным лицом – точно обугленным – он и явился в распоряжение батальона. Комбат, назвав его перед строем в числе других новобранцев, коротко сказал об отряде Ольшанского. А потом определил Евменова в отделение Аникина.

В батальоне уже были наслышаны о подвиге десантников. Поэтому к молчаливой нелюдимости Евменова отнеслись с пониманием. С вопросами в душу ни командиры, ни рядовые бойцы старались не лезть. Видно было, что никакого героя Евменов из себя не корчит. Просто человек только вот из смертельного пекла вынырнул, товарищей всех потерял. Внутри у него сейчас – как в голове контуженой, все гудит и саднит. Тут время нужно: оклематься, заново, на ощупь, в себя прийти.

XIII

Вот и сейчас, среди оживленного галдежа, спровоцированного общением с «изабеллой», он сидел по-прежнему замкнуто и молча, словно отдельно от остальных. Волна тепла пробежала по венам, расслабила, развязала языки, расположила к шуточкам, разговорам про женский пол. А Евменов, наоборот, как-то собрался и потемнел. И прорези глаз стали уже. Как у индейца, который готовится томагавк в макушку врага всадить.

Аникин заметил, как желваки ходили по выступающим боксерским скулам Евменова. А пальцы его тем временем сами в кулаки сжимаются. Думает какую-то свою думку. Товарищей погибших, наверное, вспоминает.

– Вопросы какие, командир? – произнес вдруг Евменов. Не то чтобы угроза какая звучала в его голосе. Но сам голос, глухой, будто высушенный, доброжелательным назвать было нельзя.

– Вопросов тебе уже достаточно задали, – с долей иронии произнес Аникин. – В особом отделе...

Подобие улыбки скользнуло по лицу Евменова. Похоже, потихонечку десантник стал отходить.

– Тут не до вопросов, – продолжил Андрей. – После того, что шут гороховый тут давеча озвучил.

Он кивнул в сторону брезентового полога, висевшего перед выходом из блиндажа.

– Ты про замполита, что ли, командир? – уточняющее переспросил Евменов. – Пустомеля наш замполит...

– Так-то оно так... – выдохнув, ответил Аникин. – Да только с него как с гуся – днестровская водичка... А нам завтра этой водички хлебнуть придется...

Галдеж тем временем притих. Второй свой круг почета порядком опорожненная «изабелла» совершала в ореоле полусшепота. Все невольно прислушивались к разговору командира с Евменовым.

– А по мне, так скорей бы... – вдруг произнес Евменов. Голос его звучал совсем глухо и скулы жгутами скручивались под кожей. – Чтобы скорей добраться до гадов этих... Чтобы давить их... голыми руками рвать их буду... За Саню, за Кирчика, за Стандогло... За ребят...

Томительная тишина повисла над коптящим пламенем гильзы. Бондарь протянул Евменову бутыл.

– На, помяни товарищей... Помянем...

Евменов молча приложился к горлышку и долго-долго пил кроваво-красную влагу. Никто не прерывал и не останавливал его.

– За товарищей... – эхом, на вдохе выговорил он, оторвавшись от горлышка.

– За товарищей... – вразнобой отозвались остальные.

XIV

Содержимое бутылки испарилось в какие-то мгновения. Остался в блиндаже только духмяный отголосок виноградного запаха. Отделение снова притихло. Как будто боялись спугнуть волшебный дух «изабеллы», витавший вокруг коптящего пламени.

– Товарищ сержант, – вдруг произнес Зайченко. – Тяжело там пришлось?...

Его вопрос был обращен к Евменову. Тот не отвечал. Аникин и другие переглянулись. Сейчас пошлет подальше любопытствующего. Или, еще лучше, устроит тут «Замполит. Часть вторая». Однако, к удивлению бойцов, Евменов не сделал ни одно, ни другое.

– Там?... – глухо, но как-то устало, переспросил он. – На войне нету никакого «там», боец... На войне только – здесь. И ты лучше меня это знаешь...

Он помолчал, потом добавил:

– В порту пришлось несладко... Но и вам под Виноградным Садам было не легче...

Несколько голов согласно кивнули.

– Тяжело терять товарищей. А когда всех сразу за какие-то сутки – еще тяжелее... Кирчевский, Саня Курочкин, командир нашей группы, Тимоха, Аркаша Стандогло... Никого из нашей группы не осталось. Я один. За что мне такое везение? Может, я лучше кого-то из них? Не лучше. Лучше Санька? У него семья в Златоусте осталась, жена красавица, двое детишек. Или, может быть, Аркаши? Он один у матери... Грек по национальности, сам родом из Крыма, из Евпатории. Все говорил, что заговоренный, что пуля его не возьмет... Так и случилось... Осколком его убило. По-подлому, в спину. Здоровенный такой... Лопатку раскрошил, до самого сердца дошел.

Евменов достал кисет и припасенный обрывок газетной бумаги и, высыпав на широкую, словно из дуба вытесанную ладонь горстку табаку, принялся готовить самокрутку.

Сизые клубы забористого, до рези в глазах едкого самосада заполнили тесное пространство солдатского укрытия, окончательно поглотив следы винного аромата.

XV

– Группа наша склады удерживала, возле железнодорожной насыпи, – начал Евменов. – Как раз там, где ветка к порту подходила. Лейтенант Ольшанский нам еще до высадки объекты наметил. Его ребята должны были здание администрации занять. Оно в индустриальной зоне располагалось, среди судоремонтных цехов. Группа Салимова – верфи. А наша, под командованием Курочкина, к востоку от верфей высаживалась. К железной дороге должны были прорваться. Мы еще не знали, что немцы на складах портовых оружие хранили. Склады эти, на Каботажном спуске расположенные, и были целью нашей группы.

Ветер поднялся, волны... И все от берега. Вроде лиман, а волнение поднялось такое, точно в открытом море штормило. Никак причалить не могли. Мокрые все, до нитки. Пару раз лодку чуть о пирс не расшибло. Да только если уж приказ поставлен, то хочешь не хочешь, а причалишь. Это Саня Курочкин, значит, прямо с лодки сиганул, да за край пирса зацепился. У нас замерло все. Висит на руках, сапогами карабкается по стене... Мокрая, слизкая... В полной амуниции, ППШ за спиной, а в зубах конец веревки зажат. Заместо трала. Думали – все, оборвется сейчас. А там глубина – фарватерная, несколько метров. И волны. Ничего, вскарабкался. Саня, он ловкий был, «солнышко» на турнике запросто крутил по десять раз. Ну и высадились. Незаметно получилось.

Фашисты про нас – ни сном ни духом. У них по внутреннему периметру, который в сторону города смотрел, посты выставлены были усиленные. А вокруг складов – особо. С пулеметными гнездами. Партизан боялись и подпольщиков. Еще бы, у них там чего только не было: снаряды, и крупнокалиберные, и по мелочи, патроны – под винтовки и карабины, и пулеметные. Несколько ящиков с фаустпатронами, гранаты и наступательные, и лимонки оборонительные. И несколько станковых пулеметов немецких. Новехонькие, упакованы, в масле, как только что с заводского конвейера. И еще там... В общем, поимели мы запасы фрицевские.

Мы на них, как страшный сон, навалились. У нас договоренность была: постараться занять атакующие позиции до 3.00, по возможности не открывая стрельбы. Три ночи – это было время начала. А если какая группа ввяжется в бой, то остальные все равно должны были трех часов ждать. Это все лейтенант наш разложил нам еще перед высадкой. Так и вышло – фашисты первыми бойцов Ольшанского засекли. Они к Индустриальной улице должны были прорваться. Тут и началось...

Прожектора заматались по всему лиману Бугскому, по территории. Возле строений судоремонтных цехов стрельба, взрывы, немцы носятся туда-сюда, растерянные, орут что-то. Да только мы уже все на местах были. Ну и вдарили им... Вдоль всего Каботажного спуска прошли и в их пулеметчиков уперлись. Курочкин послал меня, Кирчевского и Сандогло один из постов ликвидировать. Они между рельсами и зданием склада расположились. Грамотно все оборудовано. Пулемет станковый на площадке деревянной, на манер помоста. Вокруг и вверх все мешками обложено по полукругу. Точно на гнездо похоже. У них там тоже паника. Двое у пулемета, а третий прожектором вертит в сторону железной дороги города. К стрельбе прислушиваются. Помещения складские со стороны

лимана им обзор закрывают. Ну, мы и подобрались к самой ветке. А оттуда до них метров пятнадцать.

Гранатами их решили вначале. Одновременно, на «делай раз», чеки выдергиваем и в пулеметчиков метаем. Моя снаружи мешков упала, а Аркашина и Кирчика – аккуратно в самое гнездышко. От них только пух и перья полетели. Ну, и мы следом. Забегаем в гнездо, из автоматов добиваем. А со стороны склада уже выскакивают фашисты – кто в подштанниках, кто без, на ходу из автоматов и винтовок бьют. Кирчик с Аркашей сразу в ответ по ним, поверх мешков. А я, значит, пулемет разворачиваю в их сторону, мешки сталкиваю, чтобы, значит, обзор освободить, и нажимаю. Пошло-поехало косить фашиста фашистскими пулями. Прожектор мы как раз на склад наставили. Свет им глаза слепит, точно глушит их, а тут и очередь пулеметная в самый раз. Ну, и началось в порту. Это, значит, пошли крошить немца по всем направлениям.

XVI

Евменов на секунду умолк. Видно было, что он сейчас весь там – в Николаевском порту, со своими, еще живыми, товарищами.

– Первый бой в порту минут десять продолжался, не больше. Переколошматили мы их. Неожиданность на руку нам сыграла. Мы тут же пулеметные точки усилили. Еще по одному выставили, немецкому. Так, чтобы каждый подход с двух точек простреливался. Расположение порта такое: внутрь из города только по двум дорогам и по путям железнодорожным попасть можно. Ну, и, соответственно, с лимана. Курочкин с Сандогло к командиру пробрались, на совещание. Так с ними гонцы пришли, из обеих групп. Боевую мощь пополнить. Ну, набрали, кто сколько мог унести. Брали пулеметы и ленты к ним, гранаты, ружья противотанковые, гранатометы. Их там у немцев было достаточно, и боеприпасов – море. Да, море... Леня Дидык, из группы Ольшанского, так тот миномет 81-миллиметровый упер. В нем весу килограммов шестьдесят. И еще ящик снарядов к нему. Крепкий был хлопец... Ольшанский как узнал, что на складе минометы имеются, дал команду всем группам вооружиться «плевалками». Еще уметь надо было стрелять из них. Но у нас по этой части умельцы в отряде имелись. Вот Кирчик, к примеру... Он и с «фаустами» умел обращаться, и с гранатометами ручными. Там парочка таких была. Кирчик их «грозою танка» называл. Это, значит, перевод с немецкого – панцершрек. А немецкий он откуда знал? Пойди спроси его теперь. Оттуда, видать, откуда и оружие. Разведчик был настоящий. И страха ни капли в нем не было. «Что, фашисты лезут?!» – спрашивает, а у самого глаза горят: сейчас, мол, возьмусь мочить без передышки. И мочил.

Это Кирчик из гранатомета танк подбил. Из этого самого «шрека». Смешной такой с виду, и на гранатомет не похож. Будто пулемет «максим», только без колес. Труба в щит одета – это, чтобы стрелка защитить. Но лупил он, дай Бог.

Потом дали из трофеев этих самим фашистам прикурить. Когда те поперли. А ждать их долго не пришлось. Сначала пехота двинула. Не разобрались еще, что в порту происходит. Первую волну мы выкосили, а оставшиеся уже силы посерьезнее вызвали, в подмогу.

На нашем направлении танк появился. Вдоль Мельничной улицы шел. В проеме зданий появится, выстрелит в нашу сторону и дальше двигает. Несколько стен складских разнес. Толком не знал, куда целить, поэтому палил куда придется. Когда выкатился на насыпь – прямо по рельсам на нас двинул. Все, думаем, кранты наши прикатали... Тут уже нас как на ладони видать, всю нашу точку. Танк средней тяжести, пушечка не больно мощная. А все равно жутковато, когда прямо в тебя целится...

XVII

Он сначала из пушки и ударил. Но выстрел выше ушел, в стене склада дырень проделал. А пулеметчик-танкист по точке нашей строчит, мешки в клочья дербанит. Видать, решили гусеницами нас разутюжить. А тут Кирчик хватает своего фашистского «шрека» и – через мешки прыгает. Прямо перед танком. Думали, сейчас его в клочья разнесет. А он за «шреком» своим укрылся. Сам невысокий, щупленький, весь за щитом поместился. Слышно было, как пули пулеметные от щита отскакивают. А Кирчик все ждет, прицелиться получше хочет. Несколько метров уже оставалось. Тут он из трубы своей гранатометной и выстрелил. Надо ж так ему было угодить. Видать, напрямик в прорезь пулеметную снаряд его попал. Дернуло танк прямо на ходу. Словно изнутри тряхнуло. И с левой стороны, как раз там, откуда пулемет работал, выворотило наружу стальными кусками. Чудом самого Кирчика не накрыло. А он – довольный, уже обратно через мешки лезет... Из танка никто так и не вылез. Только дым черный повалил из щели, Кирчиком раскуроченной. Видать, в клочья там экипаж разнесло. И боезапас сдетонировал. Рвануло внутри не слабо. Из брони несколько кусков стальных вырвало. Возле машины подбитой упали. Так Кирчик наши поздравления принял, ну, в честь меткого попадания, и вдруг говорит:

– Лёнчик... – это он ко мне. – Видишь, два куска брони фашистской валяются? Идем, говорит, кусочки эти соберем. Точку свою ими забронировать...

А я ему:

– Куда, – говорю. – За танком пехота лезет.

А он:

– Успеем, давай, – говорит, – не отставай...

А сам уже на той стороне мешков. Пули свистят над головой. А деваться некуда – Кирчика оставлять одного неохота. Ну, я за ним следом... А «кусочки» эти, как Кирчик их назвал, каждый килограммов по двадцать, с полметра в охвате. А он уже свой тащит к мешкам. Улыбается, довольный... Делать нечего, хватаю броню и тащу к нашим. А металл горячий еще, после взрыва не остыл, руки жжет.

Ну, мы снаружи притиснули куски эти прямо к мешкам, как раз так, чтобы щель для ствола пулеметного между ними. Что-то на манер бойницы получилось. И ведь толково Кирчик придумал. Через мешки лезем, а заслонки наши уже звенят. Это значит, пули по кускам брони щелкают и отскакивают.

После того как Кирчик танк подбил, видать, здорово фашисты на нас разозлились. Уже светать начало. Тут они и ударили. Казалось, за каждым домом прятались, из каждой щели били. Вся Мельничная улица поливала нас огнем. Грохот в воздухе не умолкал.

XVIII

Броня наша хорошо держалась. Лучше дота прикрывала от винтовок и автоматов. А мы из немецкого пулемета стреляли. Удобно – рельсы с насыпью наискось путь наступающим перекрывали. Никуда фрицы деваться не могли, вначале надо было через железную дорогу перебраться. Мы без передышки били. Сандогло приноровился: новую ленту за последний патрон уже заряженной цеплял. Получалось, что не надо было время тратить на перезарядку.

Сплошняком очереди шли. Ствол докрасна раскалился. Мы уж думали – заклинит, но ничего... пару минут дали остыть – и дальше по целям.

Помню, только к полудню очнулся. Из боя, словно из моря какого, вынырнул. Это немцы передышку взяли. Насыпь железнодорожная вся была их трупами усеяна. Белым платком махали нам, а потом санитары их появились. Стали раненых и мертвяков убирать. Мы не стреляли, самим передышка требовалась.

С полчаса так прошло, а потом опять... Фрицы тактику изменили. Стали нас из минометов обстреливать. И пушки подкатали. Как раз на углу Мельничной, там, где к порту улица выходит.

Мы орудие не заметили. Мины ложились рядом. Вот-вот накроют нас. Где-то в соседних кварталах городских расположились. Видать, корректировщик с какой-то крыши работал, наводил их. А тут и пушка...

Противотанковая, 75-миллиметровка. Это я уже потом рассмотрел. А в тот момент... Аккуратно они высунулись. Ну, и вдарили. Кусок брони в тот момент нас только и спас. В него снаряд попал. И осколки, и основную силу взрывной волны на себя принял. И мешки амортизировали. Но все равно, разметало наше гнездышко к чертям собачьим. Кто где очухался. Помятые, оглохшие. Но, кроме синяков и ушибов, ни одной царапины. А тут еще мины сверху сыплются. Я, помню, с минуту не мог в себя прийти. После взрыва в меня мешок, как из катапульты, шмякнулся. На пару метров назад отбросило. Свой ППШ нацупал, в сторону отполз. Смотрю: Сандогло уже с пулеметом наперевес перебежками к танку подбитому подбирается. Кирчик на карачках стоит, головой мотает и отфыркивается. Курочкин с другими бойцами к складам отступают.

Тут пушка фашистская второй снаряд досылает. В самый фасад крыши складской. Так тряхнуло, что стены чуть не сложились карточным домиком. А Сандогло уже по артиллеристам ударил. Из-под танка приноровился, между траками позицию себе обустроил. Они как раз пушку свою для большего удобства перемещали. Копошатся там, на углу улицы, выкатывают орудие из-за угла ближе к нам. Осмелели, значит, прямым попаданием воодушевились. Ну, Сандогло устроил им душ свинцовый. Плотно накрыл он орудие. Трех или четверых из расчета выбил. Покатались по земле.

А те, оставшиеся, в ответ прямой наводкой влупили. Танк аж подпрыгнул, так садануло. А Сандогло – хоть бы хны. Передвинул сошки поудобнее и дальше очередями наступающих выкашивает. Это немцы после попадания орудийного в атаку пошли. Думали, что накрыли точку нашу. Аркаша нос им утер. Тут и мы уже позиции заняли, цепью, кто где укрытие нашел. И встретили их как полагается...

XIX

И Кирчик, смотрю, к Сандогло ползет. Со своим «шреком» в руке. А в другой – новая граната. Подполз, гранату в трубу засадил и кричит что-то Сандогло. А тот не слышит, все из пулемета стреляет. Мне хорошо видно было, я ближе всех к ним был. Кирчик его за плечо потряхнул. Тот разворачивается, а у него из уха кровь течет. Это значит, перепонки барабанные ухнули после того, как немцы по танку своему из пушки ударили.

Кирчик понял, что тот его не слышит, и жестами объясняет: мол, прикрой меня, и тычет то в гранатомет, то в пушку немецкую. Мол, ты прикроешь, а я из гранатомета орудие ликвидирую. Сандогло глядит на него, как безумный, и головой трясет: мол, понял.

Лежа ему не так сподручно стрелять было: насыпь мешала, угол обстрела сильно урезался. Так Аркаша вскочил на ноги и вскарабкался напрямик на броню, а трофей свой следом втаскивает. Установил его сошками прямо на башню. Сверху ему, видать, здорово видно было сектор обстрела – на все сто восемьдесят градусов. Ну, и пошел крошить немчуру. Курочкин ему кричит, чтобы слезал, чтобы не подставлялся. А что толку, если у него уши вынесло. Немцы, естественно, все внимание на Сандогло. Сильно он их своей наглостью раззадорил. А Кирчик тем временем попластунски до насыпи уже добрался.

Гляжу, ствол пушки перемещается в самый раз в сторону Аркаши. «Ну, все, – думаю, – пришел, Аркаша, твой последний час». Но нет, рано еще было Аркаше товарищей своих покидать. Пули по броне вокруг него так и щелкают, но башня и броня танковая его хорошо прикрывают. Пушка вот-вот ударит, и тогда не спасет сталь немецкая...

А тут Кирчик вдруг вскакивает на ноги, с гранатометом своим наперевес, и производит выстрел. Граната замысловато как-то крутанулась в воздухе. Казалось, все, мимо уйдет. Но нет, по спирали ввинтилась в самый орудийный щит. Грохнуло, и пушку откатило назад. Дым рассеялся, а ствол орудийный из вмятого щита торчит на манер крюка.

– Во Кирчик дает!... – крикнул Сандогло со своей бронированной трибуны. – Скрутил немцам фигу из орудия!

Тут мины на наш пяточок посыпались. И все танк накрыть пытаются. Сандогло кубарем с брони скатился и бегом вперед, к насыпи. Ему бы, может, пересидеть возле трактов. А он, с пулеметом наперевес, прямо на фашистов. Видать, Кирчика прикрыть хотел. Тот прижался к самому краю путей железнодорожных. Гравий вокруг него от пуль аж шевелится. Это фашисты из всего стрелкового арсенала по нему бьют. Наказать хотят за то, что он с артиллеристами учудил. Прижали его к земле так, что шевельнуться не может. Тут Аркаша наперерез и бросился. Мы ему кричим, чтобы отходили, а что толку...

Пулеметом своим здорово он шороху навел. Каких-то пару метров осталось до насыпи. А тут мина позади него и рванула. Глядим, а из спины его вдруг кусок кровавый как выпрыгнет, и дырень здоровенная, зияющая, на том месте, где левая лопатка. Осколком его садануло сзади. Да с такой силой, что Аркашино тело вперед полетело и плашмя грохнулось. У самой насыпи.

Смотрим, тут немцы, как тараканы из щелей, вдруг вылезли из-за углов домов и – в атаку. На насыпь полезли. А оттуда – Кирчик, с криком, озверевшим таким... Ну, и Курочкин скомандовал «Вперед!». И сошлись

мы в рукопашной. Видимо, это из-за смерти Сандогло тогда... Нас с такой злостью на фашистов бросило. Мы их, как тесто на куличи, месили. У меня лопатка саперная и руки все в крови и в мозгах фрицевских. Трех я уложил. Первому – наискось башку раскроил, так, что коробка черепная, как каска, откинулась, откинулась и на остатках кожи повисла. Такая наша первая рукопашная была. Сазонова там убили... А потом еще сходились – я после десятого раза счет потерял...

Евменов умолк. Лицо его стало мертвенно-бледным, а взгляд, полуприкрытый тяжелыми веками, – безжизненным и уставшим. Казалось, что вместе с этим рассказом он поборол внутри себя что-то, неотступно преследовавшее и мучившее его все эти дни и ночи. И теперь, после этой борьбы, он выглядел совершенно обессиленным.

Мертвая тишина повисла в блиндаже. Снаружи донесся глубокий и протяжный вой. Нарастая, он оборвался тяжелым грохотом, сотрясшим их укрытие.

– И неймется им, на ночь глядя... – покачав головой, произнес Бондарь. Все посмотрели на бревна блиндажа, через стыки которых вниз сыпался песок.

– Пару плотов, считай, уже имеем... – вывел Зайченко.

– Ладно, парни... Отдыхайте, пока время есть... – приподнявшись, произнес Аникин. – А мне к комбату пора. Завтра серьезный день предстоит. Так что отоспаться никому не мешает...

Он глянул на Евменова. Тот, словно восстановившись и скинув усталость после тяжелой работы, кивнул ему в ответ.

– Твоя правда, командир. Нам на завтра силенки понадобятся. Чтобы гадов фашистских по полной программе давить.

Глава 4.

В ЗАПАДНЕ

I

– Что делать с ним, товарищ Евменов? Шлепнем его?

Русские совещались. Все тяжело дышали. Они бежали долго, бесконечно долго. Может быть, пять минут, может быть, полчаса. Отто, обескураженный, совершенно потерял счет времени. Ему показалось, что сердце выпрыгнет у него из груди.

Да, он тоже бежал, его гнали впереди эти русские. Они только что взяли его в плен, здесь, на немецком неприступном правом берегу. Когда они выскочили и свалили его с ног, Отто успел заметить двоих. Один из них показался совсем молодым. Именно он по пути бил Отто прикладом, как только тот пытался оглянуться.

Они все что-то шепотом говорили ему, что-то страшное и свирепое, от чего кровь переставала течь и закупоривала сердце и вплотную подступала смерть. И Отто больше не оглядывался. Он все время ждал, что сейчас его застрелят. Скорее всего, их было двое. Может быть, больше. По крайней мере, Отто показалось, что он различил два голоса.

– Р-раз... и нету фашистского гада... А, товарищ Евменов?

Отто ничего не понимал из того, что они говорили сейчас у него за спиной. Он чувствовал, что они решают его судьбу. Прямо здесь, сразу за его затылком. С каждым словом ледяное дуло автомата стучалось в его бритую голову.

Голос, который звучал сейчас, был совсем молодым. Отто показалось, что это мог быть и подросток «Неужели они тоже набирают в свои части детей?» – лихорадочно прыгали мысли в голове Отто. От них нечего ждать пощады. Отто пришли на ум волчата-снайперы, прикомандированные к их испытательному батальону. Эти бы и не совещались, сразу бы прихлопнули пленного.

– Смотрите, товарищ Евменов, он прямо дрожит весь...

– Гада можно понять... Жить каждый хочет...

Вот прозвучал другой голос. Этот был сиплый и низкий. Он скрежетал и лязгал, как гусеницы танка, который накатывал прямо на голову. Но что-то в нем было такое, что давало шанс, что заставляло надеяться из последних сил, что они его не пристрелят. Они бы, скорее всего, сделали это сразу. Там, в сотне метров от спасительных траншей, под обрывом. Там, где шлепнули Вольфа.

Чертов Вольф... Все из-за него. Хотя о покойниках плохо нельзя... К черту. Его самого сейчас отправят вслед за Вольфом рыбам на корм. Не полезь он к реке, они бы сейчас уже были в расположении, уминали горячую кашу с тушенкой. Русские бы их не тронули. Им с Вольфом не повезло, они навались на разведку русских. Или те высматривали снайперов. Все из-за этих чертовых волчат. Если бы не снайпер, они бы не утащились вдоль берега так далеко от своих позиций.

II

– Зайченко, мать твою... Я щас тебе башку оторву... Ты какого хрена выстрелил?

Русские опять начали спорить. Этот, с голосом, похожим на наступающий танк, был чем-то сильно недоволен. Он явно отчитывает второго, молодого. Шансы Отто явно повышались. Именно второй, с детским голосом, явно хотел пустить Отто в расход.

– Так я ж... товарищ Евменов...

– Ты, дубина... ты нас всех чуть под пули не подвел... Я же четко сказал: «Не стрелять»... А если бы их было больше? А если они щас идут по нашему следу?

– Так я ж...

– Молчать, падла... Правильно командир тебе ряху набил. Из-за таких, как ты, недоумков сколько хороших парней полегло...

Вдруг до слуха Отто донеслись неясные крики. С той стороны, откуда они только что бежали. Отто различал глухо долетавшие обрывки фраз родной речи. Наверное, это искали их с Вольфом. Вот раздалось резкое: «Сюда, сюда», а потом все оборвалось. Не иначе, беднягу нашли. Может, Отто еще удастся спастись. Горячая волна адреналина ошпарила его изнутри. Рвануть сейчас назад, туда, к своим. Наверняка эти не успеют среагировать. Другого момента не будет.

Они на время словно забыли о пленном. Отто оглянулся. Один действительно совсем мальчишка. Его за грудки держал другой русский. Хагену бросились в глаза его кулаки – огромные, темные, они сжались у самого подбородка беспомощного сопляка. Казалось, он мог одним движением свернуть тому шею. И лицо владельца танкового голоса было темным, как будто выгоревшим. Начало смеркаться. Вполне возможно, что все это мерещилось немецкому штрафнику в сумеречном, тусклом свете угасавшего дня. Отто уже почти сорвался с места. Но тут...

Навстречу, из сгустившейся полумглы прибрежных кустов стремительно выскочил третий. У этого лицо было мертвенно-бледное, но по щекам и по подбородку выступала черная щетина. Как будто черным перцем его густо обсыпали. И волосы, выбивавшиеся из-под шапки, жгуче чернели, как смола. Он заговорил, и, даже не понимая ни слова, Отто уловил в его речи что-то восточное.

– Скорее, уходим, скорее. Они идут по пятам, фашисты, – с жаром заговорил Байрамов.

– Эх, – Евменов с силой оттолкнул Зайченко. – Черт! В западню угодили. А все из-за этого. Как нам теперь добраться назад. Вплавь? К плоту мы уже не вернемся. И здесь наверняка нас сцапают... И этот еще...

Евменов угрожающе посмотрел на пленного.

– Эх, если б доставить его на наш берег. Цены бы языку нашему не

было. Наверняка этот черт немецкий знает про их дислокацию и про численность, и прочее... По роже видать, что тертый калач. Так, Зайченко, свяжи ему руки... Да не сзади... Спереди вяжи. Так бежать ему будет сподручней.

– Товарищ Евменов... смотрите, смотрите... – Байрамов тыкал трофейным карабином Отто вниз, в сторону прибрежной кромки.

– Что там, Анзор?...

III

Евменов, назначенный старшим разведгруппы, уже внутренне принял решение. Они займут круговую оборону и примут бой. За так сдаваться фашистам он не собирался. По крайней мере, одного гада с собой на тот свет они точно уволокут.

– Плот, товарищ Евменов... плот... – радостно зашептал Байрамов и, не дожидаясь команды, кинулся вниз по обрывистому глинистому скату.

Темнота стремительно сгущалась, и что там, внизу, Евменов уже не мог разобрать.

– Ладно, живем. А ну, давай, немчура, быстро вниз. Шнеля, шнеля...

Евменов дулом своего ППШ толкнул Отто в спину, и тот кубарем скатился по отвесному склону, разодрав лицо и потеряв шапку. Он бы упал прямо в воду, если бы его не перехватил чернявый. Тот придавил его к мокрому песку и прошипел: «Ш-ш-ш!!!», делая страшные глаза. Потом он жестом показал держать рот на замке и красноречиво провел ладонью по горлу.

Двое русских почти бесшумно спустились следом. Плот, весь исстрелянный, в темных пятнах, качался у берега, уткнувшись в песок одним из бревен. Байрамов первым осторожно ступил на бревна. Те заходили ходуном.

– Грузимся... – торопливо распоряжался Евменов. – На карачках забирайтесь... Зайченко, ты за немчуру отвечаешь... Он нам живой нужен на том берегу...

– Так мы в нем не поместимся, товарищ Ев...

– Заткнись, боец... – свирепо зашипел на него тот, что с обугленным лицом. – Еще один звук, и ты у меня вплавь пойдешь. Или тут останешься, прикрывать отход разведгруппы.

Крики донеслись с высоты совсем отчетливо. Через минуту те, кто ищут Отто, будут здесь. Если бы Хаген сейчас закричал, они бы наверняка его услышали. Но для Отто это была бы верная смерть.

Евменов, дождавшись, когда все заберутся на плот, принялся толкать его прочь от земли. Здесь, у обрывистого правого берега, дно резко уходило

вниз. Он, сделав два шага, чуть не ушел под воду, но, подтянувшись на сильных руках, выбрался из воды прямо по головам пленного и своих товарищей.

IV

Река будто только и ждала команды «Отдать швартовый!». Плот подхватило, понесло в молочно-сиреневую мглу. Крики на берегу стали громче.

– Alles! Allies commen zih!... Foia!

Треск очереди раздался в темноте, и неясный свист прошелестел высоко над головами онемевших разведчиков. Широкий поток стремительно уносил их все дальше от вражеского берега. Опять засвистели пули, теперь уже ближе. Фашисты наверняка стреляли на ходу. На берег и реку ложилась почти непроглядная мгла, с каждой секундой затрудняя стрельбу для немцев.

Евменов чувствовал, что для острастки и для наведения шороху хорошо бы жахнуть по фрицам на посошок. Но стрелять в ответ среди сгущающейся темноты было бы самоубийством. Это все равно что скорректировать огонь на самого себя. Сейчас фашисты палили наобум. Но, если бы они засекли, откуда ведется огонь, все на плоту сразу оказались бы на немецком прицеле. И тогда повторилось бы то, что произошло при форсировании реки штрафниками.

– Зайченко... – шепотом окликнул Евменов.

– Да, товарищ Евменов... – с готовностью откликнулся тот. Ненавистный немец совсем не оставил ему места. Зайченко чудом умещался на последнем бревне, и ему все время казалось, что он сейчас сорвется в воду.

– Граната была у фашиста... Ты ее забрал?

– Колотушка, что ли? Так точно, товарищ Евменов... В кармане она у меня... Только я ее достать не могу... В реку сорвусь. Обеими руками держусь за это чертово дерево.

– Эх, Зайченко, горе ты луковое... Слышь, Анзор... Держи его за ремень, чтоб он не нырнул. Давай, скорее...

Солдат через дрожащего в ознобе немца передал Евменову металлический цилиндр, насаженный на длинную деревянную ручку. Евменов, нащупав в темноте, выдернул капроновый шнурок запала. Приподнявшись вверх, насколько позволяла колеблющаяся во все стороны конструкция плота, Евменов с силой, будто одним предплечьем, мастерски метнул гранату в крошечную тьму.

Ослепительное озарение, будто вспышка красного прожектора, с

грохотом вспыхнуло метрах в тридцати. Эта вспышка огня словно высветила картинку из адской хроники, где на фоне языков горящего, дымного пламени метались черные, корчившиеся силуэты. Крики с новой силой огласили черноту отдалявшегося берега. Но крики были совсем другие. В этом нестерпимом визге умирающих и раненых бились в агонии боль, страх и ужас...

V

Плот выносило на стремнину. Отто ощутил это скорее подсознательно, слыша, как нарастает в щелях между бревнами неясный, поддонный шум громадных темных потоков. Его шинель и гимнастерка промокли насквозь, и его колотила крупная дрожь. Ледяная вода, плескаясь сквозь щели, казалось, проникала в самую глубь костей, остужала его насквозь. Русские, навалившись всей тяжестью своих тел, придавили его так, что невозможно было пошевелиться.

– Вишь, товарищ Евменов, он у нас заместо тюфяка сойдет... – весело произнес Зайченко, стараясь размять затекшую левую руку

– Тише ты... – приструнил его Евменов. – Видишь, крепеж бревен на соплях держится. Веревки, небось, перебило-то пулями. Давай, Анзор, проверь там, со своей стороны, что с веревками...

Русские стали переговариваться и двигаться. При каждом их шевелении плот начинал ходить ходуном, причем отдельные его части принимались качаться в воде каждая в своем ритме.

– Что там, Анзор? Осторожно, черт... Ну, что там...

– Невесело, товарищ командир, – шепотом откликнулся Байрамов. – Веревка к едреной бабушке порвалась. Руками их держу...

– Ремнями, попробуем ремнями перетянуть.

Отто первым почувствовал, что бревна неумолимо расходятся. Осознание того, что под ним расступается холодная, безъязыкая темнота, всколыхнуло внутри всплеск первородного ужаса. Не выдержав, он закричал.

– Ах ты, гад... – с ненавистью выдохнул Евменов и замахнулся прикладом своего автомата, чтобы прибить фашиста. Это импульсивное движение довершило все дело. Байрамов окоченевшими, мокрыми руками не смог удержать резкий разлет бревен. Все четверо разом ушли под воду. Немец оказался в самом безвыходном положении.

Русские опирались на него, как на еще одно бревно на плоту, и теперь, когда они все оказались в воде, они инстинктивно стали отталкиваться от Хагена, пытаясь вынырнуть на поверхность.

Вынырнув, Евменов, хрипел и кашлял, пытаясь набрать в легкие

воздуха. Ему мешал обжигающий студень, набившийся в горло, когда их потянуло вниз. Вот на поверхность, метрах в трех в стороне, с шумом вырвался кто-то. Он в голос, сипло дышал и отфыркивался, барахтаясь и шлепая в тягучей, как смола, непроглядной толще движущейся воды.

Евменов старался выгresti на поверхность, но левая рука запуталась в ремне автомата. И ППШ, и одежда неумолимо тянули вниз. И течение, сила которого точно держала в тисках, неумолимо тащило на дно. Из последних сил Евменов греб правой. Он рычал, бил ладонью по поверхности реки, как будто дрался за свою жизнь с неумолимо громадным змеем.

– Бревно... хватайтесь за бревно...

В последний миг, когда хватка реки, казалось, взяла верх, чья-то рука спасительно подхватила Евменова за загривок телогрейки и потащила наверх.

Совсем близко, в темной воде, он разглядел белое пятно лица. Это был Анзор Байрамов.

– За бревно... Держитесь за бревно...

Намертво обхватив шершавую кору правой рукой, Евменов наконец высвободил запутавшуюся левую.

– Скорее, Зайченко...

Уже вдвоем они стали судорожно грести руками, правя бревно к тонущему солдату. Успели в последний момент. Зайченко тоже уже доходил. Он наглотался воды, и у него почти совсем не осталось сил, чтобы держаться за спасительное бревно.

– А немец?... – вдруг спросил он.

– Забудь... – отплевываясь, произнес Евменов. – Немца сейчас караси да сомы допрашивают.

Шум и суматоху, которые вызвало крушение плота, засеки немцы на берегу. Сразу несколько винтовок и автоматов принялись на звук обстреливать реку. Над водой взвилась ракета, осветив сумрачную гладь темной реки, по которой течение далеко разнесло бревна, только что бывшие одним целым.

– Гребем быстрее, хлопцы... до берега не так далеко-

Сразу несколько очередей заплесали вокруг того бревна, что неумолимо продвигалось наперекор течению в сторону левого берега. Ракета к тому моменту уже погасла, но времени у немцев для того, чтобы наметить сектор стрельбы, было достаточно.

Но тут фашистам ответили с левого берега. Застрочили автоматы, принялся работать пулемет. Били на звук, по точкам, светившимся с правого берега соплами раскаленного пламени.

А вот сразу несколько минометов, пристрелявшихся за день, выпустили по врагу свои ревущие смертоносные железки. Обстрел немцев тут же захлебнулся. В этот момент Евменов ощутил под застывшими от пронизывающего холода ногами илистое днестровское дно.

VI

У Хагена не было никаких шансов. Сначала локти, потом каблуки сапог кого-то из русских, изо всей силы толкнули его вниз, в тягуче движущийся поток крошечной черноты. Вмиг ставшая непомерно тяжелой, шинель обвисла каким-то свинцовым гробом, который вязал и сковывал судорожную агонию тела Хагена.

Он хотел жить. В этот момент не было этого «он». Было некое существо со связанными передними конечностями, которое извивалось и корчилось, пытаясь во что бы то ни стало, хоть на сантиметр, хоть на волос, подняться к поверхности вяжущей смертью и холодом толщи.

Отто боролся. Связанные руки он повернул ладонями вперед и стал часто-часто грести по-собачьи. Подошвы сапог свел вместе и мотал изо всех сил, пытаясь придать своему тяжелеющему телу хоть какое-то ускорение.

Отто казалось, что сердце сейчас выпрыгнет у него из груди. Воздуха не хватало. Вот, казалось, сейчас он устанет задерживать дыхание и жадно вберет в себя полную грудь днестровской воды, впустит внутрь немотствующую, нетерпеливо ожидающую в ледяной темноте смерть.

Может быть, это сердце, стучавшее ему в горло, придало ему тот самый, последний толчок? Его связанные руки вдруг ударились обо что-то твердое. Доска или бревно... Веревка, стягивающая его запястья, оказалась поверх бревна, как будто Отто подвесили за руки на огромной палке. Он принялся изо всех сил подтягиваться на руках вверх. Бревно, слегка погружаясь в воду, держало его и сопротивлялось, создавая необходимый упор для тяги. Вот его нос и лицо достигли поверхности. Воздух, холодный, сырой, втянулся в него, как огромный удав. Казалось, ему уже не было места, но Отто все вдыхал и вдыхал в себя непроглядную ночь.

Вода, которой он наглотался в первые секунды после падения в реку, выходила из него из самого желудка вместе с рвотой. Немного погодя, опомнившись, не переставая часто дышать, он попробовал оглянуться. Здесь, на поверхности, была такая же чернота, как и под водой. И даже еще холоднее.

Отто почувствовал, как холод сковывает его ноги и туловище. Как будто наглухо задраивают на нем клепками тяжелый железный панцирь. Стараясь не делать шума, Хаген принялся болтать в воде ногами. Толку от

этого выходило мало. В сапогах ноги двигались тяжело. Будто две неподъемные гири висели на каждой голени. Его все сильнее тянуло вниз.

Бечевка, которой были связаны руки, врезывалась в синюю от холода кожу с такой силой, что, казалось, она сейчас перетрет сухожилия до костей.

«Надо развязать руки... надо развязать руки», – шепотом сам себе твердил Отто. Он понимал, что со связанными руками даже на бревне ему далеко не уплыть.

В этот момент началась стрельба. Несколько пуль просвистели совсем рядом. Наверняка стрельбу по реке вели свои. По пунктирам трассеров Хаген успел распознать, где находится правый берег. Его унесло уже достаточно далеко, и река продолжала стремительно нести его все дальше и дальше. В этот момент зеленый свет осветил все вокруг, как показалось Отто – нестерпимо яркий. Поначалу не разобрав, откуда он взялся, Отто почти полностью погрузил голову в воду.

Это была осветительная ракета. В конце концов, теперь для него уже было неважно, кто запустил ее в сырое, мутно-черное апрельское небо. Любой, кто заметит его сейчас на реке, может открыть по нему огонь – и русские, и свои.

Все те секунды, пока горел этот проклятый, ядовито-зеленый свет, Отто держал голову погруженной в ледяную воду. На поверхности торчали только ноздри, чтобы жадно втягивать обжигающий легкие воздух, и ладони, чтобы держаться. Он старался не шевелиться, ощущая, как кровь его остывает и тело постепенно превращается в ледяную, тяжелеющую колоду.

VII

Боль от веревки становилась все нестерпимее. Отто вцепился в веревку зубами. «Перегрызть, перегрызть», – отчаянно твердил себе мысленно он. Веревка не поддавалась. Тогда, ослабив хватку, Отто нащупал губами узел.

Сначала ничего не получалось. Но вот наконец вслед за зубом потянулся послушный шнурок Узел распутался, бесполезная и не страшная теперь бечевка упала на мокрое бревно, и тут же ее смыло речным потоком.

Свет ракеты и выстрелы помогли Хагену сориентироваться. Река делала здесь еще один крутой поворот. Течение относило его все дальше к вражескому левому берегу. Волны озноба накрывали Отто одна за другой. Зубы стучали крупной дрожью. Он понял, что, если попытается перебороть течение и вернуться к своим, у него ничего не выйдет. Единственное, что остается, – это попытаться, используя течение, добраться до левого берега.

Главное – принять решение. Как только Хаген определился, он весь зашевелился, заработал ногами, всем телом, подгребая руками – то одной, то второй, – чтобы не дать им окончательно окоченеть. Мозг его словно отключился, то ли от того, что был уже не в состоянии работать в замерзшем состоянии. Или просто организм экономил последние крупницы энергии, наскребая их на самом дне нутра Отто Хагена, неумолимо покрывавшегося коркой льда.

Отто казалось, что это река постепенно замерзает и покрывается льдом, и ему с каждым движением становится все труднее ломать этот лед, преодолевать его сопротивление. Зубы стучали так, что, казалось, эту дробную морзянку слышит вся река. Но Отто греб, греб вперед, в уже каком-то туманном полузабытьи.

Он даже не сразу понял, что бревно упирается во что-то твердое, не дает ему двигаться вперед.

– Она замерзла... она совсем замерзла... – бормотал он, как полоумный. Стоп. Бревно. Оно врезалось в... Он добрался, добрался до берега...

Отто медленно выполз на самую береговую кромку. Он лежал среди каких-то веток, черных, торчащих из земли кустов и не мог пошевелиться. Всего лишь краткий, доле секунды равный, миг неповторимого ощущения. Он чувствовал себя спасенным. Это ощущение родилось от его покойного, обездвиженного лежания после отчаянной борьбы за жизнь и напряженнейшего пребывания на самом-самом краешке смерти.

VIII

Покой... Он длился всего лишь тень мига. А потом пришел холод – неумолимый и зверский. Как стая волков, которая шла за ним по пятам. Вот они собрались полукругом вокруг своей добычи и ждут, нетерпеливо выбирают момент, чтобы на него накинуться. Волки, волки... Вольф, волчата-снайперы... Неужели это их неупокоенные души выползли из этой проклятой реки, чтобы разорвать его на куски? Нет, он выбрался из мертвящего потока первым, и так просто он им не дастся.

Отто встал на четвереньки и пополз... А как вам такой поворот, господа волки? Думаете, только вам к лицу и к мордам ползать на четырех конечностях?

Отто полз и не чувствовал ни ног, ни рук. Как будто он двигался на деревянных палках-ходулях, воткнутых в тело вместо его собственных. Тогда Отто испугался. Неужели он отморозил себе ноги и руки? Отчаянный ужас ошпарил его изнутри и заставил подняться.

Отто побежал. Бежать, бежать, не останавливаясь ни на секунду.

Только в этом было его спасение. Он вдруг вспомнил дорогу смерти в Лапландском штрафном лагере. Там было намного страшнее: мороз минус сорок и постоянно дувший с моря ледяной ветер на лету замораживали чаек. Они со стуком падали на снежный наст, как будто это были муляжи из школьного зоологического музея. Люди падали так же. Иногда они умирали от того же мороза и того же ветра. Но чаще их убивали. Этих, других, людьми можно было назвать с большой натяжкой. Даже имя зверя для них слишком почетно. Волки нападают ради добычи, потому что они всегда голодны. Не так ли, господа? В Лапландском лагере штрафников убивали надсмотрщики и конвоиры. Ведь вы, господа благородные волки, не станете ради забавы стучать несколько раз подряд прикладом по голому черепу изможденного арестанта, тушить об его голый череп докуренные сигареты, бить беззащитных и корчащихся на снегу носками сапог, а потом с наслаждением наступать на откинутую руку и давить кованым каблуком для того, чтоб услышать медленный хруст ломаемой кости. Этот звук очень напоминал хруст позвонков, сдавленных петлей на шее очередного повешенного. Систематическое недоедание превратило подавляющее большинство арестантов Лапландского штрафного лагеря в ходячие скелеты. У них были слишком слабые кости...

Нет, черт возьми, Отто, ты бежал на более долгие дистанции. Беги, беги, и будь что будет. В конце концов, в крайнем случае тебя попросту застрелят русские. А ведь бывают вещи по-страшнее смерти... Ведь ты хорошенько усвоил это в Лапландском штрафном лагере.

IX

Отто двигался вдоль берега, стараясь не углубляться в глубь пугающей темноты. Там, во мраке, был слышен только скрип качающихся на ветру стволов безлистных ив и тополей. Он в любой момент мог наскочить на дозор русских.

Бег все же принес свои результаты. Нет, сказать, что он согрелся, было нельзя. Но все же Отто показалось, что его преследователи отступили. Озноб чуть-чуть поутих. Но согреться он никак не мог, а сил бежать уже не оставалось. Мокрая одежда снова укутывала его в объятия холода. Хлюпающая в сапогах вода действительно превратила его ноги в колоды. Огня, если бы раздобыть огня...

Отто в изнеможении повалился возле широченного, в два обхвата, тополиного ствола. Он неслушающимися, негнущимися руками принялся стягивать с ног сапоги. Те словно приросли к ступням. Просто окоченевшие ступни совершенно не гнулись. Как колодки в сапожной мастерской. Пока он тянул голенища, левую ногу скрутила судорога. Он

катался и грыз землю от боли, а потом скакал и стучал по холодной земле скрюченной ногой, пытаясь прогнать судорогу. А потом он принялся растирать сначала одну босую ногу, затем вторую. Отто показалось, что ногам стало теплее. Да, черт возьми, да... На воздухе, без этой треклятой мокрой одежды, у него значительно больше шансов согреться.

Отто стал судорожно стягивать с себя одежду. Скинул шинель, обмундирование и в чем мать родила стал приседать, отжиматься и бегать вокруг тополя. Он почувствовал, как кровь побежала по жилам и будто тысячи иголок впились в пальцы его ног и рук.

Потом он стал мерзнуть, но это был какой-то другой холод. Раньше он морозил Отто изнутри. А теперь он почувствовал что-то, похожее на нормальную, привычную зябкость. Тогда Отто выжал, насколько хватило сил, свое обмундирование, свою шинель, натянул сапоги и вновь побежал вперед. Он ощущал, что начинает даже немного потеть. И одежда, влажная и зябко холодная, начинает постепенно согреваться от тепла его тела.

Отто показалось, что он бежал бесконечно долго. Хотя бегом это назвать можно было с большой натяжкой. Точнее сказать – двигался, цепляясь за все коряги, волоча ноги, спотыкаясь и падая, по-волчьи карабкаясь на четвереньках.

Он заставлял себя двигаться вперед, потому что инстинктивно чувствовал, что сейчас тепло – это единственное, что его спасает. Это самая ценная его ноша, которая напрямую зависит от его движения. Как будто факелonosец на Берлинской Олимпиаде 1936 года.

Х

В конце концов Отто уперся в излучину. Берег здесь делал резкий поворот влево, и Отто послушно повернул вслед за берегом. Теперь он, тяжело дыша, уже еле волочил ноги. Идти становилось все труднее. Подошвы сапог чвакали, погружаясь в илистую почву. Вскоре вдоль кромки берега потянулись заросли сухих камышей. С каждым порывом ветра они шумели, как волны на море.

Борьба за выживание, одержимо державшая в напряжении все существо Отто, вдруг немного отступила. В голове его опять запустился процесс мышления, и непроходимая, отчаянная тоска охватила его. Безоружный, продрогший до костей, в мокрой одежде, измученный, один на вражеской территории... Он обречен. Ему некуда идти. Сдаться, сдаться... Сдаться? Отто снова почувствовал, как в мокрую спину ему невидимо дышат зубастые злобные пасти. Слюна капала с острых, как бритва, зубов, с черных, свисающих почти до земли языков этих злобных тварей. Лучше бы уже они напали на него. Лучше умереть в драке, кусая и

сжимая обессиленные руки на горле. Но разве можно бороться с теньями, разве можно придушить или вырвать кадык у посланца ада? Он обречен, он обречен. Куда он бежит, и бежит ли вообще, или это лишь тягостный бред его замерзающего сознания.

Шум камышей... Так широко и привольно мог звучать еще один шум. Единственный на свете... Отто вдруг вспомнил, как он, еще мальчиком, с родителями, ездил на Северное море. Эта незабываемая поездка к родственникам матери, к тете Марте, которая жила в Бремене. Именно там отец и предложил съездить на побережье. «Ведь наш Отто еще ни разу не видел моря. Это должно произойти как можно раньше. Тогда со временем он сможет понять, о чем говорится в «Трагедии, рожденной из духа музыки»[5]. И они отправились в Вильгельмшафен, специально, чтобы Отто увидел море. Этот небольшой, ничем не примечательный прибрежный городишко показался Отто величайшим городом на земле. Потому что со всех его улиц был слышен завораживающий, ни на что не похожий шум. Этот шум заполнял все пространство вокруг, до самого неба, он наполнял все внутри каким-то необъяснимым, бесконечным восторгом. Это был шум прибоя, огромных пенных волн. Мать тогда осталась в номере, который они сняли на несколько часов в небольшом пансионе. А Отто с отцом, в нарастающем шуме прибоя, преодолели трудный песчаный подъем в дюнах. Оно вдруг распахнулось перед маленьким Отто, во всем великолепии своей необъятной шири. Море, огромное и свободное, суровое, металлически-серое, все в белых барашках. И с огромными волнами, тяжело рушившимися на безлюдный песчаный берег и расходящимися по блестящему, точно лакированному, песку широченными пенными веерами.

Отец... он был таким молодым тогда. И мама...

Отто ощутил прикосновение ее нежных и теплых рук. Неужели путь, бесконечное, изнуряющее движение в конце концов привело его домой? Голодная серая стая, ощерившиеся исчадия ада остались там, за порогом. Они остались ни с чем... Отто вдруг стало тепло, хорошо и покойно. Он дома, дома, дома...

XI

– Эй, солдатик, эй, ну, подымайся, черт... И тяжелый же!

Его приподняли и куда-то переложили. Отто ощущал такую легкость, будто его тело по мановению волшебной палочки само поднялось в воздух и перенеслось на нужное место. Ему было хорошо и спокойно. Покой, покой... И мамыны руки. Или? Нет... Это Хельга! Хельга, Хельга... Так нежно прикасаться может только она. Прекрасная волшебная фея...

– Э, да у тебя жар, служивый. Ну, и околевший ты. Ажно заиндевел. Шутка ли – валяться мокрому до нитки, от шинели до порток. А ну, скидай свои шмотки фашистские... Вот горе-то, только лопочет что-то на своем басурманском. Чисто ребенок... И совсем ведь вьюноша, лицо-то от силы брил пару раз, а морщины, и седина на висках. Тоже, вишь, несладко пришлось... Тоже, вишь, нахлебался войны от пуза... Ишь, как антихрист ваш, Гитлер проклятый, шлет на войну совсем мальчонок, и нет на него напасти, будь он трижды проклят. Ох, горе, горе! Глядишь, и Василикэ моему там Господь поможет. Где там мой кровинушка? Спаси его и сохрани, спаси его и сохрани... Ох, горе, горе... Ах, напасть-то какая, давай, сымай все, сымай. Самогонкой растереть – вот так, вот так, и под тулуп. Все грейся, сейчас дров подкину. Оно возле печурки-то жарче, быстро оклемаешься...

Отто слышал чужую, непонятную речь, и ему чудилось, будто добрая прекрасная фея, удивительно похожая на Хельгу, поет ему колыбельную, убаюкивает его, нагоняя сладкий сон. Потом женские руки стали умело и уверенно, как маленького, его раздевать. Он был послушен и нем. «Хельга, Хельга...» – единственное, что он повторял, как заклинание, как молитву. Он ощутил на своем теле теплые женские ладони. От них шел жар как будто к нему прикладывали два раскаленных утюга. Они двигались по рукам и туловищу Хагена, по его ногам, и оставляли за собой обжигающе горячие следы, словно следы ожогов. Потом его накрыло что-то горячее и косматое, а жар ожогов от утюгов остался. Он нарастал и вдруг проснулась боль. Раскаленными стальными иглами она пронзала его ноги и руки. Больнее всего кололо в пальцах ног. Боль становилась невыносимой, и крупная дрожь озноба принялась колотить его.

– Ишь, как лихорадит страдальца. Бедненький, потерпи, потерпи. Вишь, как застудил ноги-то. Могло ить и отморозить конечности. А так, значит, будут твои конечности еще работать.

XII

Отто твердил и твердил имя Хельги, силой этого имени пытаясь унять сотрясавшую его дрожь. Перед ним расплывчато проступило пространство тесной, погруженной в полумрак комнатки, освещаемой лишь светом пламени, вырывавшегося из приоткрытой заслонки маленькой чугунной печурки. Кто-то живой, совершенно неразличимый в контурах бесформенной массы, находился рядом. Из этого бесформенного протягивалось толстое черное щупальце, на конце которого неожиданно оказывалась женская рука. Шершавая, натруженная на внутренней стороне ладони, с застрявшей под ногтями грязью, она все равно сохраняла

женственную белизну и припухлость в строении кисти и пальцев. «Я сплю, я сплю», – в полубреду думал Отто и снова начинал звать Хельгу.

– Ишь, как все зовет фашистик какую-то, на своем, басурманском. Невеста, небось. Ох, скольких невест без женихов оставила война проклятая. А ведь околет несчастненький... Вон как лихорадит тебя, родимый. Видно, придется взять грех на душу. Ради невесты твоей, солдатик... Ради моего Василикэ... Господь милосердный, спаси и сохрани. Спаси и сохрани нас, грешных. Вот, видишь, фашистик, и у тебя на шее крестик висит нательный. И еще на шнурочке какая-то бляшка металлическая. Циферки, буквы... и знаки ваши фашистские. Небось, солдатская бляшка. И мать, небось, тебя ждет, и невеста твоя. Сейчас, родимый, согрею тебя... Баба – она лучшая печка и лучшее от всякой хвори средство. Так мой мужик говорил, царство ему небесное... Ой, Господи, Господи!

Отто видел чудной сон про теплую комнату, которая в самом начале сна показалась ему родным домом. Он видел фею, которая перенесла его в этот странный сон, сделав перед тем невесомо легким. Фея была очень похожа на Хельгу, а потом вдруг превратилась в бесформенную темную массу, говорившую на непонятном языке и обжигающую его утюгами. Но она не пугала, от нее веяло покоем и теплом.

А потом началось самое странное и чудесное. Эта бесформенная живая куча возле него начала постепенно уменьшаться. Она двигалась, мелькали только белые женские руки, точно удаляя от кучи по кусочку чего-то темного и лишнего.

Вдруг появилось лицо совершенно незнакомой женщины, сосредоточенное и серьезное. Но глаза... Они смотрели на него с такой болью и состраданием, что показались ему родными-родными. А белые руки продолжали свое колдовство. Они раскутали черный шерстяной платок, сняли длинный полушубок, поддетую под низ кацавейку, какую-то кофту, потом, одну за другой, несколько юбок. Руки снимали и снимали одежду, и живое и бесформенное в полумраке теней огня из печи, на глазах Отто превращалось в женщину. Она вся была белая, как молоко. Два соска, темно-коричневых, как ржаной солдатский хлеб, торчали в широких, таких же коричневых кругах посреди расставленных в стороны, больших, зрелых грудей. Густые, как смоль, брови чернели поверх сверкающих влагой сострадания и еще каким-то необъяснимым блеском глаз. Смешением этого черносмольного и золотисто-коричневого блестела шерстка в треугольнике, темневшем посреди матово-бледной ширины округлых бедер, обтесанных до пышного совершенства каждодневным физическим трудом. Последней

она стянула с головы цветастую косынку, с вышитыми по белому полю зелеными и красными цветами. Подняв край тулупа, женщина легла рядом с Отто и тут же, повернувшись, крепко прижалась к нему, обняв сильной, полной, удивительно гладкой рукой. И вся ее кожа, от лица до щиколоток, была в прикосновении, словно фланелевая ткань для протирания затвора.

– Сейчас, солдатик, потерпи! Сейчас отопгрею тебя, сейчас...

XIII

Сознание Отто пробуждалось неторопливо, в каких-то неясных мельканиях и отсветах, медленно ворочаясь, будто медведь в берлоге – теплой, нагретой за зиму собственным дыханием. Не до конца стряхнув с себя сон – тягучий, нескончаемо долгий, как зимняя ночь, он не спеша выбирался наружу, разгребая сугробы, будто стаскивая пуховые перины, накрывшие берлогу за время морозных месяцев.

Хаген сел и скинул с себя тяжелый меховой тулуп с вывернутым мехом. Возле его лежанки, рядом с печкой, на деревянном ящике лежали аккуратно сложенное белье, китель и брюки. Тут же, чуть дальше стояли его сапоги с наброшенными на голенища портянками. Огонь в печурке догорал. Воздух в тесном помещении с дощатыми стенами успел остыть. Отто торопливо натянул на себя кальсоны, рубаху, а потом и обмундирование. Все было сухим и чистым. Ощущать его на себе было несказанным удовольствием. Тут же, расправленная в плечах на куске доски, висела его шинель. Кто-то заботливо повесил ее на просушку. Отто снял шинель и натянул на плечи. Полы ее еще были влажными. Ничего, на нем обсохнут.

Какие-то смутные воспоминания роились в голове Отто. Сон там смешался с явью, и он совершенно не мог разобраться, что в действительности с ним произошло и как он очутился в этом сарае.

Тусклый свет пробивался через узенькое окошко с единственным, грязным и треснувшим стеклом. Чугунная труба – дымоход от печки – выходила наружу через отверстие в стене, по кругу замазанное глиной. По стенам, заполняя почти все отведенное узкое пространство, висели мотки лески, веревки, какие-то принадлежности, в которых угадывались рыбацкие снасти.

В углу было навалено всякого хлама, на котором сверху, надетые один на другого, лежали казаны разного объема. Они были похожи на армейские каски огромного размера. В другом углу, рядом с дверью, стояла прислоненная к стене острога, лезвием вверх. Оно было заточено и неярко светилось стальным блеском, в тусклом свете сарая демонстрируя отсутствие всякой ржавчины. По всему выходило, что тот, кто тут жил,

часто этой острогой пользовался.

Тот, кто тут жил... В памяти Отто вдруг снова возник кошмар: преследовавшие его зубастые твари, то ли волки, то ли чудища-призраки. А следом всплыло нечто бесформенное, непроглядно темное. Оно говорило и говорило что-то на непонятном, убаюкивавшем его языке, а потом вдруг превратилось в горячую, как огонь, женщину. Этот огонь прогрел Отто до самого нутра, кутал его в плащаницы жара и зноя, прогоняя холод и озноб, обжигая оставленные в душе ледяные следы преследовавшего его кошмара.

XIV

Вдруг неясный звук раздался снаружи. Отто замер. Дыхание его прервалось, и все существо его замерло от напряжения. Совсем близко. Хаген напряженно вслушивался. Шкряб-шкряб, шкряб-шкряб... Этот звук повторялся снова и снова. Крадучись, Отто пробрался к палке с крепко привязанным к концу напильником, превращенным в остро заточенное лезвие. Хоть какое-то средство обороны.

Взяв острогу и подкравшись к двери, Отто попытался открыть ее еле заметно. Но несмазанные ржавые петли предательски заскрипели. Таиться не было смысла, и Отто выскочил наружу, угрожающе сжимая в руке палку с напильником.

– Ну и вояка выискался... Как оклемался, сразу за копье хвататься. Чистый папуас...

Он не сразу сообразил, кто перед ним. По голосу – сидела женщина, держала в руках нож и большую распотрошенную рыбу. А по виду – та самая куча из сна. Слишком много было на ней всякой одежды, а на голову был повязан пуховый платок. Но вот она распрямила спину и одной рукой, сжимающей нож, запачканной чешуей и кровью, аккуратно оправила возле лица края платка.

Черные брови, лучики морщинок возле глаз... Лицо то самое, из ночного сна, и те самые руки. Они растирали его, а потом долго-долго снимали с кучи одежды, и в этой куче оказалась спрятана голая женщина.

Она совсем не испугалась его появления. Наоборот. Она что-то говорила ему, и глаза ее улыбались. Она смеялась.

– Да уж... тебе сейчас в самый раз – в атаку. Ну, чистый индейский папуас...

Она держала в руках нож и большую рыбу. Не переставая посмеиваться, она вернулась к своему занятию: часто-часто зашкрябала лезвием ножа по спине рыбы, счищая с нее чешую.

Хагену вдруг почему-то стало нестерпимо стыдно. Наверное, у него

действительно был очень смешной вид. Виногато замаявшись, он прислонил к внешней стене сарая свое копье и почему-то спрятал руки за спину.

XV

Женщина словно не обращала на него внимания. Она ловко счищала с рыбины чешую. Та летела во все стороны, налипая и на кирзовые солдатские сапоги, в которые была женщина обута. Но та будто не замечала этого. Все ее внимание было поглощено рыбой. Выпотрошенная, почти потерявшая свой, покров, рыба продолжала жить – открывала и закрывала рот, выгибала хвост.

– Смотри на нее, и живучая попалась... – походя удивляясь, закончила с ней женщина и аккуратно, одним движением, перерезала ей горло у основания жабр.

– Да, милок, каждый жить хочет... – произнесла она.

– Спасибо вам... Спасибо! – произнес солдат и, помолчав, добавил: – Меня зовут Отто... Отто.

Женщина снова выпрямилась и бросила рыбину в казан. Он висел на палке тут же, рядом, над жарко горящим костром.

– Ишь ты, опять затараторил по-своему. Уж помедленнее, по-человечески стал гутарить. А то вчера, в бреду, язык чуть не вывихнул... И все невесту свою кликал. То ли Ольгу, то ли Хельгу.

– Хельга? – удивленно отозвался Отто. – Да, да, Хельга. Так зовут мою девушку... мою невесту...

– Ишь, как ожил сразу. «Я, я»... – с доброй иронией ответила женщина. – Оно понятно, что фройлян... А когда тебя подобрала тут, возле камышей, тебе не до фройлян было. Еще бы чуток, и окошел бы фашистик... Эх тебя занесло сюда, горе ты луковое...

Говоря все это, она, не теряя времени, выбрала из садка другую рыбу, поменьше, и, вспоров ей живот кончиком ножа, аккуратно вывалила на землю кишки. Тут же, возле горки чешуи и рыбьей требухи, примостилась облезлая кошка, которая, не обращая ни на кого внимания, усиленно поглощала отходы чистки. Отто почувствовал, как спазмы голода до боли свели его пустое брюхо.

Для Отто было странно и удивительно услышать имя Хельги из уст этой незнакомой ему женщины. Тем более что говорила она не по-русски. Напоминала ее речь разговоры румынских солдат, только звучала она мягче, вкрадчивее. Будто напевная мелодия колыбельной песни, которая проникала в самую душу.

XVI

Эта женщина спасла ему жизнь. Она не дала ему замерзнуть. Хагену

вдруг захотелось узнать, как ее зовут. Она тоже должна знать его имя.

– Меня зовут Отто. Отто...

– Ишь заладил: ато, ато... Как попугай.

Отто терпеливо повторял, тыча себя в грудь пальцем:

– Меня зовут Отто... Отто...

– А, это кличут тебя так... – догадалась женщина и покачала головой.

– Ото. Что за имя такое? И придумают же имена такие... Ну, нехристи, чистые папуасы...

– Меня зовут Отто... А как вас зовут?...

Хаген продолжал стучать в себя пальцем.

А потом указал пальцем на нее.

– Да поняла уже... Ото... поняла... А-а... ты про меня узнать хочешь?

Ишь чего, знакомиться удумал...

Женщина что-то говорила, не отрываясь от своего дела. Она чему-то улыбалась и покачивала головой.

– Как вас зовут?

– Вера меня зовут. Ве-ра. Понял, фашистик?

– Ве-ра, Вера... – повторил Отто, словно пробуя имя своей спасительницы на вкус. Одежда и платок сильно ее старили, по лицу, глазам и коже рук, сохраняющей белизну и гладкость, Отто сообразил, что лет Вере не больше сорока.

– Помолись за моего Василию... его вот забрали в Красную Армию, чтобы вас бить – немчуру и румын треклятых. Вы еще ничего, культурные, а эти нехристи – сплошное ворье кудлатое... Ишь, господа выискались – из грязи в князи... Да у нас цыгане таборные, когда останавливались у села, чище были и вели себя порядочнее. Вот уж пришли наши, освободили, теперь дадут вам перцу.

Женщина все что-то говорила. Вдруг она замерла, словно вспомнила о чем-то очень важном. Даже забыла про свою рыбу.

– Ой, горе мне... мужика при начале войны убило, а теперь и старшенького забрали, кровинушку мою. Это любимый наш... Мы со Степаном из-за него и оженились. Как понесла от него, а мне только семнадцать исполнилось... Отец мой шибко был против, чтобы дочка его замуж за хохла выходила. Все кричал: «Мало тебе молдаван на селе». А как про внука узнал, сразу отошел... И согласился. Так-то вот, Ото...

Женщина глубоко вздохнула и опять принялась за чешую.

– Это, выходит, сын мой сейчас чуть старше меня тогдашней. А Степан. Ему ж и восемнадцати еще нет. Ты-то, фашистик, все одно постарше намного его выглядишь... А мне еще двух дочек малых кормить,

и свекровь еле ходит... А тут ты еще на мою голову свалился. Как змей водяной из Днестра выполз. Вылитый лаур-балаур.

XVII

– Спасибо вам, Вера... За то, что меня... за то, что меня отогрели... – тихо произнес Хаген, – И за одежду... за то, что почистили и высушили...

Он вдруг вспомнил ее упруго колыхнувшуюся, большую грудь, все ее обнаженное тело, на котором плясали красные отсветы печного пламени. Вера, прищурив глаза, внимательно на него поглядела.

– Чего это ты там зашептал? И вид такой застенчивый... Теперь тебе уже стесняться нечего. Чай, мужик, а не дитя несмышленное. Убивать, небось, научился... А думать про всякое забудь. Что было, то было... А больше ничего тебе не светит. Эх ты, горе луковое, свалился на мою голову. Подыхал бы там себе, на бережку, не маялась бы... Так нет, сердца своего послушалась. А теперь вот еще и корми тебя, вместо того чтоб детишкам и старухе еды отнести. Нечего тут бездельничать, на-ка вот кадушку, принеси из бочки воды, там, за сараем, бочка с дождевой водой стоит. Сейчас уху есть будем...

Отто по указывающим жестам сообразил, чего от него хочет Вера. Послушно взяв деревянную кадушку, он сходил к бочке. С крыши сарая в нее был сооружен слив. Аккуратно стянув служивший крышкой широкий железный лист, он зачерпнул полную кадку студеной прозрачной воды. Она была золотисто-янтарного цвета и пахла дубом.

Ароматнейший запах наваристой ухи из бурлящего казана заставлял Отто жадно втягивать сырой весенний воздух.

– Ага, принес, солдатик, – приветливо встретила его женщина. – Ну, вот, теперь добавь чуть-чуть, а то выкипело. Хотя нет, стой, дай, я сама, а то еще не поймешь ничего...

Перехватив из его руки кадушку, Вера осторожно добавила в казан воду почти до самого верха.

– Вот так... Теперь сиди и следи за костром. Если надо, дровишек подкладывай. Понял, служивый? Вишь, именами вашими фашистскими язык не ворочается тебя называть.

У стены сарая лежал ворох валежника, ветки и сучья. Женщина выбрала из кучи толстую сухую ветку и, уверенным движением переломив ее о колено, подложила куски в костер. Все это она делала демонстративно, показывая Отто, что он должен будет делать. Хаген закивал, давая понять, что с задачей справится.

– Ну вот, тебе тут забот на час хватит. А я пока схожу на реку, верши проверю, может, чего для своих выловится. Не помирать же им из-за

фашистика с голоду... Только сиди тут, никуда не ходи. А то, не дай бог, попадешь на наших, – и самого шлепнут, и меня еще под монастырь подведешь.

XVIII

Женщина скрылась в сарае и спустя некоторое время опять вышла наружу. В одной руке она держала тяжелый моток сетей, а в другой – несколько веточек засушенной травки. Помяв и перетерев ее в ладони, Вера высыпала травку в казан.

– Вот... леуштяна добавим, для вкусности. И чтоб любил ты свою фройлян, и на других девок не заглядывался...

Женщина поднесла ладонь, которой растирала траву, к лицу и вдохнула.

– Ох, и вкусно же пахнет. Неужто и эту зиму пережили. Скорей бы война проклятая кончилась. Чтобы мой Василикэ скорее домой вернулся... Ох, спаси и сохрани.

Она протянула ладонь Хагену, жестом показывая, чтобы он тоже понюхал. Отто с готовностью поднес нос к ее ладони. Ноздри заполнились духмяным ароматом зеленого луга, нагретого горячими лучами знойного лета. Потом женщина достала из кармана маленький пузырек. Слянка из-под лекарства, заткнутая пробкой. Внутри было что-то белое, рассыпчатое. Соль!... Женщина осторожно откупорила ее, словно там содержалось нечто драгоценное.

– Соль нынче на вес золота. Я у батальонного обозника сменяла. На рыбу... – отсыпая в подставленную лодочкой ладонь горку соли, рассуждала Вера. – Все допытывался, как это я такая рыбачка заделалась. Да только рыбачка я никакая. Вот мужик мой был рыбак. Таких сомов притаскивал домой. Одному управиться было не в мочь, соседей звал, чтобы дотащить пособили. Карпов, стерлядь носил... Коптильню держали. И для себя, и в Тирасполь возили, на базар продавать. Даже в Одессу два раза с ним ездили. От него заимка эта осталась. Кабы не она, войну нам не пережить. Рыба и кормила. Ни один румын про заимку мою не прознал. Хорошо Степан ее упрятал... И нашим зазря знать про нее нечего. Этот обозник который... Все просил на рыбалку его взять. Известное дело, что у него за рыбалка на уме. Так я ему сказала: «Ты, мол, фрицев сначала разбей, а потом на рыбалку намыливайся». Это вас, значит. Ох, скорей бы уже вашему Гитлеру хвост оборвали... Чтоб мой Василию домой вернулся, целым и невредимым.

Произнеся это, Вера сыпанула соль в казан и, взяв ложку, хорошенько размешала уху.

– Ну, ладно, служивый, сиди тут на часах, следи за ухой, а я быстро обернусь, – до крупинки отряхнув соль с ладони в варево, строго произнесла Вера и по тропинке направилась вниз, к камышам. И тут Отто увидел то, от чего у него перехватило дыхание. Лодка... Из-за камышей торчал самый настоящий, деревянный нос самой настоящей лодки. Первым движением Отто было скорее броситься к ней, но его остановил нестерпимый голод.

Отто очень хотел есть. Уха скоро приготовится. Он готов был выловить эту рыбу из кипящего казана в полусыром виде и выпиться в нее, и рвать мясо зубами. К тому же среди белого дня, хоть он и был не белый, а стерто-серый, шансов переправиться на ту сторону практически не было. И свои, и чужие откроют огонь. Разбираться, кто там, в лодочке, плывет, никто не будет. Дадут очередь, и пойдет Отто на корм рыбам, из которых Вера будет свою уху варить. Отто решил переждать до вечера.

XIX

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем из камышей совершенно бесшумно появилась лодка с женщиной. Заметив ее, Отто спешно вскочил и подбежал к самому берегу. Почему-то он совсем не испугался, что она приведет русских солдат. Что-то сразу подсказало ему, что она этого не сделает.

Быстро войдя по голенища в воду, он ухватился руками за нос лодки и подтянул его на берег. Женщина неторопливо уложила на дно лодки весло и еще секунду посидела без движения. Вера как будто смаковала момент, когда кто-то ей помогает швартоваться и даже немного ухаживает.

Потом так же неторопливо и даже торжественно она подняла со дна, из-под весла, сетчатый садок. Она держала садок на вытянутой руке, показывая ему улов и будто гордясь им: учись, мол, вот как я могу. В садке трепыхались несколько карасей, совсем маленьких рыбешек с красными плавниками. Там же били хвостами и две крупные рыбы, похожие на тех, что Вера чистила для ухи.

Не выпуская улова из рук, Вера перекинула ногу через борт и смело ступила сапогом в воду.

– Видал, какие два карпа забрели в вершу? Как раз возле омута, вверх по течению. Степан всегда там сети ставил. Его место. И мне то место показывал... На заре, бывало, возьмет меня в лодку, гребем веслами, он – одним, а я – другим. До омута доплывем – там еще дерево приметное, с дуплом, на самом берегу Турунчука растет – он и говорит: «Стоп, машина». Только до сетей дело не сразу у нас доходило. Сам – весла в сторону и давай меня мять... Охоч он был шибко до этого дела, ну, до любви и

прочего. Тебе хорошо рассказывать, можно все без утайки – все равно ни черта не понимаешь... Как то дерево... Чего вылупился?

Отто во все глаза разглядывал в прогалину среди камышей противоположный берег. Он был совсем не похож на обрывистый берег Днестра. Да еще к тому же чуть не вдвое ближе, и течение спокойное...

– Днестр здесь совсем узкий... – произнес Хаген, указывая рукой на реку.

Женщина сначала ничего не поняла, потом разобрала слово «Днестр».

– Вот дубина... Какой тебе Днестр... До Днестра еще с полверсты, дальше Днестр. Вишь, как вода поднялась-то. Давно так не понималась... Половодье в Днестре. В Карпатах, значит, снега сильно тают. Значит, весна наступает полным ходом. Значит, и вам перцу всыпят наши по первое число. Понял, немчура? А, ничего ты не понял... Реку, говорю, вспучило и в притоки воду лишнюю нагоняет. Вот она и поднимается. Боюсь, как бы до заимки не дошла. Поплывет тогда наше хозяйство. Понял, Отто? Днестр – в ту сторону. Оттуда вода прибывает.

Она махнула рукой вдоль берега.

– Оттуда, откуда, видать, нелегкая и тебя занесла. Там Днестр, там... А это Турунчук, приток Днестра. Ты в Днестре в жизни такой рыбы не наловишь, какая в Турунчуке обитает...

XX

Отто вдруг схватил руки женщины и умоляюще посмотрел ей в глаза.

– Вера, Вера... – твердил он, как будто хотел заговорить ее. Пытаясь донести смысл сказанного, он усиленно помогал себе жестами. – Мне нужна лодка, Вера. Помоги мне. Мне нужна лодка, чтобы доплыть до правого берега Днестра. На ту сторону Днестра. Мне нужна лодка.

Женщина резко выдернула свои руки из его ладоней и толкнула его в грудь. В ее руках была такая сила, что он не удержался и упал спиной на камыши. Похоже, она поняла, что он хочет забрать у нее лодку.

– Ах ты гад... Лодку мою надумал забрать. Мы – с голоду подыхай? Да детям моим без этой лодки есть нечего будет... Ишь, чего удумал... А вот тебе, видел?...

Она скрутила пальцы в особый, русский кулак, выставив из него торчащий большой, и поднесла эту композицию к самому носу растерянно лежавшего на камышах Хагена.

Не оглядываясь, с пойманной рыбой в руках, она поднялась к сараю. По пути она продолжала, негодуя, рассуждать вслух:

– Лодку ему... А нам потом по миру идти?... Кто сирот моих кормить будет? Как я без лодки на дальние ямы подыматься буду? А там жерех, и

карп, и сомы такие водятся. Я там острогой таких телят добывала, что мы неделю с одной рыбы питались, и соседей еще поддерживали, на соль, муку меняли... Ах ты, горе-то горе... И фашистику этому тут оставаться никак нельзя. Ох, беспокойно на сердце... За Василикэ моего душа болит, аж мочи нет... Уходить надо фрицу. Эх, сподобил Господь связаться с ним. Да, видно, судьба такая. Видно, послал Господь испытание. И ведь крест у него на груди тоже висит. Значит, тоже в Господа верует. Не все ж у них упыри да нелюди. Ох, нелегкая...

Усевшись на свое место, к казану, она неторопливо помешала уху большой деревянной ложкой. Потом набрала сверху юшку и, подув на нее несколько раз, отпила в два глотка.

– А уха хороша! Эй, Отто, хватит там в камышах загорать, иди уху есть. И не вздумай на лодку пялиться. Попробуешь взять, я тебе острогу между лопаток всажу в два счета. Я за тобой глаз теперь спускать не буду, а по ночи отправлю тебя от греха подальше. Туда, откель пришел. Знать, твой ангел-хранитель – губа не дура, коли меня заставил тебе помогать... Чай, не пропадешь...

Проговорила она это не шутя. Но Хаген, услышав, что она его окликнула, решил, что Вера на него уже не сердится, и поспешил к ней. Эта лодка нужна была ему как воздух. Он ничего не понял из того, что говорила она. Он только понял, что лодку ему отдавать она не собирается. Еще Хаген понял, что эта речка, заросшая камышом, была не Днестр. Скорее всего, его приток.

Он вспомнил свой ночной нескончаемый бег и резкий поворот влево, который он принял за поворот русла Днестра. Скорее всего, это и было место впадения в Днестр речушки, на берегу которой стоял сарай Веры. В какой стороне находился Днестр, он разобрал по жесту женщины и по направлению течения этой неширокой речки со спокойной, тихой водой.

XXI

– Готова уха, – весомо, предвкушая, произнесла Вера. Она вместе с палкой подняла казан с двух рогаток, вкопанных по диагонали костра. Вытащив палку и протянув ее Отто, она поставила благоухающую уху на заранее установленный ящик. – Давай, фашистик, налегай. Тебе сил набираться надо, а то вид уж больно болезный. Соплей перешибить можно. На вот...

Достав из кармана сверток, Вера развернула его. Это был кусок засохшей до твердого состояния, желтой, как солнце, каши. Отто угощали такой кашей на правом берегу, в Пуркарах, когда они ходили к местным выменивать тушенку на вино. Молдаване, местные жители варили ее из

кукурузной муки и ели вместо хлеба. Отто вспомнил, каких трудов ему стоило выучить слово, которым крестьяне называли свой кукурузный хлеб. Вольф смеялся до колик в животе всякий раз, когда Отто произносил это слово, и, ухохатываясь, просил сказать его еще раз.

– Mamaliga, – произнес Отто, показывая на кашу.

– Что-что? – переспросила Вера. На лице ее сначала отобразилось искреннее удивление. А потом она засмеялась, заразительно и весело, показывая два ряда крепких, белых зубов. Глаза ее заискрились, щеки разругались, и вся ее красота, еще свежая, зовущая, упрямая в вихрях одежек и забот, вдруг проявилась на ее миловидном лице.

– Нет, вы слышали? Мамалига... Это ты после прошлой ночи в молдаванина превратился? А, Ото? Признавайся. Э, солдатик, да тебе и хлебать-то нечем. Сейчас, погоди, ложку тебе принесу... Мамалига...

Все еще продолжая смеяться, она медленно, расслабленно встала и направилась в сарай. Вера завозила в сарае на минуту дольше. Она скинула свой полушубок, оставшись в одной кацавейке, и пуховый платок перевязала на шею, оставив на голове лишь цветастую косынку. Кроме ложки она взяла с собой стакан и упрямую в углу, под кучей всякого хлама, бутылку виноградной самогонки.

XXII

– Ну, что, мамалига, – посмеиваясь, произнесла она, выходя наружу. И застыла, увидев происходящее. Возле казана с ухой никого не было. Немца она увидела не сразу. Дунувший порыв ветра сильнее склонил гивы камышей, открыв ей обзор на речку. Немец, спиной к ней, что есть силы греб веслом, зачерпывая воду то справа, то слева. Он старался подобраться ближе к тому берегу и одновременно править по течению, в сторону Днестра.

Боль, обида и ярость одновременно захлестнули Веру волной звериной ненависти. Бутылка, стакан и ложка выпали из ее рук. Из груди исторгся крик, больше похожий на рев раненой хищницы. Этот крик услышал Отто. Обернувшись, он молча посмотрел на нее, как бы прося прощения за совершенное, и тут же снова принялся грести.

Женщина метнулась было к берегу, но остановилась почти у самой кромки воды. Она резко повернулась и бросилась обратно. Подбежав к сараю, она схватила длинную палку с привязанным к одному концу напильником. Степан вязал накрепко, так, что не отдерешь. Она старательно затачивала лезвие перед каждым выходом на рыбную охоту, и лезвие теперь блестело, как острие копья.

Ярость, боль и ненависть клокотали внутри, ей хотелось броситься

вплавь, чтобы догнать лодку, но даже не ради самой лодки, а чтобы придушить этого фашистика, этого змееныша, который обманом отплатил ей за спасение. Вера даже не осмысливала то, что делает. Как будто вело ее за руки, подталкивало в спину. Глаза будто сами по себе высмотрели серо-зеленую шинель, маячившую посреди речки в ее лодке, мозг будто сам рассчитал расстояние до мелькавшего в худящих руках весла.

Она подбежала к берегу и, не останавливаясь, по инерции сделала несколько шагов прямо в воду. На этих шагах она размахнулась и с силой, крикнув, резким и грациозным движением бросила острогу в плывущего немца. Ее крик, истошный и жуткий, как у дикой кошки, догнал Отто раньше остроги.

Он хлестнул по Хагену будто плеть и заставил его еще раз обернуться. Именно в этот миг в левое плечо ему ударилось что-то тяжелое и сверкающее. Удар был такой силы, что откинул Отто на дно лодки. Острие прошило его насквозь и воткнулось в левый борт лодки, намертво пригвоздив Отто к корпусу пронзительной болью.

От удара упавшего тела лодку сильно раскачало. Колебания на воде никак не утихали. При каждом движении корпуса длинная палка – древко остроги – начинала ходить ходуном, каждым движением вызывая у Хагена сильнейший приступ острой боли.

Скорее машинально, инстинктивно, он ухватился правой рукой за древко остроги, как раз за то место, где основание напильника было привязано к деревяшке. Попытки выдернуть острогу ни к чему не привели. Острие вонзилось глубоко в древесину борта. Не получалось у Хагена и переломить деревяшку. Достаточно толстая, круглая палка, чуть тоньше черенка лопаты, не давала даже намека на то, чтобы поддаться усилиям Хагена и сломаться.

Он зарывал от боли и бессилия. Тяжело дыша, он повернул голову, насколько можно, и огляделся, корчась от боли. Он успел выгрести почти на середину речки. Теперь его сносило вперед и к противоположному берегу. На том, оставшемся, берегу его молча преследовала Вера. Она не кричала, видимо, испугавшись, что ее тоже могут поймать. Отто то и дело замечал ее мелькавшую между камышей светло-бежевую, выцветшую кацавейку и белый платок.

Лодку сносило в камыши. Он мог вот-вот зацепиться и застрять в них. Тогда ему оставалось ждать, пока его найдет дозор русских и добьет, закончив его земные мытарства.

Хаген попытался дотянуться до валявшегося на дне лодки весла. Рукой это сделать было невозможно. Отто принялся тянуться правой ногой. После

нескольких безуспешных попыток он сумел ударить каблуком по выступавшему краю весла и поймать его на лету правой рукой. Затем, повернувшись, насколько позволяло плечо, пересиливая боль, он принялся подгребать, еле удерживая весло в свободной правой руке.

XXIII

Подмяв под себя несколько камышин, лодка продвигалась вперед, благодаря собственной инерции и силе течения. Постепенно нос ее выравнивался, направляясь по свободной воде середины. Ход ее здесь замедлился. Отто ощутил, как навстречу двигалась встречная толща воды. Это Днестр загонял в узкие раструбы протоков массы своих вспухших внешних вод. Устье притока было уже совсем близко. Отто отчетливо видел два края одного левого берега. Они, как ворота, широко распахивались перед свободным ходом его лодки, открывая путь к далеким обрывам правобережья. Путь к своим...

Ему показалось, что голос раздался совсем близко. Настолько близко, что Отто решил, что ему показалось. Солдат стоял на самом углу поворота. На глинистом бугре, заросшем черными прутьями ивняка, с автоматом наперевес. Метрах в пятнадцати по прямой... Отто глянул назад. Веры и след простыл. Наверное, осмотрительно решила вернуться к своему сараю. Все-таки лучше потерять лодку, чем попасть в пособники врага и шпионы.

– Эй, рыбачок, поделись рыбкой, – приветливо окликнул его русский. По его добродушной улыбке Отто понял, что в его обращении нет ничего угрожающего.

Из лодки торчала только бритая голова Хагена. Он не нашел ничего лучше, чем также приветливо улыбнуться и помахать в ответ. Не надо было ему так высоко поднимать руку. Русский, наверное, заметил хлястик с армейской пуговицей на рукаве его шинели. Он резко перекинул автомат в руки.

– Эй, а ну табань к берегу. Подымись и руки вверх. Подымись, говорю, – угрожающе приказал он. – Табань, говорят... Стрелять буду.

Отто продолжал тупо улыбаться и махать солдату ладонью. Первая очередь прошла в метре от лодки. Полоснула днестровскую воду, в которую как раз вошла лодка Хагена. Он, уже не оглядываясь на русского, снова опустил весло в воду и стал подгребать изо всех сил, правя курс на середину. Здесь течение сразу подхватило суденышко и потащило его вперед. Раскатистое «та-та-та» огласило реку. Несколько пуль просвистели над самой головой. Следующая очередь вошла в корпус лодки снаружи, выломав в древесине крупные острые щепы.

XXIV

Отто пригнулся и снова, отложив весло, схватился за древко остроги. Он решил, перетерпев боль, расшатать лезвие и вытащить его, сначала из борта, а потом из плеча. Острие не подавало никаких признаков жизни. Зато кровотечение из раны усилилось. Усилился и обстрел лодки. К автомату добавились еще несколько винтовок.

Они били одиночными, как будто соревнование на меткость устроили. Почти все выстрелы попадали в цель, кромсая дерево борта и свистя над самой макушкой Отто. Положение его усугублялось тем, что он не мог полностью спрятать голову за краем борта. Его плечо было пришпилено слишком высоко, а граненое лезвие заточенного напильника не позволяло повернуться из-за острейшей, парализующей боли в ране, пронзавшей при малейшем шевелении.

Еще автоматная очередь ударила в борт кучной тучкой раскаленных стальных шмелей. Они сделали свое дело, пробив борт насквозь почти на уровне ватерлинии. При каждом нырке лодки на правый борт, в отверстие стала заплескиваться вода.

«Вперед, вперед...» – твердил себе Отто, снова и снова стараясь сделать несколько гребков веслом. Когда он в очередной раз перекидывал весло, свистящие веером пули раскроили деревянную лопасть весла.

Пуля, выпущенная из этой же обоймы, угодила прямо в самую середину древка остроги. Удар вызвал такой сильный болевой шок, что Отто на несколько секунд потерял сознание.

Когда он очнулся, дело принимало совсем худой оборот. Русские, видимо, поставили своей боевой задачей номер один во что бы то ни стало уничтожить наглого немецкого солдата, под видом рыбака разгуливавшего с неизвестными целями на лодке по вражеской территории.

Мощный выстрел практически выломал верх правого борта лодки. Теперь она представляла собой полуразбитый кусок скорлупы, готовый вот-вот пойти ко дну. Отто теперь наверняка был в прицелах как на ладони.

По мощи выстрел напоминал разрывной из пулемета, только еще сильнее. Наверняка стреляли из противотанкового ружья. Что ж, в руках умелого стрелка это ружье вело себя как снайперская винтовка, только с убийственным калибром, почти в два раза превышающим винтовочный.

Любое из следующих попаданий ПТРа могло стать для Отто последним. Он в отчаянии снова схватился за древко остроги. Теперь оно наполовину укоротилось, что отчасти облегчало усилия Отто. Вот боль стала сильнее, от того, что лезвие слегка поддалось усилиям штрафника и шевельнулось. Вода прибывала, покрыв уже все дно лодки.

Следующая разрывная пуля, выпущенная с русского берега, влетела в пробоину и ударила изнутри по борту, к которому было приколото плечо Отто. Адская боль сменилась потерей равновесия. Кусок доски, в которую вонзилось острие остроги, выломало ударной силой разрывной пули. Отто, с притиснутой к спине деревяшкой, повалился вперед, в воду, плескавшуюся в полузатопленной лодке. Теперь он мог ухватить за древко обеими руками. Он собрал последние силы и резко дернул вперед.

Каким-то звериным ощущением, как в замедленной перемотке немой киноленты в синематографе, он проследил, как шершавое, зазубренное лезвие, задевая сосуды и мышцы внутри его обтянутого кожей плеча, прошло через зияющую, окровавленную рану и извлеклось наружу. В его сознании даже успела запечатлеться капля крови, которая стекла по нагретому его телом лезвию и оборвалась на взмахе с самого кончика заточенного напильника.

В тот самый миг, когда капля коснулась дна лодки, Отто почувствовал, как его разбитое суденышко стало погружаться в днестровскую воду. Погружение проходило стремительно. Поток напирал, и лодка представлялась непозволительной преградой, которую необходимо было тут же смять и опустить в пучину, в самую темноту непроглядного дна.

Пули секли воду вокруг терпящего кораблекрушение, поднимали фонтанчики среди бурунов и водоворотов, принимавшихся крутиться то тут, то там. Отто огляделся. Ему показалось, что до берега оставалось совсем немного. Все-таки на этот раз руки у него не связаны. Он попробует доплыть. В конце концов, других вариантов попросту нет.

Лодка почти ушла под воду. Отто одним движением расстегнул форменный ремень и скинул шинель. В ней он в любом случае не доплывет. А вот ремень оставлять рыбам он не намерен. Застегнув его обратно, на китель, Хаген зачем-то схватил уже плавающий обломок остроги. Он сунул его за ремень сзади и, оттолкнувшись от борта, нырнул в воду.

Холод сразу взял его в оборот. Горело плечо, и это жжение и боль в ране, как ни странно, отгоняли холод, придавали ему злости, необходимой, чтобы, преодолевая течение, пытаться плыть к берегу.

Теперь, в воде, он понял, насколько обманчивы расстояния до берега, когда ты оцениваешь их в метрах. Единственно верное – это расчет, на сколько гребков в ледяной воде тебя хватит. Еще раз, еще раз, еще раз... Отто чувствовал, что следующий взмах рукой будет последним, но делал следующий, и опять делал следующий. Еще раз, еще раз. Следующий – последний. Последний... Последний...

ПЕРЕД ШТУРМОМ

I

Отделение вовремя ударило по правому берегу. А тут и взвод вступил, а затем рота с пулеметами и несколькими бойцами из батальонного отделения «кочерыжников» – стрелков из противотанкового ружья. Густые чернила ночи взрыхлились светящимися пунктирами трассеров, обрывы озарились пламенем взрывов, наполнились гулом и грохотом, хаосом звуков.

Без особого повода ночную стрельбу старались не устраивать. Противник обязательно отвечал. Огонь вели беспорядочно, зачастую задевая дома мирных жителей. Но сейчас деваться было некуда. Во-первых, немцы первыми начали, даже ракету осветительную запустили. А во-вторых, надо было выручать своих, обеспечить прикрытие пловцам из аникинского отделения, ушедшим накануне в разведку.

Негласное правило выработалось как-то само собой, за время противостояния, причем ночному перемирию, худо-бедно, но старались следовать на обоих берегах. Вечерело еще достаточно рано, поэтому в световой день от души впихивали весь отведенный запас боеприпасов. Патронов и снарядов в этот период войны уже не жалели ни отступающие фашисты, ни Советская Армия, стремительно набиравшая свою ударную мощь.

Как водится, любые правила, возникнув, тут же провоцируют желание их непременно нарушить. Охотнее на это шли немцы. Жалеть стариков, женщин и детей из села, расположенного в глубине фашистских эшелонов обороны, у врага никакого желания не было. Поэтому и заведенные в уничтожении живой силы и техники противника ночные передышки – так называемые «тихие часы» – то и дело обрывались канонадой и пулеметными очередями.

Особо отличались несоблюдением фашистские гаубицы, позиции которых стояли выше по течению, в тесной близости от правобережного села Пуркары. Эти принимались метать тяжелые крупнокалиберные снаряды, когда им вздумается, причем куда попало – и по позициям, и по селу. Местные, левобережно проживающие приднестровские старики выдвинули свою версию этих ночных обстрелов.

– У них на том берегу всегда вино тяжелое делали. Сладкое – чистый

компот, а души виноградной – терпкой, кисленькой – не учуешь. Оно и без сахара так выбраживает, что с одного-двух стаканов начисто башку сносит. Да еще с дрожжей не снимают... Одно слово, не виноделы, а дурни. И продукт соответственный... Дурное, оно и есть дурное. Пушкари фашистские, видать, как выдуют кувшин-другой местного, домашнего вина, у них крыши и сносит. Вот они опосля и пуляют куда ни попадя...

В этот раз артиллеристы молчали. Зато немецкие позиции, расположенные прямо по курсу, огрызались из всех наличных стволов.

Но «тихий час», он и есть «тихий час». Вскипев в какие-то несколько секунд, бой поварился на высшей точке, выпустил с боезапасом весь пар и понемногу стал утихать.

II

Старшина Аникин собственноручно, вместе с Бондарем и Поповым, вылавливал из реки окоченевших бойцов. Течением их прибило на берег метрах в двухстах ниже от месторасположения позиций отделения. Зайченко пришлось в буквальном смысле слова отдирать от бревна. Руки его застыли в скрюченном состоянии, и сам он не мог их разогнуть. Его вынесли на берег на руках. Байрамов тоже еле ступал, его подхватили под руки и вытащили на неразгибающихся, сведенных судорогой ногах.

– Попов, срочно дуй в отделение... – с тревогой распорядился Андрей.
– Еще бойцов бери. Втроем не донесем.

– Донесем, командир... – осипшим, но бодрящимся голосом произнес Евменов и, отказавшись от поддержки, самостоятельно вышел к своим товарищам.

Замерзшего Зайченко поднял и перекинул через плечо старший сержант Бондарь. Легенький Байрамов достался Попову. Старшина собрал на оба плеча все, какое было в наличии, вооружение – и несунув, и разведгруппы.

– Давайте, бегом всех в лазарет, – первым зашепив вверх по берегу, через плечо сказал Аникин и, увидев стоящего старшего группы разведки, поторопил его: – А ты, Евменов, тоже давай, только бегом. Раненых нет?

– Не знаю, товарищ старшина... – уже на бегу ответил разведчик – Я вообще думал, что Зайченко убило. Он не отзывался, пока мы плыли. Так вроде целы. Малость подмокли только...

– Быстрее, хлопцы, надо успеть вас согреть.

– Ничего, Нинка по этой части – мастер. Цельный санинструктор... – с усилием произнес Байрамов и попытался при этом растянуть в улыбку свои посиневшие губы. Но у него ничего не получилось.

Выбежав на тропинку, ведущую в село, Андрей пропустил вперед

Богдана Николаича. Со спины его свисало, болтаясь, белое как мел лицо Зайченко.

– Зайченко, как ты?... – позвал его Аникин, тряхнув за плечо.

Зубы солдата выстукивали звонкую дробь. Он не отвечал. Глаза его были закрыты.

– Зайченко!... Отзовись!...

Тут веки солдата приоткрылись, и он попытался что-то ответить, но звук, возникнув как что-то нечленораздельное, так и не смог выбраться наружу из его лязгающих в ознобе зубов.

– Уф, главное, что живой, – с облегчением выдохнул на бегу Аникин. – Щас быстро тебя отогреют. Жизнь только начинается. Вон, смотри, уже хаты показались. Щас быстро тебя в самые что ни на есть белы рученьки санинструктора Ниночки передадим... Уж она тебя поставит на ноги... Видишь, Зайченко, как... Все рвался ты к Нинке, чтоб поближе к ней попасть. Мечты сбываются, солдат! Так что выше нос, Зайченко!

– Да-а... ему выше нос не помешает, товарищ старшина... – отозвался с плеча Попова Анзор Байрамов. – Нос у Зайченко сейчас в опасной близости от выхлопных газов Богдана Николаича. Не дай бог, тот прибавит форсаж, так Зайченко придется не только от переохлаждения спасать, но и от газовой атаки...

– Слышь, шутник... – беззлобно, на ходу ответил Бондарь среди общего хохота. – Я тебя щас так угрею... Никакие отогревания не понадобятся...

– Ой, Богдан Николаич, боюсь за Зайченко... Страшусь, задохнется боец... – развивал тему Байрамов под новый приступ хохота.

– Ты за себя страшишь, Байрам, – шутливо грозил ему Бондарь. – У Нинки не веки вечные вековать. В отделение вернешься, я тебе вспомню выхлопные газы...

– Все, товарищ командир, теперь остается одно – лечь на больничку всерьез и надолго. А то меня товарищ старший сержант прибьет! – с наигранным трагизмом в голосе воскликнул Анзор. Голос его сорвался в нагсадный, лающий кашель.

– Вот, вот, об том и речь, – резонно заключил Аникин, забежав вперед и открывая всей группе калитку во двор, в котором разместился батальонный лазарет. – Горло беречь надо, Байрамов, и не рвать голосовые связки. Все одно – целее будут.

III

Комбат прекрасно знал, что стало причиной вспыхнувшей под самую ночь заварухи. Готовились ко всему. Мало ли что. Когда разведгруппа

уходит на территорию врага, ожидать можно любого поворота событий. Нарвутся на засаду, или во время переправы засекут. Тут уж оставалось только одно – дать своим поддержку и прикрыть их отход из всех видов имевшегося в наличии вооружения.

Из отделения старшины Аникина никто не спал. Все в полной боевой выкладке сидели в траншее, вглядываясь, а больше вслушиваясь в звуки, доносившиеся с реки. Дело понятное – свои за линией фронта. Но и по батальону приведено все было в готовность «номер один». Командиры подразделений батальона держали ситуацию, что называется, на взводе: насчет убывшей через линию фронта разведгруппы были проинформированы.

В батальоне все были в курсе того, что на правый берег ушли аникинские. Приказ о проведении разведки перед планируемым форсированием спустили в батальон из полка. После кровавой переправы, поголовной гибели штрафников, командование озадачилось необходимостью провести дополнительную рекогносцировку позиций противника. В масштабе дивизии для этих целей использовали и аэрофотосъемку. Но по такой низкой облачности и туману, а может, по другим, недоступным рядовому и младшему командному составу соображениям самолет-разведчик с фотообъективами и фотопленками решили заменить другим, проверенным способом – заслать через реку шесть пар глаз, которым требовалось все досконально у противника высмотреть, вызнать, а по возможности еще и «языка» добыть. Попутно полковая разведка подключила и местных. Организовали, по своим, аборигенским нехоженным тропам и бродам, секретные вылазки на чужую (это для армейских – чужую, для местных-то все одно – свою, общую приднестровскую, только что на двух берегах одной реки) территорию. Кому-то удалось пробраться в самые Пуркары, попить с нанашами[6] тяжелого винца в глубоких пуркарских подвалах, заодно и разжиться всяческой ценной информацией.

Теперь в батальоне знали, что прямо перед ними, на изрытом траншеями, укрепленном дотами, превращенном в неприступную цитадель, правом берегу фашистами был развернут 500-й испытательный батальон. Об этом и зашел разговор между Аникиным, Поповым и Бондарем, пока они возвращались из лазарета, где только что благополучно передали всех троих разведчиков на поруки санинструктору Нине.

IV

– Вот так дела... выходит, наших штрафников в Днестре потопили немецкие штрафбаты... – все потом рассуждал вслух Попов.

– Выходит, что так, – тоскливо согласился с ним Бондарь. – Только кидай до кучи ихнюю артиллерию и минометы. То-то оно и выходит, что на плотях супротив гаубиц не попрешь... И нам треба шось кумекать, а то пойдем на дно вслед за «шуриками».

Аникин молчал. Ему было тягостно вспоминать о трагедии, произошедшей накануне. И вроде вины его не было никакой. Он всего лишь исполнял приказ. Сказано было четко: оставаться на берегу и обеспечивать прикрытие переправы. Что могли, аникинцы делали. Ну а если бы он пошел вместе с людьми Нелядова. Уже бы тащили его мертвое тело по илистому дну темные воды Днестра. Ну, так на войне каждую минуту убить могут. Каждому свой час и своя переправа на тот берег. Голос рассудка звучал убедительно, но все равно не убеждал, не давал осесть поднявшейся в душе муторной взвеси.

Слишком страшно, одиноко и брошенно гибли они там, в окровавленной, будто взбесившейся пене водяных взрывов. И сама эта затея с захватом плацдарма, с броском горстки, щепотки штрафников в раскаленный котел, до верху наполненный кипящей днестровской водой, выглядела теперь непродуманной, поспешной и глупой.

Оно, дело понятное, приказы отдают не для того, чтобы их обсуждать. Приказы должны выполняться. Но осмыслить их и подвести свой итог – пусть внутри, про себя, никого не посвятив в свои думки, – Андрей мог себе позволить. Считал, что имеет на это полное право.

Сделанные выводы не радовали, и делиться ими с окружающими не было никакой охоты. Оттого и ходил мрачнее тучи. Даже Нина, игриво спросив его, о чем это так сокрушается товарищ старшина, не добилаь от него вразумительного ответа.

Впрочем, многие младшие командиры из батальона после неудачного форсирования штрафников приуныли. Каждый из них хорошо понимал: не окажись под рукой у командования полка группа Нелядова, идти на этих плотях воевать плацдарм на правом берегу мог любой взвод, любое отделение, окопавшееся под Незавертайловкой.

Ситуация эта была хорошо знакома Аникину. На фронте, в бесконечных вариантах, она проигрывалась почти ежедневно. Штрафник принял пулю, которая, возможно, предназначалась тебе. Для него эта пуля – смерть, а для тебя – жизнь. Солдаты на передовой, особенно после «наркомовской» сотки, любили порассуждать на эту тему. У Андрея на этот счет была своя мысль. Он считал, что пулю каждый все равно получает свою. Если пуля была предназначена для штрафника, она его обязательно найдет. Так же и в ситуации с переправой людей Нелядова. Они ушли

выполнять приказ и погибли, приказ выполняя. А завтра такой же приказ пойдут выполнять люди Аникина. «Все правильно, Андрей, так и должно быть. Это война, и здесь каждому свое», – убеждал он сам себя и вспоминал, как оттолкнул плот с Нелядовым в молоко предутреннего днестровского тумана, а в глазах Трошки читались решимость и обреченная злоба. И слова его, последние, перед тем как он повернулся в сторону реки: «На дело, на дело...»

V

Андрей отослал Попова и Бондаря отогреться в блиндаж, а сам пошел по траншее проверить выставленные после перестрелки посты. Когда он вернулся после обхода и, согнувшись, вошел в теплое и тесное, нагретое чугунной печкой пространство блиндажа, то в первый миг так и замер от растерянности в полусогнутом состоянии.

Прямо посреди блиндажа, на почетном месте возле самой печки, в плотном окружении внимавших каждому его слову солдат, восседал, прихлебывая вино деда Гаврила из котелка, Евменов собственной персоной.

– Ну и дела! – обрадованно и одновременно ошарашенно, проговорил старшина. – Евмен, ты, что ли?

– Я самый, собственной персоной... – довольно кивнув, отпартовал солдат.

– Тебя что, уже выписали?! – расспрашивал Андрей. Появление Евменова помогло отвлечься от невеселых мыслей.

– А меня, товарищ старшина, и не записывали... – с легким налетом гусарской рисовки ответил Евменов. – Санинструктор Ниночка даже устроила мне дополнительный медосмотр.

– Да ну?! – тут же среагировал Попов. – С этого места, пожалуйста, поподробнее.

– Я тебе дам поподробнее, – замахнулся котелком Евменов, но тут же великодушнейше простил забияку.

– Ну, рассказывай, рассказывай, Евмен... – поторопил его Андрей. Ему уже освободили на деревянных нарах место и протянули котелок с плещущим на дне, благоухающим и сверкающим рубиновыми отсветами вином.

– А что рассказывать... санинструктор меня осмотрела, значит... прослушала сердце и легкие, спину, заставила сказать «А-а-а!», – выпучив глаза и вывернув язык красноречиво показал Евмен. – А потом захлопала так часто-часто своими длиннющими ресницами, повела своей упругой грудью и жалобно так сказала: «Товарищ Евменов, вы совершенно

здоровы. Удивительный случай! После того, как вы столько времени провели в ледяной воде»...

Попов аж подпрыгнул от захватывающих картин услышанного повествования. Описание ресниц и груди, видимо, до невозможности тронуло его пылкое воображение.

– А ты, а ты что?... – умоляюще спросил он, таким тоном, будто от ответа Евменова зависел исход всех будущих сражений, в которых было на роду написано участвовать Попову.

– А что я... – Евменов сделал многозначительную паузу и по-гусарски потер подбородок. – А я ей говорю: «Ниночка, душа моя, на свете происходят случаи еще более удивительные... Вот, – говорю, – если бы в том же Днестре – только летним, знойным днем, досыта назагоравшись, – вы провели бы со мной чуточку больше времени, случилось бы нечто еще более удивительное!

– Душа моя... – как бы пытаюсь запомнить, повторил Попов, а потом опять к Евменову – с вопросом: – А она что? Нина – что?

Тут Евмен как-то разом весь свой гусарский апломб и растратил.

– А что она, – он, вздохнув, провел ладонью по щеке. – Врезала мне. И хамом обозвала. Вот и все лечение.

– Ну, – поднял Аникин свой котелок, – посему выпьем – за верные методы лечения!

– Будем здоровы! – откликнулись все вразнобой и сомкнули котелки. – Будем...

VI

– Кстати о здоровье, – серьезным тоном спросил старшина. – Как там наши?

– Не шибко весело... – нахмурился Евмен. – Особенно с Зайченко худо. Воспаление у него, по ходу. И пальцы на руках отморозил.

Все замолчали. Тягостную паузу обычно первым прерывал Зайченко. Андрей почему-то подумал об этом среди наступившей тишины.

– Ладно... – откашлявшись, выдохнул он. – Главное, жив остался. Девочек и без пальцев щупать будет. Есть там еще что налить?

– Есть, командир. Дед Гаврил нас хорошенько сегодня снабдил. Мы ему про разведчиков рассказали.

– Вот и выпьем за наших разведчиков. За то, что сходили к фашисту и живыми вернулись. Давайте, парни, за удачу.

Евменов совсем посмурнел.

– Да какая там удача, товарищ командир... Эх, мать ее. Я во всем виноват, я старшим был назначен. Мы ведь фрица с собой тащили. Почти

довезли его до берега. И в последний момент упустили. Вот досада. Камнем на дно ушел наш «язык».

– Видать, тяжелый язык-то попался? – сострил кто-то.

Но Евменов шутки не понял.

– Да ты подумай: по такой холодине, в шинели... – совершенно серьезно принялся разъяснять он и, помолчав и выдохнув, одним глотком выпил содержимое котелка. – Да еще со связанными руками... Вот тебе и готовый топор на дно, – переведя дух, закончил разведчик.

– Эх, черт подери! Какая там удача... Зайченко, дурья башка. Все из-за него получилось так нескладно. Добрались уже до берега. А он возьми, да не выдержи. Немцы вышли на нас. Мы затаились. Я с Байрамовым поодаль, за стволом поваленным оказался. А Зайченко впереди нас. Это он вызвался плот наш найти. Спустился к самой воде. «Я узнаю, – говорит, – то самое место, где мы плот оставили». Ну, и попер туда, это значит, плот отыскивать. А тут эти немцы. Они поначалу мимо себе шли. Решили не трогать их – пусть топают. Нам же шума подымать нельзя было. К реке уже выбрались. Да и двое их, ножами – опасно, как бы суматохи не вышло. Так вот... Прошли они вроде, а один вдруг останавливается, второму что-то быстро так лопочет и руки кверху подымает: «Грязные, мол, пойду помою». И спускаться стал, быстро так И прямо на Зайченко. Его бы ножом. Да, где там... Мы даже дернуться не успели. А Зайченко... Они нос к носу столкнулись. Немец остолбенел от неожиданности. И Зайченко... Тоже, видать, чуть в штаны не наложил. Эх, лучше бы он, в натуре, об...ся. У него от страха другой рефлекс сработал. Он возьми и выстрели. В упор ба-бахнул, прямо немцу в башку. То есть в лицо. Снес его напрочь. Тот, как стоял, с черепушкой вскрытой и плюхнулся прямиком в реку. Ну, мы сразу ко второму, хватаем его и деру. Плоты никакого там не было. Высоко мы вышли, надо было ниже, вдоль русла, спускаться. А Зайченко... Его мозгами фашистскими при выстреле забрызгало, и сам не свой сделался. Все хотел второго немца кокнуть на месте. Да... ясное дело, шум подняли, жди хвоста. Мы с немчурой этим пробежку затеяли. Пришлось ему руки связать, а тут Зайченко плот обнаружил. А дальше... Дальше, в общем, вы знаете...

VII

Евменов замолк, а потом вдруг встрепенулся.

– Эй, кто там, на разливе? Чего наливаете наперстками какими-то. А ну, плесни полную котелочную...

Аникин кивнул разливающему, и тот послушно наполнил прозрачной, рубиново-красной струей котелок Евменова до самых краев.

– Ну, будем... – просто сказал разведчик и, выдохнув, принялся пить. Он пил долго, медленно поднимая котелок все выше и выше, так, что становилось видно, как ходит вверх-вниз ходуном большой выпуклый кадыку него по шее. Наконец, опустошенная солдатская емкость зависла кверху дном, чуть не упираясь в положенные в три наката бревна.

Все, кто находился в блиндаже из отделения, отпив свои граммы, замерев, ожидали, когда допьет Евменов. Он медленно отнял и опустил на колени посуду. На бритом, дубленом его лице, под носом, осталась чернильно-красная полоска.

– А-а... – пьяно и облегченно выдохнул солдат.

– Вот, у Евмена и усы выросли... – произнес Попов.

Тот, услышав свое прозвище, невидяще мутным взглядом нашел сказавшего. Зрачки его, буравившие двумя черными углями, не сулили ничего хорошего.

– В смысле – винные, – виновато оглядываясь и одновременно ища защиты, проговорил Попов.

– Попов, утомись. Тебе на часы еще заступать, – строго сказал старшина. Оглянувшись на разведчика, Аникин покачал головой: – Тебе бы выспаться, Евмен. Сложные сутки выдались.

– Выспаться, выспаться... – вдруг произнес Евменов каким-то другим голосом. Он сделался глуше и напряженнее. Будто через горло его пропускали электрический ток.

– Выспаться... хорошо бы. Да только сон не идет... Ребят из штрафной загубили... у всех на глазах. Капусту мясную из них сделали и в борще днестровском сварили. И я, когда плот вчера подо мной развалился... Я вдруг почувствовал такой страх. Я в Николаеве у смерти в пасти сидел и такого страха не чуял. А здесь, когда тонуть стал... Вдруг ребята из штрафной мне причудились. Каково им было на дно идти? Чертова эта разведка... А мы так хорошо начали. Нам фартило, командир. Поначалу нам очень фартило. Я должен был понять. Если вначале так фартит, когда-нибудь это должно было плохо кончиться. А тут этот Зайченко... Ну, да ладно.

– Вы выполняли приказ, Евмен, – без всяких эмоций произнес Аникин.

– А на войне случается всякое... Вы вернулись, и это главное. А Зайченко... С его способностями он должен быть рад, что он башку оторвал немцу, а не наоборот...

– Да, ты прав, командир... – говоря это, Евменов слегка покачивался. Но говорил он внятно и четко. Только голос его становился все глуше, как будто озлобленнее.

VIII

– А ведь нам поначалу очень везло... Это была хорошая идея, командир. Твоя идея, старшина: переправиться в ночь, спуститься вниз по течению, за Турунчук, и сплавляться оттуда, как будто какой-нибудь мертвый топляк. Мы сделали все как по писаному. У нас получилось выдать себя за топляк. Мы проплыли под носом у немцев, и они ничего не заподозрили... Они даже не поняли, что наша разведка зашла им в тыл. То есть мы... По нашей, размеченной, карте мы отошли от берега вглубь и маршем поднялись в тыл Пуркарам. Там все было, как рассказывал дед Гаврил... Мы прошли через поле, потом через лес, вдоль опушки.

Мы шли осторожно, искали ту самую избушку лесничего, о которой говорил дед. Да, там была избушка. В ней было битком набито немцев. И как они там все уместились? Мы сидели в темноте, наблюдали за ними и жестами удивлялись, сколько немчуры в эту избушку налезло. И вокруг, по периметру, их было много.

Дозоры – под каждым кустом. А мы прошли между ними. Просочились, как ртутные шарики. Они переговаривались между собой, дозорные.

Их не было видно, но хорошо было слышно имена, которые они выкрикивали. «Ганс?!» – окликнет товарища и потом что-то на своем фашистском продолжает лопотать. А тот ему в ответ: «Шульц!» и бу-бу-бу. Тоже, наверное, про баб... Все смеялись, там, в темноте... Их было много. Нам показалось, что этот лес и опушка кишели немцами. Мы даже заволновались, и Зайченко... он стал паниковать. Он хотел что-то сказать, но я сжал его горло... Может, я удерживал его слишком сильно. Но больше он уже ничего не хотел мне говорить.

Немцев, дозорных... их не было видно, но было хорошо слышно. Это помогло нам пройти мимо них. Нас не было видно. И не было слышно. Мы старались идти бесшумно и прошли через эту опушку. Я смогу показать на карте, командир... я все запомнил, где они стояли. И мы вышли в поле, и там встретили немца. Там были окопы. Вторая линия обороны. Второй эшелон. Он вышел до ветру. Может быть, его стоило взять с собой. Как «языка». Взять его, и сразу возвращаться назад. Но с немцем мы бы не прошли обратно. Там было слишком много постов. Их было полно в лесу. Их голоса. А этот немец. Он стоял у самого края поля. На поле выходил край той самой опушки и дальше торчал из земли засохший бурьян. Это поле давно никто не обрабатывал.

IX

Мы выползли прямо на этого немца. Я еще подумал, что это родник.

Журчало в темноте. А потом смотрим – немец... Мы наскочили на него совсем неожиданно. Я принял решение с ходу. Мы даже не успели остановиться. Он стоял к нам спиной. Он даже не услышал, как мы появились у него за спиной. Я вытащил нож, трофейный, немецкий, из нержавеющей стали. Я долго точил его перед самой разведкой. Это здорово успокаивает. Мой нож...

Евменов неуловимым движением двинул рукой. И вот уже в руке его сверкнуло блестящее лезвие с кровостоком.

– Мой нож всегда заточен, как бритва... Немец даже не ойкнул, когда я провел лезвием по его натянувшемуся, как барабан, горлу. Разрез был глубоким, и я почувствовал рукой, как хлынула из раны горячая фашистская кровь. Он справлял в этот момент малую нужду, и руки его были заняты, и я, когда перерезал ему горло, слышал, как продолжала журчать по земле струя его мочи. А он уже был мертв. Вот его документы, старшина... Тут и фотографии... Все, к черту, намокло... Чтоб в полку было видно, что мы завалили того фашиста...

– Пусть они будут у тебя, Евмен. Сам отдашь комбату, – ответил Андрей.

– Хорошо, командир. Да, мы оттащили того немца к опушке. Лицом вниз его положили, в овражке. Там все было завалено гнилыми ветками... Байрамов взял его карабин. И патроны, а я – документы... Мы стали двигаться осторожнее. Мы засекли их позиции. Траншея тянулась вдоль кромки поля, до самых неясных огоньков, мерцавших вдали, к северо-западу. Там было село. Мы это поняли и решили выйти к селу, сделав крюк, пройти еще дальше вглубь. Так, чтобы не пересечься с траншеями второго эшелона. Перед дорогой мы совещались. Присели на корточки, и я объяснил, как я вижу наше дальнейшее движение. Нам надо было подобраться как можно ближе к селу, и разузнать как можно больше про этих хваленых «пятисотых». На том солдате, которого я полоснул, никаких особых знаков не нашли. Нашивки у него были только за ранение. На рукаве. Я подумал, если бы что-то отличительное у него было, я бы запомнил, а потом по памяти нарисовал бы там...

Евменов кивнул куда-то вверх блиндажного потолка, подразумевая армейское начальство.

– Тот был обыкновенным пехотинцем... Байрамов не хотел, чтобы мы двигались вглубь. Он предлагал пробраться вдоль поля и ближе изучить ситуацию с траншеями. Там все было изрыто переходами и траншеями. Потом, когда прожектора осветили эту местность, мы увидели, сколько там фашистов.

Зайченко вообще предложил вернуться к реке и по дороге взять в плен одного из дозорных. Кто знает, может быть, его план был бы лучше. Или Байрамова... Но я решил по-своему. Мы двинулись вперед, наискось через поле, стараясь подальше уйти от позиций второго эшелона. Да... кто знает, черт побери. Может быть, Зайченко был прав, и нам нужно было сразу уходить обратно в лес.

Х

Мы прошли немного, может быть, метров двадцать... Мы слышали голоса. Они шли прямо на нас. Так нам показалось. Мы упали на землю. Повалились в засохший бурьян. Мы лежали там, в этом чертовом поле, и слушали, как прямо на нас надвигаются фрицы. Им было весело. Они смеялись, громко переговаривались. Они шли со стороны села и были пьяны. Голос окликнул их откуда-то из-за наших спин, сбоку. Со стороны их позиций. Я положил палец на курок своего автомата.

Мы были готовы открыть стрельбу. Они надвигались прямо на нас, вот между нами остались какие-то метры. И вдруг, услышав этот голос, они остановились. Кто-то из этой группы ответил на оклик. Потом они стояли и переговаривались. Потом они закурили. До тех, кто стоял ближе, было не больше двух метров. Мы лежали на этой траве, застыв от напряжения. Земля была очень холодная. Хорошо, что там еще остался засохший бурьян. Так бы они нас обязательно заметили.

Они стояли и никак не уходили, и мне казалось, что нервы мои сейчас порвутся, как струна. А от них расходились клубы никотина. Этот запах лез мне в ноздри и словно подталкивал: стреляй, стреляй. Но я так и не выстрелил. И Байрамов, и Зайченко... Он выстрелил позже. Но там он сдержался... Немцы вдруг стали петь песню. Они запели ее тихо-тихо. Какой-то марш... Так они пели стоя, а потом повернули в сторону того оклика и пошли туда, продолжая петь.

А мы еще пару минут отходили от напряжения, а потом двинули дальше. У нас был свой план, и мы собирались ему следовать. Так говорил наш лейтенант Олышанский. Он говорил: «Если ты принял в бою решение, никогда не меняй его. Следуй ему до конца». Так мы добрались до села. Мы не входили в село. Собаки сразу поднимали лай. И в каждой хате можно было нарваться на немцев. Немного выждав, мы обогнули село по кругу. Надеялись встретить кого-то из местных. Но кто будет шастать в поле на ночь глядя? Все сидели по домам, топили свои печки. Ветер разгонял по округе запах сгоревших дров из печных труб. Никого мы не встретили. Мы шли очень осторожно, выжидали и снова шли.

ХІ

Дальше, с другого края села, горели большие прожекторы. Там слышался непрерывный лай собак Гудели моторы. Это были армейские грузовики. Они двигались вдаль, по проселочной дороге. Она уходила дальше на северо-запад. Там было много солдат. Я бы узнал эту дорогу на карте. Наверное, там начинались позиции артиллеристов. Мы разглядели в свете прожекторов несколько пушек. Грузовики, которые подъезжали под этот яркий свет, тут же начинали разгружать. Они выгружали боеприпасы. Много ящиков. Большие ящики. Похоже на крупнокалиберные снаряды. Несколько машин... И много солдат, но суеты никакой не было. Доносились крики их командиров. Они очень четко осуществляли разгрузку. Исполнительные, гады. Прямо руки чесались пальнуть в них. Или кинуть гранату. Я вполне мог до них добросить. Мы подобрались очень близко. Вся бы их дисциплина пошла кувырком...

Но стрелять мы не стали, а решили вернуться. Поле прошли без проблем, а в лес не полезли. Чтобы судьбу не испытывать. Взяли правее, оставив избушку лесника в стороне. Вроде мы все рассчитали и учли отклонение от маршрута. Но мы промахнулись. И на точку, где мы оставили плот, не попали. Тогда стали прочесывать вдоль обрывов. Искали наш плот. Очень не хотелось оставаться на этом чертовом фашистском берегу. Ну, кто ищет, тот всегда найдет... Вот мы и нашли на свою голову этих двух фрицев. Нашли... А тот, второй, он совсем... А Зайченко...

Евменов замолчал.

– А дальше что? – раздался голос Попова.

– Тише ты, дальше, – одернули его. – Смотри ты. Спит наш Евмен.

– Да... рассказал сам себе сказку на ночь...

– Ладно вам. Человек с того света вынырнул, а вы тут...

– Интересно, а что дальше-то было?

– Тебе, Попов, что, мама сказки в детстве не рассказывала?

– Не, не рассказывала. Я в детдоме вырос. У нас только нянечка была. Но сказки не рассказывала. Она шваброй нас била. Тех, кто плохо себя ведет.

– То-то я бачу, Попов, ты якись трошки контуженый. Шваброй по темечку, небось, тюкнуло.

– Не... Меня ей не достать было. Больно я шустрый был, – ответил Попов. Он, видимо, к данной теме относился серьезно. – Мы и вино проносили в детдом. Во как...

– А винишко деда Гаврила ко времени пришло.

– Да, Евмену как раз вместо успокоительного. Если Нинка его спровадила без всяких лекарств.

– А то ты не знаешь, какие у Нинки лекарства?

– А ты будто знаешь. Гляди ты, знаток. Ну так баба не от хорошей жизни старается. На войне, вишь, не бабье дело обитать. А она все равно об солдатской душе заботится, как может, ласку дает... Да только такому хмырю, как ты, все одно от Нинки обломится. Пойди вон до бревна с дуплом полечися.

– Слышь, ты, это кто тут хмырь?

– Кто-кто... дед Пихто.

– Ну, ладно, хорош, – урезонил спорщиков старшина. – Знатоки выискались. Евмен всем хороший пример подал. Всем отбиться и спать. А ты, Попов, не забудь про смену. И смотри, не задряхни там, в окопе...

ХII

Спустя пару часов старшину вместе с Евменовым вызвали к командиру батальона. В командном пункте опять собрались младшие командиры. На этот раз было несколько штабных офицеров из полка. Никакого чая и Ниночки не наблюдалось. Комбат много курил – верный признак того, что вопрос на повестке дня стоял серьезный. Карта с участком излучины реки была исчерчена цветными карандашами. Аникин к карте не присматривался. Сидел в уголке. Где уж ему, старшине, командиру отделения, было пробиться к водруженной на стол керосиновой лампе через лейтенантские спины. Пусть вон Демьяненко впереди толчется. Он это любит – поближе к штабу притереться. Выслушали Евменова, комбат вместе со штабными майорами что-то помечал на карте. Чистые grossмейстеры... Е-2, Е-4. Алехины, едрен батон. Придумают шахматные партии, а аникинцам потом их воплощать...

– Как остальные разведчики, старшина? – спросил комбат. Что ж, не забыл, что люди на ту сторону сходили, в волчье логово с головой сунулись...

– Живы все, товарищ капитан... – поднявшись, ответил Андрей. – С Зайченко хуже. Переохлаждение сильное и пальцы, по ходу, отморозил... А Байрамов...

– Хорошо... – перебил его комбат и снова склонился над картой. Как будто ни Аникин, ни Евменов не стояли сейчас перед ним и другими штабными по стойке смирно.

– Разрешите Евменову идти, товарищ капитан. Человек с того берега вернулся, выпасться надо.

– Хорошо... – словно спохватившись, сказал комбат. – И ты тоже двигай. Ждите отдельного распоряжения. Но, в любом случае, начинайте строить плавсредства. Чтобы все отделение могло форсировать... Понял?

– Так точно...

– Да... и зайди по дороге к начхозу. Пусть Евменову выдаст дополнительную порцию. И еще «наркомовские» сверху. Я-то знаю, вы компот местный пить горазды. Да только спирт, его компотом не заменишь. Понял задачу?

– Так точно, товарищ капитан.

– Вот и действуй.

XIII

Кухня располагалась рядом с лазаретом. Старшина Сивун, ведавший батальонным обозом и продовольственным снабжением, располагался тут же, при поварах. Чтоб, так сказать, держать все под присмотром. Мужик он был неплохой, но своенравный, часто вел себя по настроению. Должность, так сказать, позволяла. «Так сказать» – это была его любимая присказка. Лепил ее в разговоре, где надо и не надо. В батальоне, за широкой спиной старшины, так и звали Сивуна – Так сказать. Выяснилось, что начхоз уже изволили лечь поживать, и Аникин с Евменовым его разбудили. Тот поначалу вообще не желал откликаться и открывать дверь, но, поняв, по более чем уверенному стуку, что крепкую дубовую дверь сейчас попросту вынесут, справедливо решил все же выйти к бойцам.

– Чего, черти, удумали, так сказать, в такой час являться, – без здрасьте, с порога встретил их Сивун.

– Слышь ты... сейчас дам промеж рог, и вырастет у тебя на лбу третья чертеньчья шишка, – также без церемоний ответил ему Евменов.

– Тихо, Евмен, не кипятись, – осадил его Аникин. Вступать в перепалку и тем более в драку со старшиной и брать штурмом батальонную кухню ему не хотелось. Для подготовки к переправе силы теперь нужны. – Ты нас прости, старшина... За поздний визит. Из разведки хлопцы вернулись... Комбат распорядился дополнительно ужином накормить. И спирту сверх нормы выдать...

– А, разведчики... ну так бы сразу и... – пошел на попятный старшина. Субординацию он знал четко и слово «комбат» для него значило все. – Видел, Андрей, так сказать, твоих в лазарете. Нахлебались студеной водички, так сказать. Ладно, сейчас... идите вон в ту избу... Скажите, я распорядился. Повар выдаст вам кашу. То, что от ужина осталось. Только остывшая. Так сказать, уж извиняйте.

– Ничего, сойдет и остывшая, – обрадованно отозвался Евменов.

– А спирт? – спросил Аникин, удержав дверь, которую было стал закрывать начхоз.

– А спирт у меня нет. Идите вон к Нинке... у нее просите, если

осталось. Она у меня последнее забрала. Говорит: «На медицинские, так сказать, нужды...»

Дверь захлопнулась у солдат перед носом.

– Вот гад! Спирта у него нет, – беззлобно рассуждал Евменов, пока они подходили к указанной начхозом хате.

Достучались до повара. Тот без всяких разговоров вынес на порог полный казан пшенной каши, обильно перемешанной со свиной тушенкой.

– Держи, разведка, наедай ряшку... – приветливо сопровождал вынос повар.

– Ничего себе, – потер руки Евменов, прежде чем принять драгоценную ношу. – Живем, командир...

– Только казан верните... – произнес повар и захлопнул дверь.

– Всенепременнейше, – вдогонку произнес Евменов и, поднеся казан к носу, жадно втянул ноздрями ее запах.

– А-а, ну и пофартило, старшина. Хорошее это дело – в разведку ходить.

– Идем теперь в лазарет, спиртику раздобудем.

– Разреши, старшина, я быстрее в блиндаж. Уж больно жрать охота. Да и вина там еще осталось. Деда Гаврила...

– Ладно, иди. А я все же схожу, навещу наших, – ответил Аникин. – Узнаю, как они там.

XIV

В окнах лазарета тускло горел свет. «Не спят еще», – почему-то обрадовался Аникин. Зайдя во двор, он осторожно постучал в оконце хаты. Мелькнула тень, потом в освещенном проеме показалось лицо в аккуратной белой косынке. Это была Нина. У Андрея кольнуло в сердце. Косынка и красный крестик, вышитый на крахмальной белизне спереди, напомнили ему о Лере, о ее белом теле, таком родном и таком мертвом там, среди других трупов – медсестер и врачей, пациентов, бывших ранеными растерзанного, разбомбленного и расстрелянного фашистскими «лаптежниками» госпиталя.

Нина открыла дверь. Увидев его, она вспыхнула и отвела глаза. И Аникин вдруг почему-то засмутился, замялся на пороге.

– Проходите, товарищ старшина, – торопливо пригласила она. А сама открыла дверь шире и стоит на пороге, как бы приглашая его войти. От этого движения застегнутый на все пуговицы халат ее натянулся, выпятив округлые, накрахмаленные выпуклости груди.

– Смотри, замерзнешь, – все еще не преодолев смущения, проговорил Андрей. Ему пришлось входить боком, лицом к Нине. Глаза их

встретились. На этот раз она уже глаз не отводила. Какие-то неясные, шаловливые искорки мерцали в ее бархатных, бездонно-карих глазах.

– По такой-то погоде? – игриво произнесла она и рассмеялась, показав белые, блеснувшие в полумгле, зубы. – Шутить изволите, товарищ старшина. Вы бы знали, какие у нас под Красноярском морозы бывают...

Она рассмеялась еще пуще. Аникинское лицо овеяло свежим дыханием, будто из самой глубины цветущего сиреневого куста. И разве девичья глубина не то же самое, что цветущий сиреневый куст?

Он ощутил исходящий от нее аромат юности. Тот самый, который ощущался в воздухе. Тот, о котором говорил Зайченко. Аромат весны...

– Да уж, какие тут шутки, Нина... – взяв себя в руки, тихо произнес Аникин уже в сениях. – Видишь, как наших гавриков-то скрутило. Что там разведчики?

Девушка прикрыла дверь, но не торопилась проходить следом за ним внутрь.

XV

– Перестыли оба, – степенно проговорила она, поправляя на голове косынку. – У Байрамова температура. Ангину, видать, схватил. А с Зайченко хуже. В полк его отправлять надо. Спиртом их растерла. Но пальцы он похоже что отморозил... Держался, говорит, за бревно. Они и окоченели. Переохладился сильно. Воспаление началось, бредит...

– Я это, еще зашел узнать... насчет спирта. Сивун сказал, что у тебя спирт остался. Комбат распорядился выдать разведчикам премиальные граммы.

– Сивун? Сволочь он. У него этого спирта... Он у местных самогонку выменивает на консервы и хлеб... – с ненавистью произнесла Нина.

Лицо ее изменилось. Окаменело будто. Андрей еще не видел санинструктора такой обозленной.

– Да, – проговорил Аникин.

– И с бабами спит... за продукты... – зло добавила Нина. – Сама видела, как он водил одну в амбар. А потом она – домой, с буханкой хлеба за пазухой.

– Гнида! – вымолвил Андрей. – А комбат что? Не знает?...

– Да оба они... Вот уже где у меня сидят. – Нина ладонью провела ватерлинию по своей нежной шее. Последние слова она произнесла неожиданно жалобно, со слезами в голосе. Как будто бы делилась с близким человеком наболевшим.

– Тут ведь от бабы всем одного надо... С комбатом живу. Так и эта гнида еще пристаёт. Зажмет в темном углу и шепчет в ухо своим вонючим

ртом: «Давай, так сказать, полюбовно сойдемся, но чтобы капитан не знал ничего»...

Андрей заметил в неярком свете керосинки, как тоненькая голубенькая венка пульсирует у нее под самым подбородком. Ему вдруг нестерпимо захотелось поцеловать эту жилку и ее пахнущие сиреневым цветом губы. Всем одного надо... Права ты, Нина. Ты выстрадала эту правду.

Она умолкла, и Андрей не говорил ни слова. И вдруг Нина порывисто прижалась к нему и обхватила шею Андрея руками. Она ничего не говорила, крепко-крепко вжимая свою щеку ему в грудь. Столько отчаяния и просьбы было в этом порывистом движении, что Андрей так и замер на месте, боясьдохнуть и шевельнуться.

– Ты чего, дуреха?! – наконец дрогнувшим голосом, тихо спросил он.

– Молчи, молчи, – также тихо, но неожиданно властно, по-бабьи, проговорила она. – Когда ты говоришь, я не слышу, как бьется твое сердце.

– Ты чего творишь? – опять спросил Андрей и взял ее за предплечья. Они показались ему нежными-нежными. Она нетерпеливо подняла и прижала свои пальчики к его губам, словно бы запрещая ему говорить.

– Что я творю? – переспросила она, и в голосе проросли те неясные шаловливые зернышки, что искрились в ее зрачках. – Влюбилась я... вот что...

Сказав это, она вдруг прижала свои теплые губы к его губам. И вся, натянув, как струнку, свое молодое, зовущее тело, безоглядно прижалась к Андрею.

Долю секунды губы его были сомкнуты, а потом распахнулись навстречу необоримому потоку цветущего благоухания. Их губы сходились и размыкались, чтобы снова впиться друг в друга с еще большей страстью. В этих промежутках, переполняемая желанием, будто прибывающим из неведомых родников вешним соком, она шептала, как в забытии:

– Влюбилась... влюбилась... люблю... да, возьми меня... бери... бери...

XVI

В блиндаже все беспробудно спали. На подходе, в траншее старшину встретил Попов. Часовой не спал и среагировал как полагалось.

– Стой, кто идет? А, это вы, товарищ старшина...

Попов, подпрыгивая то на одной ноге, то на другой, как мог, боролся с всепроникающим холодом предутреннего, сырого тумана.

– Доложи обстановку, – откликнулся Аникин. Несмотря на бессонную ночь, спать совсем не хотелось.

– А я уже стал беспокоиться... – обрадованно тараторил Попов. –

Мало ли, думаю. Вас все нет и нет. Может, хлебнули медицинского, а потом заплутали, в темноте-то... Тут околеть в два счета можно. Евмен сказал, что вы в лазарет за спиртом пошли.

– Много болтал накануне твой Евмен. По трезвому делу слова из него клещами не вытянешь. А как примет на грудь, так остановить нельзя. Весь свой доблестный боевой путь рассказывает.

– Так это, товарищ командир, – многозначительно поинтересовался Попов. – Спиртику-то удалось хлебнуть? А?

– Не твоего ума дело, – беззлобно приструнил любопытного Аникин. – Ты вон лучше за рекой наблюдай. А то нахлебаешься вместо спиртика водички днестровской... Вынырнет шпион фашистский и утащит тебя на дно.

– Не, товарищ командир, – весело ответил Попов. – Пусть уж тогда лучше русалка какая... На русалку я согласный.

– Ишь ты, сказочник. Какие нынче русалки, нынче холодно. Они только по лету, небось, шастают.

– Ну а если спиртику для сугреву то и холод не страшен...

– Попов, а в ухо для сугреву не хошь? Я тебе быстро щас организую... Чтоб поменьше болтал. Следи за рекой!

– Слушаюсь, товарищ командир. Я же так, товарищ старшина... для шутейного разговора.

– Попов, – угрожающе повторил Аникин.

Солдат вытянулся во фрунт и прижал к себе винтовку.

– Есть следить за рекой, товарищ старшина!

– Так-то вот, – удовлетворенно заключил Аникин и направился в блиндаж.

XVII

Чуть свет по роте объявили общее построение. Хотя с трудом можно было назвать светом серую хмарь, обозначившую начало нового дня. Пока отделения собрались за дамбой, начал моросить мелкий дождь. Демьяненко всех торопил, хотя и так вроде все успевали. Аникинские даже успели привести себя в порядок в смысле «рыльно-мыльного» направления – умыться и побриться.

– Дождя нам и не хватало, – тоскливо произнес Фадеев, невысокий солдат из аникинского отделения, которого за мучнисто-белое лицо и русые волосы прозвали в роте Пельменем.

– А чем тебе дождь не угодил, Пельмень? Боишься, что тесто размокнет? – под дружный хохот подначил его Попов.

– И так холодно, – обидчиво буркнул в ответ Фадеев. – А тут еще за

шиворот льет...

– Знамо дело... в теплом блиндаже сидеть дуже гарно, – ответил Бондарь. – Да тильки по такой хмарной погоде летуны не шастают. А то выгляни солнышко, разогнали бы твою тоску-печаль в два счета бомбовозы фашистские.

– Что, Богдан Николаич, небось, сам-то скучаешь без немецких асов в небе? – с готовностью хмыкнул Попов.

– Малеха есть, – иронично согласился Бондарь. – Зробил бы парочку «мессеров» из своего «дегтяря» заместо завтраку.

Между тем взводный подгонял строй чуть ли не под линейку, то и дело повышая голос.

– Чего это он суетится?... – недовольно бурчал Евменов. Он явно не выспался и теперь был зол на весь мир. А тут как раз и взводный нарисовался как воплощение этого мирового зла.

– Известно чего, Евмен... – тут же вполголоса прокомментировал Попов. – Старшего летеху хочет до зарезу получить. Вот и выслуживается перед начальством.

– И откуда ты все это знаешь, Попов?

– Евмен, тебе ли спрашивать. Ты только из разведки... должбн кумекать, что такое сбор информации.

XVIII

По роте объявили приказ о подготовке к переправе. Началась раздача топоров и пил тем подразделениям, которые незамедлительно отправлялись на лесозаготовки в прилегающие к Незавертайловке сады и лесополосу. Ротный объявил и о том, что в село прибывает инженерно-саперный расчет, личный состав которого будет распределен среди взводов. Спецы из числа саперов будут помогать в подготовке переправочных средств, а также проведут инструктаж по работе с щупами и миноискателями. Из полковой разведки поступила информация, что немцы обложили боковые подступы к своим позициям минными полями.

В числе других лесозаготовщиков оказалось и отделение Аникина.

– Вот еще не хватало. Еще и курсы откроют, учить будут, – раздался чей-то недовольный голос.

– Заткнись, дурья башка! – пресек недовольство Андрей. – В подмогу нам людей присылают. Тут слушать и каждое слово ловить надо. Научат тебя, несмышлениша, как шкуру тебе свою сберечь, чтобы ты с седого Днестра не к рыбам на корм ушел, а к мамке с папкой.

– Молчи, дубина, и делай что говорят, – поддержали командира еще голоса. – А то будешь, как те штрафники, река им пухом.

Лесозаготовщиков тут же направили в обоз, за инструментарием. Получилось ко времени, потому что немцы начали обстрел прибрежных позиций. Несколько снарядов разорвались и неподалеку от построения роты. Перебежав дорогу аникинским, бегом понесли солдата из первого взвода. Лицо его было белым, как вымазанная известкой стена сельской хаты, а из развороченной осколком раны на бедре обильно капала кровь.

– Вовремя мы наряд на бревна получили... – по пути заметил Евменов, оглядываясь на взрывы, один за другим выраставшие около самого берега.

В обозе бойцов снабжали необходимым пиляще-рубящим инвентарем, а также выдавали сухой паек – по полбуханки черного солдатского хлеба и по консервной банке на троих. Сунув Аникину в руки топор, начхоз не преминул ухмыльнуться ему в лицо.

– Ну, чё, старшина, повезло, так сказать, со спиртиком? Или для тебя не нашлось в аптечке санинструктора ничего горячительного?

– А это не твое, так сказать, дело, старшина... – перекинув в руках полученный только что топор, веско и зло ответил ему Андрей. С опаской глянув на нетерпеливо танцующее в руках Аникина топорщице, начхоз торопливо пробурчал, идя на попятный:

– Ладно, ладно, в бутылку не лезь... Из-за бабы еще рубиться удумал... Для лесозаготовок вон силушку побереги...

– Ты за мои силушки не беспокойся, старшина... – спокойно ответил Аникин и многозначительно добавил, почесав лезвием себе щеку: – И тоже... береги себя. А то бывает: против бабы – герой, а против мужского разговора – сопля соплей...

– Следующий! Следующий! – ничего Аникину не ответив, нервно закричал начхоз.

XIX

Время после построения полетело как-то быстро. Отделение поставили на череду тополей, которые росли ровнехоньким рядом вдоль некогда колхозного поля.

– Ишь, как вымахали... – заворуженно, будто смакую предстоящую работу, проговорил Бондарь. – Аж рубить жалко.

– Ничего, Богдан Николаич, фашистов прогоним, колхозники новые тополя посадят... – заметил Попов.

– И то верно, – кивнул Бондарь. – Хоть что-то здоровое от тебя услышал, Попов. Ну, взялись за гуж...

Аникинцы включились в работу со вкусом, даже с наслаждением, в аккурат, как в пословице: лес рубят – щепки летят. Только не было в этих словах для солдат никакого второго смысла. Щепки так и летели во все

стороны. Работа на лесозаготовках кипела. Топоры только и мелькали вверх-вниз, сплошным перестуком накладываясь на непрерывное «вжик-вжик» двух двуручных пил. Не часто на фронте удавалось приобщиться к мирному делу, до которого стосковались у всех руки. И вот уже никто не замечал ни дождя, насквозь промочившего шинели и полушубки, ни раскисшей грязи, в которой прочно увязали сапоги.

– Осторожно, берегись! – зычный окрик Бондаря расчистил от работающих место падения очередного дерева. И вот оно с шумом и треском, перекрывающим гул канонады, рухнуло в мокрую, мягкую, как перина, заждавшуюся хозяйских рук землю.

За рухнувшее дерево тут же брались топоры, стесывая сучья и ветки. Бондарь, методично, одним ударом оттапывая толстенные суки, то и дело останавливался, принимаясь счищать налипавший на сапоги жирный, как черное масло, чернозем.

– Ну и земляца, – не переставая, восхищался он. – Чистое сливочное – земляца! Тут, небось, палку воткни, и плодоносить начнет.

– Богдан Николаич, ты лучше с бабой попробуй. Оно надежнее выходит. Насчет плодоношения.

– Ну, Попов, я тебе щас язык-то обкорнаю, – среди дружного хохота грозил Бондарь обухом языкатому остряку. – Заместо бревна пойдешь. Ты же у нас не тонешь. Ротный сказал использовать все подручные средства. А ты же у нас из того материала, который не тонет...

Топор в руках Аникина так и мелькал. Он чувствовал, как руки стосковались по мирному труду. Можно даже было представить, что бревна эти они заготавливали для какой-нибудь постройки. Хотя, конечно, в России избу или клуб из тополя никто строить не будет.

XX

Спал Андрей не больше часа. Но никакой усталости не ощущалось. Наоборот, что-то совершенно другое, похожее на опьянение, кружило ему голову, бурлило в жилах, будто молодое вино. Хотя никакого спирта он не пил, ни перед сном, ни тем более сейчас.

Нина... Он, в мокром полушубке махавший топором как заведенный, был здесь, сейчас, под хмурым низким небом. А мысли его – там, в тесной комнатенке, примыкавшей к большой «каса маре»[7], которую приспособили под батальонный лазарет. Андрей предлагал уйти куда-нибудь на сторону, приютиться у кого-то из местных. Но Нина неожиданно воспротивилась.

– Здесь раненые, – убеждающе шептал он.

– Раненые спят, – непреклонно отвечала она в ответ, касаясь его лица

ладонями.

– Кто-то наверняка не спит.

– Ну и что?! Не их дело.

Андрей, беспокоясь больше за Нину, был удивлен ее реакцией. Он, уже ощущая, что теряет власть над своей выдержкой, предпринял последнюю попытку вразумить девушку.

– Нина, понимаешь, комбат... если узнает...

– Ну и пусть! – с неожиданной отчаянной бесшабашностью прошептала она. – Пусть узнает.

Горячая волна, вызванная жаркими, страстными поцелуями Нины, накрыла его с головой. Уже ни на что не обращая внимания, он, приподняв, обхватил ее и так, в охапке, осторожно отнес в ее комнатку.

«Люблю... люблю... по любви хочу...» – все шептала Нина, пока они, спеша урвать у войны секунды жизни, торопливо расстегивали пуговицы своих гимнастеров и скидывали в темноте свою одежду прямо на пол. Старая пружинная кровать Нины, пахнувшая свежестью простыней, предательски закрипела, и Андрей, подхватив налившееся тяжестью женственной красоты тело девушки, бережно опустился с ней прямо на пол, на брошенный посреди комнатки полушубок.

Они осыпали друг друга поцелуями, и она продолжала шептать, а потом уже не могла говорить, борясь с неодолимым желанием отозваться несдержанным стоном на каждое движение его сильного, ритмично напиравшего тела. Темнота и ласки Нины, ощущаемые на ощупь, впитываемые подсознанием, добавляли Андрею пьянящего ощущения полета и кружения, заставляли напрочь забыть, что кругом война и они – в самом эпицентре смертельного урагана, забыть, что и где с ним происходит и кто он такой. Забыть... забыть... забыть...

А потом они лежали на полушубке, постепенно, по капельке, обретая испарившееся вместе с росой любовного пота сознание, выплывая по чуть-чуть, потихонечку, из этого забытья.

Они опять возвращались в здесь и сейчас, где были артобстрелы и смерть, подготовка к переправе, где были комбат и начхоз. Где была война... Но еле уловимый запах цветущей сирени продолжал преследовать Андрея. Не отпускал он и здесь, среди стойкого, не перебиваемого даже стылым дождем запаха спиленной древесины.

XXI

Стволы, обтесав и распилив надвое, в несколько подходов отнесли к берегу. Аникина и других командиров тут же вызвали в командный пункт батальона. Туда уже прибыли передовые подразделения саперного полка.

В суматохе, передвижениях большого количества людей ощущалось, что затевается что-то серьезное. Видимо, ощущение это, минуя широкую водную преграду, по воздуху передалось немцам. Они стали еще сильнее обстреливать береговые позиции и дальние подступы к селу. К артиллерии добавились минометы. Какой-то новый, неясный гул вкрался в звуковую картину канонады с правого берега.

– Самоходки... Похоже на «Фердинанды», – прислушавшись, произнес один из саперов. На лице его, запачканном брызгами грязи, ясно прочитывалась сильная усталость. Он словно бы угадал мысли Аникина.

– Ох, и трудно пробирались, – проговорил он с обреченным безразличием в голосе. – Дороги развезло. Телеги с барахлом нашим понтонным еле тащились. Думал, совсем увязнем. Эх, жаль, шанцевый инструмент отстал. Теперь до ночи ждать придется. Вместе с остальными частями, видать, придут.

– С остальными? – настороженно переспросил Аникин.

– Ну да, вся рокада в сторону села вашего... как, бишь, оно называется?

– Незавертайловка.

– Ага, Незавертайловка, забываю все время. Так вот, – продолжил сапер. – Техники и людей – сюда умеренно движется. Пехота, минометчики, артиллерия.

Андрей ничего не сказал. Если то, что говорил сапер, правда, то в самом ближайшем времени следовало ожидать тут серьезной заварухи. Неужто будут форсировать крупными силами? Внутри отчего-то вдруг родилось ощущение светлой надежды. Выходит, не одни они ползут через реку, не бросят их, как обреченную горстку штрафников, на съедение волкам фашистским... Хотя никакой официальной информации на этот счет не было, услышанное от сапера будто тяжелую колоду сняло с Андреевых плеч. Эх, семи смертям не бывать, а помирать не страшно, когда ты не сам по себе, а часть мощного железного кулака, который крушит неприступные фашистские бошки.

XXII

Андрей так обрадовался, что не сразу расслышал вопрос сапера. Тот спрашивал про наличие оставшихся от противника трофейных переправочных средств. Узнав, что таковых попросту не осталось, сапер совсем приуныл. Но уже через секунду, потрянув головой – будто пытаясь отогнать от себя и кислые мысли, и неодолимое желание выпаться, – сапер неунывающе спросил:

– А с древесиной что?

– Заготовливаем, – подтвердил Аникин. – Бревна из лесопосадки, доски и прочее, что на плаву, местные жители предоставляют.

– Вот! Другой разговор, – совсем развеселился сапер. – Мы из бревнышек такие переправочные сварганим. Фриц обо...ся от зависти...

Аникин и другие, стоявшие в ожидании выхода комбата, невольно рассмеялись словцу сапера.

– Да уж... – в тон саперу продолжил Андрей. – Эти гады отличаются недержанием. Только пока по части мин, снарядов и прочего стального дерьма...

– Это мы уже заметили, – вздохнув, произнес сапер. – Кстати... – приложив к шапке-ушанке руку, он представился. – Замкомвзвода инженерно-строительного отряда саперной роты, старший сержант Сергей Бойченко. Можно просто – Серега...

– Старшина Аникин, командир разведотделения третьего взвода второй роты... Можно – Андрей, – отрекомендовался Аникин.

Тут стали подвозить отставшие поначалу телеги с инженерно-саперными приспособлениями. На нескольких были вытянутые сигарообразные цистерны или баллоны.

– Это основа для плотов. Как поплавки используются, – пояснил старший сержант. – Секция одна, из них собранная, – до взвода может переправить. А если их составить, плавучий мост получается. Технику можно перегонять.

XXIII

После ускоренного совещания спецов-инженеров распределили по подразделениям батальона. В третий взвод второй роты попал старший сержант Бойченко.

– Ба, знакомые все лица! – воскликнул он, придя к кромке берега, куда солдаты из третьего взвода, в том числе и аникинцы, переносили бревна с места их заготовки.

– Эх, тебе бы поспать полчасика, старший сержант, – с участием сказал саперу Аникин.

Тот только отмахнулся рукой и изобразил на усталом лице подобие бодрости и оптимизма.

– Некогда нынче. На том берегу выспимся, – браво, по-солдатски ответил он и незамедлительно приступил к своим обязанностям.

Под руководством бойцы формировали конструкцию из баллонов, потом крепили ее в одно целое. Сапер, используя в руководстве метод «Делай, как я», сам непосредственно участвовал во всех этапах инженерии переправочного средства, причем, несмотря на усталость и усилившийся

обстрел со стороны правого берега, делал это с шуточками и прибаутками.

Наверное, и поэтому работа спорилась, и уже не позже, чем через час, к поплавочной основе стали крепить бревенчатую часть. Здесь в ход пошли тросы, веревки и даже банка огромных гвоздей, которые обухами топоров, с подачи сапера, экономно загоняли в округлые бока бревен в самых важных – «сцепочных», как выражался Бойченко, – местах.

Задолго до обеда переправочное средство было готово.

– Эх, теперь главное, чтобы гады своими снарядами его не распатронули, – говорил Серега Бойченко, с любовью и вниманием оглядывая готовый плот. Как будто это была его любимая яхта для увеселительных прогулок.

– Сколько раз такое бывало. Трудишься, делаешь. И только последний трос увязал... Ба-бах!

Снарядом в щепки. И вся работа – коту под хвост. Да еще вдобавок парочку ребят – на тот свет... А то и еще хуже. Когда погрузится на плот толпа народу, отчалит от берега, а по ней фашист из всех видов шмалит. А потом – ба-бах! Прямое попадание.

Аникин подошел к старшему сержанту и дернул его за рукав.

– Серега... ты это, придержал бы свои воспоминания. Оно, понятное дело, у каждого есть что вспомнить...

Бойченко устало выдохнул и спросил:

– Старшина, ты с какого времени на фронте?

– Я с сорок второго, с весны. А зачем тебе?

– Да так... вопрос снимается, – уважительно, снова стряхивая усталость, ответил сапер.

– Ты пойми, Серега... Этим парням скоро на этих поплавках на ту сторону плыть, – рассудительно пояснил Аникин. – Сам видишь, фашист старается. А что будет, как форсировать полезем? Вряд ли прогулка обещает быть увеселительной.

– Похоже на то, старшина... – понимающе кивнул сапер. – Ладно, ладно, я все понял. Но ты, старшина, если с сорок второго лямку тянешь, лучше меня понимаешь, что говори не говори, а чему быть, того не миновать... И если суждено будет мне фашистской в этот...

– Старший сержант! – с настойчивыми, жесткими нотками в голосе окликнул Аникин. – Мы вроде как договорились. Это мы с тобой понимаем, а есть народ совсем необстрелянный.

– Ладно, ладно... – торопливо согласился сапер.

Он дружелюбно, в шутку поднял руки – мол, сдается, и показал жестом, что закрывает рот на замок.

XXIV

До третьего взвода добрался и замполит. Остановился возле аникинских. По желчному, иссушенному его лицу было видно, что страсть как хотелось Вобле придраться к каким-нибудь недоработкам. Но бойцы вместе со своим командиром не давали никаких шансов обвинениям в ротозействе и разгильдяйстве.

Досрочно завершив постройку доверенного им переправочного средства, бойцы, с разрешения командиров, переметнулись помогать отстающим от графика соседям по роте.

Лейтенанту, не солоно хлебавши, пришлось объявить, собственно, о том, ради чего он был послан комбатом, – объявить об очередном сборе в командном пункте.

– Ох, что-то зачастили мы с совещаниями. Не иначе большое дело готовится... – заметил Андрей, распорядясь по отделению заняться тем, кто освободится, чисткой личного оружия.

Будто бы в подтверждение его слов серое, дождливое небо заполнила новая волна грохочущей канонады. Оглушающая, она возникла в противовес немецкой, совсем рядом, казалось, возле самого уха. Нарастающий рев и гул, окатив и накрыв с головой всех, кто был на берегу, ушел на ту сторону. Секунду спустя волна рева и грохота вспенилась на Пуркарском плацдарме и прилегающих холмах чередой взрывов средней и малой мощности.

– Ого, наши дали огня! – прокатился оживленный ропот среди бойцов.

– Вишь, бьют не издаля, как раньше, – рассуждал Бондарь. – Откуда-то из-под самого села. Неужто перебазировались?

XXV

Предположение Богдана Николаича косвенно подтверждали слова сапера о том, что в село перебрасываются дополнительные силы.

Окончательно все подтвердилось у комбата. Майор Дедов, верховодивший на совещании, довел до присутствующих информацию о том, что полк практически в полном составе движется по направлению к Незавертайловке. Артиллерийский дивизион, имеющий в наличии ЗИСы[8], уже развернулся на подступах к селу и проводит массированную артподготовку, колошматя линию обороны немцев. Им вдогонку, южнее села, размещается минометная батарея.

– А теперь слушайте все внимательно. И не говорите потом – когда будут ставить к стенке за неисполнение, – что не слышали. У кого память девичья – могут записать...

Батальон обеспечивает первую, ударную волну переправы. По сигналу

ракеты начинаем форсирование. Задача одна – зацепиться за правый берег, зарываться в землю и расширять плацдарм, обеспечивая прикрытие частей, которые на подходе.

Бойцы батальона, удерживаясь на правом берегу, стягивают на себя всю огневую мощь фашиста с Пуркарского плацдарма и прилегающих высот. Все это время огневую поддержку наших на правом берегу осуществляют артиллеристы и минометчики. По батальону задача ясна?...

– Задача ясна, товарищ майор, – ответил за всех комбат, сумрачно склонившись над картой. – Мы переправляемся по прямой?...

– Непосредственно против села... – уточнил майор Дедов.

– То есть под самым носом у фашистской обороны Пуркарского плацдарма...

– Это ваш сектор форсирования, товарищ комбат... – не терпящим возражений голосом повторил майор. – В это время южнее села военностроительный отряд возводит понтонную переправу. Там будет проводиться перемещение на тот берег основных наших сил. Их прикрытие обеспечивают – батальон с плацдарма, удерживаемого на правом берегу, и силы артдивизиона и минометной батареи – с левого берега. И еще одна важная информация...

XXVI

Майор сделал паузу, как бы выделяя особое значение того, что он должен будет сейчас произнести.

– Наша полковая разведка и данные подпольщиков выявили наличие в селе Пуркары большого количества парней призывного возраста из числа местных. Они в свое время были насильно призваны румынами в свои части, но дезертировали и теперь скрываются в домах и подвалах местных жителей.

– Ну да... подвалы-то у них глубокие, – попробовал пошутить взводный Демьяненко. Но майор резко оборвал его:

– Не время сейчас шутить, лейтенант. Будешь шутить, когда на Пуркарский плацдарм залезешь. Так вот... Как передали нам из бессарабского подполья, в селе дезертиров скрывается до двухсот человек. Они готовы выступить против фашистов, одновременно с началом форсирования Днестра. Кое-какое вооружение у них имеется. Батальон пойдет на переправу, а они одновременно ударят в тыл немцам. Потому и сигнал к началу боевых действий будет один и для них, и для вас – три красные ракеты. Ясно, командиры?...

– Так точно, товарищ майор... – за всех произнес комбат.

– Вот бы еще авиацию... нам в поддержку, – не выдержав, ляпнул

Демьяненко.

Комбат и Дедов оба просверлили его испепеляющими взглядами.

– Вот бы да кабы, товарищ лейтенант, только в сказках бывает... – процедил майор. – Мы запрашивали авиацию, но в силу нелетной погоды и низкой облачности в авиаподдержке нам отказано. Впрочем, – он с усилием надавил голосом на последнее слово. – Считаю, что средства, которыми мы располагаем на данный момент, позволяют успешно провести намеченную операцию. Сами видите, бойцы... на батальон ложится основная нагрузка...

Голос майора Дедова потеплел. Он оглядел всех стоявших вокруг стола.

– Вас призывать к мужеству не буду, потому как не первый день вас знаю и в деле видал. Знаю, что в батальоне – настоящие мужики и воины. Поэтому и разговоры разговаривать нечего. Сделаем этих гадов...

– Не извольте беспокоиться, товарищ майор... Непременно сделаем...

Глава 6.

ЗАХВАТИТЬ ПЛАЦДАРМ!

I

Отто не сразу увидел эти ракеты.

– Смотри, смотри, – дернув его за рукав, закричал Арнольд. Отто обернулся к реке. Он, как и все остальные в роте, завороченно смотрел на реку. Они взвились над ней, три, ярко-красные. Оставляя на серой промокашке неба пушистые мутно-белые дымные следы, описали параболы и с шипением плюхнулись в реку.

– Что бы это значило? – спросил Арни.

– Не думаю, что сигнал к окончанию стрельбы... – произнес Отто и инстинктивно пригнул голову пониже к краю бруствера. В руке он сжимал обломок палки с приделанным к концу остро заточенным напильником. Таково было распоряжение майора: «Испытуемый Хаген сам выбрал себе оружие, с которым он будет воевать против русских».

– Что бы это значило?! – вдруг раздался крик Лотара возле самого уха. – Сейчас, испытуемая дурья башка, ты узнаешь, что это значит... Это значит, русские начнут вытряхивать из тебя все дерьмо, которое ты успел накопить за свою треклятую жизнь!... – Лотар орал, как заведенный. Это

действительно было похоже на включенный радиоприемник. Вот только с тембром голоса диктора пропагандистской передачи в очередной раз выходила промашка.

Режущий слух писк обер-лейтенанта действовал на нервы сильнее, чем грохот артиллерийских выстрелов и рев летящих мин. А обстрел позиций «пятисотого» батальона шел непрерывно. За несколько минут до этих ракет обстрел со стороны русских превратился в какой-то нескончаемый адский грохот. Положение ухудшалось тем, что русские перебазировали свои артиллерийские и минометные расчеты. Теперь они били откуда-то из-под самого села. Поэтому и огонь велся более прицельный, нанося ощутимый урон засевшим на подступах к Пуркарскому плацдарму.

Гаубичникам из немецкого артдивизиона тоже, судя по всему, приходилось несладко. Русские начали свою артподготовку именно с них, обрушив на северные склоны Пуркарской высоты шквал огня. Судя по тому, как теперь оттуда огрызались вялыми, одиночными выстрелами, дивизион разметало к чертям собачьим.

Положение спасали прибывшие накануне самоходные установки. Ни Отто, ни другие штрафники не знали, сколько «Фердинандов» расположилось в глубине оборонительных позиций. Но гул их моторов, который всю ночь стоял в воздухе, помогал испытуемым по крупицам собирать в себе силы для обороны. О том, что русские что-то затевают, стало понятно еще с утра. На левом берегу начались заметные перемещения. Вдоль берега развернулись строительные работы. Иваны сколачивали плоты, связывали конструкции для переправы. Некоторые из пулеметчиков штрафного батальона устроили за строившими настоящую охоту. Поначалу им сопутствовал успех. Они радовались, как дети, когда одна, вторая фигурка валилась в прибрежную воду или падала прямо на бревна.

Но потом по этим пулеметам ударили русские пушки. Корректировщики, наверное, смогли точно засечь точки нахождения пулеметчиков-охотников. Один дружный залп батареи 76-миллиметровых орудий русских подавил в батальоне сразу два пулеметных. В третьем ранило подающего ленту.

Майор Кёниге был вне себя от бешенства. Он рвал и метал и, связавшись с командованием, требовал подавить артиллерию русских. О том, что ответили майору, можно было догадаться по его вытянувшейся, озлобленной физиономии, когда он выскочил в траншеи и стал на чем свет, ни за что, честить своих адъютантов.

II

Такую же взбучку накануне пережил сам Отто. Голодного, грязного, мокрого, сжимающего единственное оставшееся оружие – острогу, его у самого берега подобрал дозор. Поначалу штрафники не узнали его. Потом один из дозорных, шлепогубый верзила, сказал:

– Да, это Отто Хаген. Он служит под началом Лотара. А как прозвали Лотара?

– Пискалявый, – еле-еле смог проговорить Отто. Вторая за сутки переправа через Днестр отняла у него последние силы. Он уже был готов ко всему, даже к тому, что его пристрелят.

– Точно, Пискалявый, ха-ха, – подхватил верзила. – Ганс, я же говорил, что это Отто Хаген. А где ты раздобыл такое оружие, Отто? Ха-ха! Поменялся с русскими? Это их новое изобретение? Ха-ха-ха...

Второй дозорный не разделял веселого настроения товарища.

– Отведем его к майору, – сухо сказал он. – Пусть майор решает, что делать с этим... индейцем...

Майор Кёниге поначалу был склонен пустить Отто в расход.

– Где твоё оружие, испытуемый Хаген?! – кричал он. Отто старался удержать стойку «смирно», но его покачивало.

– Стоять смирно, испытуемый! Я повторяю вопрос: где твоё оружие, Хаген?

– Я... – еле ворочал языком Отто. – Мой карабин, герр майор... он утонул в реке.

– Утонул в реке? – издевательски переспросил Кёниге. – Так почему ты не нырнул за ним следом, испытуемый Хаген? Почему, я спрашиваю?

Образ майора в глазах Отто стал расплываться, а его крик уже звучал так, будто доносился из пустого ведра. В следующий миг Отто рухнул на пол командного блиндажа. Видимо, это и спасло его от скорой расправы.

– Унесите его... к санитарам. Пусть согреют и как можно быстрее вернут его в строй, – отдал Кёниге распоряжение, неожиданно тихим голосом. – Черт возьми, и так воевать не с кем...

Санитары постарались, и Хаген по прошествии всего лишь нескольких часов, главным образом благодаря порции горячей каши, снова был на передовой. В качестве воспоминаний о купании в днестровской водичке у него остались остаточные явления в легких, как сказал санитар. Иначе говоря, обычный кашель.

III

Смысл эти красных ракет стал практически сразу понятен. Вслед за ними, по сигналу, на том берегу зашевелились солдатские фигурки. Как

муравьи, окружившие одновременно нескольких жуков и прочих крупных букашек, они начали сталкивать свои плоты и большие переправочные площадки в воду.

– Началось, началось, – твердил Арни. Через гул разрывов донесся крик майора. До ушей Хагена долетело только неясное эхо того, что он скомандовал, но Лотар тут же продублировал команду майора так, чтобы все слышали.

– Огонь по плавучим целям! Всеми имеющимися в наличии огневыми средствами! Ни один Иван не должен пересечь реку!

Спущенные на воду площадки были собраны из металлических вытянутых баллонов. Сверху на них выстлали деревянные бревна. Эти переправочные секции имели в воде хорошую устойчивость, были достаточно широки и могли выдержать даже тяжелую технику. Но русские не пускали на переправу никакой техники. Площадки из обтесанных деревянных брусьев заполняли только солдаты.

Вот одна из площадок, забитая почти до отказа, оторвалась от берега и стала медленно дрейфовать вдоль по течению.

Отто и другие штрафники стреляли по ней. Но для прицельной стрельбы было еще далековато. Кто-то из переправлявшихся, оказавшихся на краю, повернутом к правому берегу, пытался организовать ответный огонь. Но опасности для сидевших в окопах штрафников эта стрельба с реки не представляла. Другое дело – минометы и пушки русских. Посланные с левого берега мины рвались прямо в траншеях, убивая и калеча испытуемых. Лотар носился по траншее взад и вперед, тщетно пытаясь отодрать от стен в ужасе вжавшихся солдат и поднять у них боевой дух.

– Подымайте головы, мать вашу, русские приближаются!

Старания обер-лейтенанта с трудом, но возымели последствия. Штрафники понемногу, пересиливая страх перед не прекращающимся обстрелом, возвращались к своим огневым позициям.

– Пусть подберутся поближе, – пищал Лотар. Он вошел в раж и верещал теперь как безумный. – Мы из них лапшу сделаем...

IV

Но в следующий миг боевой дух Лотара и всего взвода подвергся серьезному испытанию, едва не заставив всех бросить оружие.

Неожиданно за спинами штрафников, в глубине второго эшелона обороны, раздались беспорядочные одиночные выстрелы. Когда к этой трескотне добавилось далекое эхо, Отто и другие бывалые штрафники без труда распознали в этом крике нескольких десятков глоток русского «Ура-а-

а!».

– Русские, к нам в тыл вышли русские! – завопили испытуемые и заметались по траншее, забыв про плоты на реке.

– Прекратить, прекратить панику! – кричал Лотар, но на лице его ясно отобразился страх обреченного. Кто-то из штрафников в ужасе, ничего не соображая, вскарабкался на край окопа. Он инстинктивно пытался куда-то бежать.

Но вдруг в траншее раздался выстрел. Испытуемый выгнулся, остановленный пулей, и, сделав шаг назад, за бруствер, рухнул на дно траншеи.

Майор Кёниге перешагнул через убитого, а из «вальтера», сжимаемого рукой в перчатке, курился пороховой дымок.

– Прекратить панику, – чеканил майор каждое слово, соизмеряя его с каждым сделанным шагом. При этом он продолжал держать свой пистолет в полуопущенной руке. Ни у кого не возникло сомнений, что он пристрелит каждого, кто попытается выпустить наружу свой страх.

С бугра, по грязи, скатились один за другим дозорные. Они тяжело дышали, что выдавало в обоих предпринятый только что спринтерский бег.

– Доложить обстановку, – майор говорил и действовал как железный робот. Но именно такое его поведение удержало батальон в узде дисциплины.

– На нас наступают, через поле... со стороны села. Их много, одеты в гражданку. Бегут стадом, по несколько человек...

– Так... – решение майор принимал молниеносно. – Третий взвод – перенацелиться в тыл. Встречаем непрошенных гостей. Похоже, это какая-то авантюра русских. Они хотят нас отвлечь от переправы. Но мы им не позволим. Испытуемые! Мы удерживаем переправу.

Слово «переправа» он выкрикнул с такой силой, что его, наверное, услышали даже русские на плотях. Затем майор коротко бросил сквозь зубы: «За мной» и, не оглядываясь, принялся карабкаться по превратившемуся в месиво склону бугра на его вершину. Обер-лейтенанту ничего не оставалось, как лезть вслед за командиром. Пару раз он, поскользнувшись, плюхался на руки и съезжал по грязи вниз. Между тем майор уже занял позицию, улегшись в кожаном плаще прямо в коричнево-черную жижу. Он внимательно рассматривал в бинокль раскинувшееся перед ним поле.

V

Это было то самое поле, по которому прошлой ночью блуждали разведчики из отделения Аникина. Именно по этому полю шли в атаку те

самые юноши-молдаване, о которых говорил на совещании в Незавертайловке майор Дедов. Хотя сказать «шли в атаку» про этих наступающих можно было с большим трудом. Одетые кто во что горазд, еще хуже обутые, они то и дело увязали в непролазной грязи. Хроническое недоедание сказалось уже через несколько метров их атакующих действий, которые так дружно начались, а теперь буксовали на ровном месте.

Эти парни, по сути подростки, незнакомые с военным делом, от страха и волнения тут же напрочь забывшие о тех немногих советах, которые они слышали от старших товарищей, с каждым шагом скучивались, инстинктивно ища друг у друга поддержки. К тому же оружие, которым их удалось вооружить, оставляло желать лучшего. Охотничьи ружья, мелкокалиберные винтовки, всего два автомата на сто тридцать с лишним человек. Да, из тех двухсот, о которых было известно разведке, выйти на поле отважились не все. Кто-то даже бежал с топорами и с вилами...

Ситуацию тут же оценил майор Кёниге, внимательно разглядев в бинокль развернувшуюся перед ним картину.

Унылая, покрытая высохшим бурьяном пустошь между холмами. Слева вдаль ее окаймляла опушка леса, а справа она вплотную подступала к подножию высоты, превращенной в оборонительную, неприступную цитадель. На них, забирая чуть вправо, к позициям второго эшелона обороны, беспорядочно скученными группами и наступали черные фигурки. Это они издавали крики «Ура!». Теперь они уже кричали нестройно. Теперь им уже было тяжело дышать. Теперь их можно было запросто уничтожить.

– Вы убедились, Лотар, что у страха глаза велики? – зло усмехнулся майор, отняв бинокль от лица. – В глазах труса даже горстка безумных молдаван может показаться серьезным противником.

Как ни в чем не бывало, как будто с его офицерского плаща не сыпались комья грязи, майор спустился обратно к траншеям. Команды он отдавал на ходу.

– В тылу объявилась горстка безумцев. Чтобы их уничтожить, нам потребуются минуты. Лотар.

– Я, герр майор...

– Выделите пулеметчика. Пусть выдвинется на бугор. Прочешет этих повстанцев... И срочно запросить дивизию. Пусть помогут нам с танками. Скажите, что десант русских высадился в тылу наших позиций и угрожает переднему краю обороны высоты.

– Герр майор, а разве в дивизии есть танки? Насколько мне известно, нам приданы только самоходные ар...

– Обер-лейтенант!... – оборвал майор. – Ваш писк, хотя и с трудом, я терплю... Но я не потерплю ваших дурацких рассуждений... Насколько мне известно, вам ничего не должно быть известно, кроме того, что приказал вам ваш командир. Это, надеюсь, понятно, черт вас дерит?!

– Так точно, герр майор!

– Приказ вам ясен?

– Так точно, герр майор!

– Исполняйте, тысяча чертей!...

– Так точно, герр майор!...

VI

Пулемет застучал неожиданно, одной очередью скосив сразу нескольких наступавших по центру. Поначалу шедшие цепью, как подсказывал старший среди парней, Ион, все сбились в несколько групп, которые теперь еле волочили ноги. В одну из таких групп и угодила пулеметная очередь.

– Ложись! На землю! Ложись! – что есть силы закричал остальным Ион. Ребята растерялись и не все сразу сообразили, что смертоносные разрывные пули летят именно в них.

Тут бы самое время начать окапываться, но у парней даже не было с собой лопат. Те, кто посметливее, сразу начали голыми руками разрывать черную, раскисшую от дождя землю. Немного помогал торчавший повсюду сухостой бурьяна. Он хоть немного прикрывал от пулеметчика упавших. Но все равно выпущенные с бугра пули находили среди лежавших свою очередную жертву. Вот вскрикнул, дернулся и затих Аурел, с самого детства лучший друг Иона. Вот прятавшийся рядом с ним Михай истошно закричал, вскинув вверх перебитую крупнокалиберной пулей руку.

– Михай, Михай... – подполз к раненому Ион. – Сейчас я перевяжу тебя...

Кровь хлестала из страшной зияющей раны чуть выше локтя. Локоть, предплечье и кисть болтались всего лишь на нескольких лоскутах пиджака и кожи. Раздробленные кости, мышцы и сухожилия вывернуло наружу. Ион вырвал из исподней рубахи длинный лоскут белой материи и попытался туго-натуго перевязать руку чуть ниже плеча. Но кровь все равно не останавливалась. Губы Михая вдруг посерели, он захрипел и стал часто-часто трусить о землю ногами.

– Держись, держись, – в отчаянии схватил его голову Ион, но парень уже испустил дух.

– Нас так перебьют! – вскочив, крикнул он. – Надо отходить к лесу!

Но очередь тут же заставила упасть его обратно в грязь.

Пулеметчик не давал никому поднять головы. Он развлекался, будто на тренировочном стрельбище. Замечал малейшее шевеление бурьяна и принимался палить в эту точку, по сантиметру прочесывая территорию вокруг нее.

Вдруг новые звуки вклинились в эхо гулявшей по полю трескотни выстрелов.

VII

Со стороны села, им в спину, лязгая и утробно урча, двигались страшные черные коробки. Танки!...

– Танки... танки! – животным страхом зашелестело среди бурьяна одно и то же слово.

У парней не было ни гранат, ни противотанковых ружей. Только несколько бутылок с зажигательной смесью.

Танки стремительно надвигались. Одновременно рос и ужас, с которым невозможно было бороться. Кто-то не выдержал и, вскочив на ноги, бросился бежать прочь, не разбирая дороги. Пулеметчику этого только и надо было. Обезумевших тут же настигала очередь.

Танковые орудия молчали. Видимо, экипажи боялись перелета, который может задеть своих. А скорее всего, не считали нужным тратить снаряды на этих гражданских неумех, затеявших безумное, заведомо обреченное дело. Зато танкисты-пулеметчики развлекались вдосталь. Утюжили поле, чуть заметив ползущего. Ребята, у которых были припасены бутылки с керосином, попытались их использовать. Но спички у всех отсырели. В отчаянии, пытаясь зажечь бутылку, они один за другим вскакивали и тут же становились легкой добычей строчивших из танков пулеметов.

Танковый взвод в составе пяти машин на ходу перестроился. Крайние машины, двигавшиеся до этого наравне с теми, что в центре, стали наращивать ход. Цепь постепенно превращалась в подкову, зажимая в свои края всех, кто находился в этот момент на поле. Полукруг постепенно сжимался. Выйти за пределы смертельного полумесяца не давали пулеметчики.

А затем началось страшное. Сидевший на бугре пулеметчик даже перестал стрелять и в какой-то момент отвернулся, чтобы не видеть происходившего на поле.

Тех, кто пытался отползти или, не выдержав, вскакивал на ноги и бросался бежать, находили пули пулеметов. Раненые, они падали и корчились от боли, пока на них не накатывала многотонная железная машина. Многие, потеряв последнюю надежду, так и лежали, зажав голову

руками, уткнувшись лицом в землю, и шептали побелевшими губами с молоком матери усвоенную молитву.

Ион был одним из последних, кто еще оставался в живых. Спичка в его руках неожиданно вспыхнула, и он тут же подпалил свисавший из бутылки пахнувший керосином кусок тряпки.

Он поднялся прямо справа от танка, во весь рост. Он успел поднять бутылку с горящим фитилем над головой, когда пуля расколола ее вдребезги. Горящая жидкость тут же обрушилась на Иона, вмиг превратив его в бегущий факел. Но он успел придать своему телу направление.

Сгорая, обезумев от боли, он уже ни о чем не мог думать. Но тело, на уровне мышечной памяти, бросилось на круглый, торчащий сбоку бак. Над танком полыхнуло, и горящее горючее плеснулось на броню, проникая, через щели внутрь, заставляя кричать и визжать от боли задыхающийся от дыма и запаха паленой кожи экипаж.

Остальные машины, словно бы в отместку за подбитую машину, давили убитых и раненых, перепахивали вдоль и поперек поле, неразделимо смешивая человеческую плоть с мокрым прахом пуркарского чернозема. Будто бы какие-то дьявольские механизаторы, которые удобряли свои адские пашни, заботясь о будущих урожаях.

VIII

Никто из тех, кто форсировал в этот момент реку, не знал, что происходит совсем рядом, на заброшенном поле возле Пуркарского плацдарма. Но эти минуты, которые нагнали страху и отвлекли «пятисотых» от Днестра, оказались бесценными для переправлявшихся. Андрей и другие солдаты из его отделения вместе со всем взводом проходили на «поплавочном» плоту середину реки.

Днестр, вода в котором постоянно прибывала, стремительно нес большой плот вниз по течению. Сразу несколько бойцов с веслами, стараясь действовать синхронно и слаженно, правили плот к противоположному берегу.

Очереди и одиночные выстрелы, посылаемые по ним с позиций немецких штрафников, ясно обозначались фонтанчиками на поверхности воды. Эти фонтанчики заметно выделялись на ряби, которую едва обозначал морозящий дождь.

Другие плоты шли с такой же скоростью, наискось пересекая смертельно опасное пространство в стремлении как можно быстрее добраться до противоположного берега.

Вот один за другим взвились вверх несколько тонких, но высоких водяных столбов. Немецкий миномет пустил пробную серию. Последняя

мина шлепнулась всего в метре от плота, на котором разместился первый взвод. Левую сторону конструкции подняло взрывной волной и шлепнуло о воду. Сразу несколько солдат посыпались с мокрого дощатого пола в ледяную воду.

– Лови, лови!... – тут же закричали те, кто удержался на плоту. Кого-то течением сразу утянуло под металлические баллоны. Барахтавшимся в воде пытались дать весла, протягивали длинные палки, используемые на манер шестов, чтобы отталкиваться от дна.

Одного из упавших сразу отнесло на несколько метров. Он отчаянно боролся за свою жизнь.

– Скидывай вещи, оружие скидывай! – кричали ему. Но тонущий не собирался расставаться со своей винтовкой. Мокрая одежда уже делала свое дело. Голова солдата постепенно уходила под воду.

Плот взвода Демьяненко несло как раз на него.

– А ну, братцы, держи меня за сапоги! – крикнул Аникин.

Упав на живот к самому краю плота, он, не дожидаясь, что его удержат, перегнулся и свесился вниз, к самому Днестру. Бондарь с Поповым, растолкав остолбеневших от неожиданности других солдат, едва успели поймать своего старшину за ускользящие голенища.

– Держи за ногу, а то из сапог выскользнет, – инструктировал Попова Богдан Николаич.

Нельзя было терять ни секунды. Вот край поплавков прошел мимо дергающейся головы тонущего бойца, которая полностью ушла под воду. Наклонившись, насколько возможно, Андрей погрузил свою руку в обжигающе холодную воду и ухватился за шиворот. Неимоверным усилием он подтащил бойца кверху. Тяжесть солдата, в полной боевой выкладке, мокрого, да еще барахтавшегося в сопротивлении течения, казалось, сейчас оторвет старшине руку.

– Держи! – крикнул он неизвестно кому – то ли себе, то ли тем, кто страховал его на плоту. В тот же момент ему удалось захватить ворот шинели упавшего второй рукой.

– Подсоби! – выдал клич Бондарь и потянул командира на плот, словно какую-нибудь репку. Несколько рук помогали тащить, хватаясь за ремень, карманы, за автомат.

Так их и вытащили – сначала Аникина, а потом отплеывающегося, мокрого, ручьями истекающего, пытавшегося отдышаться солдата.

– Ну, ты дал, пловец! – шутливо встретили его, затолкав в самую середину плота. – Что, в морскую пехоту решил записаться?

У тонущего, несмотря на то что его только что выволокли с того света,

нашлись еще силы на словцо для ответа:

– Не, братишки, в речную, мать ее за ногу...

– Не знаю, как за ногу, а за шиворот – в самый раз... – продолжил Андрей, которого все с восхищением похлопывали по плечу.

IX

Немцы, будто спохватившись, опять усилили огонь. Вновь застрочил пропавший было куда-то пулемет. Росло число убитых и раненых, которые сыпались с плотов. Днестр уравнивал их. Река с каким-то отчаянно роковым безразличием распоряжалась со всеми в нее попавшими почти одинаково.

Кто-то камнем шел ко дну, кто-то пытался держаться, бился за жизнь, распространяя вокруг себя по мглисто-зеленой поверхности растекавшиеся багровые пятна. Но усталость, потеря крови, холод делали свое дело. И вот уже боец, отчаянно и судорожно талapaвавшийся на поверхности, скинувший и шинель, и винтовку, вдруг разом исчезал под водой, и только крохотный водоворотик обозначал на секунду место гибели советского воина.

Кто-то пытался зацепиться за плоты, хватался за бревна, за поплавки, карабкался вверх, кричал, чтобы его спасли, чтобы ему подсобили. Кого вытаскивали, кого-то – не успевали.

Тела, тяжелые от амуниции, сразу шли на дно, оставляя на поверхности лишь кровавые следы. Скоро река вокруг плотов стала красной от пролитой крови. Но роковой рубеж был пройден. Выжившие под огненным дождем, среди доведенной до кипения ледяной воды, солдаты уже спрыгивали в воду, на берег, с ходу вступая в бой.

Все одно теперь уже они оказывались на суше, в родной стихии, а не на запертом, огороженном смертью и болью, залитом кровью, заваленном телами убитых и раненых деревянном пятачке, в периметре страшной реки.

X

Под прикрытием обрыва Аникин, едва ступив на землю, тут же приказал своим рассредоточиться. Фашистов, выставивших дозорное гнездо, еще с плота закидали гранатами. Это позволило выиграть драгоценное время и, поднявшись выше, выбраться на прямую линию огня против позиций врага.

– Окапываемся! – крикнул Андрей и только успел рухнуть на землю, как над ним прошла плотная автоматная очередь. У немцев словно открылось второе дыхание. Они стреляли как заведенные, не умолкая ни на минуту. Словно им все еще не верилось, что русские смогли добраться до правого берега и зарываются в землю чуть ли не у них под носом.

Окапываться здесь было достаточно легко. Земля, обильно

перемешанная с речным песком, хорошо поддавалась саперной лопатке. К тому же от наличия в мокрой земле песка не развозилось вокруг столько грязи. Краем глаза Аникин отметил, как бойцы его отделения достаточно быстро уходят под землю. Только Попов, хитрец, затаился за деревом и только слегка, для видимости, скovyрнул лезвием лопатки пожухлую траву.

Но вот пули, пущенные, судя по оставленным на коре дерева отметинам, из крупнокалиберного пулемета, играючи откололи здоровенный кусок древесины над самой головой Попова, а затем взрыхлили землю у него под носом.

И тут же солдат судорожно заработал своей саперной лопаткой, стараясь укрыться как можно глубже. Пулемет, судя по всему, выдвинулся на этот фланг обороны немцев. Отреагировали, гады, когда увидели, что нашим удалось высадиться и тут зацепиться. Пулеметчик хорошо выбрал позицию. Держал весь сектор у себя в прицеле и голову не давал поднять.

– Какие будут указания, командир? – криком спросил Федотов, оказавшийся ближе остальных к Аникину.

– Закапывайся! – крикнул в ответ командир. – Какие тут могут быть указания... видишь, гад бьет по нам без продыху...

– Товарищ командир, – вдруг с озорством откликнулся Федотов. Он сумел уже в своем неудобном положении лежа вырыть ямку приличной глубины. – А что, если мы его гранатой?

– Да как тут... В лоб – верная гибель, – ответил Андрей с досадой.

– А я попробую с фланга. Кто их знает, что у них там по правую руку. Это, значит, – по правую. Авось проскочим. Мне бы только во-он до того деревца добраться...

– Давай, Федотов, действуй, – проговорил Аникин. – А мы тебя прикроем. Отделение, слушай мою команду. Дружно... по гаду-пулеметчику... вдарим!

Сразу несколько огневых точек скрестились на немецком пулемете, заставив того от неожиданности прервать стрельбу. Этого перерыва как раз хватило Федотову. Он рванул как ветер.

Черные голые прутья, торчавшие вокруг толстого тополя, посекло от запоздалой очереди, пущенной вдогонку бегущему. Но было уже поздно. Федотов был в безопасности. Холмистый рельеф почвы возле дерева делал очередной спуск, и вскоре солдат, ползя по-пластунски, исчез из поля зрения командира.

XI

Внезапно рядом, выше по руслу, раздался оглушительный треск и шум стрельбы, разрывы гранат. Похоже, что новая партия солдат, добравшись до

вражеского берега, с ходу вступила в бой.

Фашисты, скорее инстинктивно, тут же отреагировали, переключив свое внимание на вновь атакующих. В этот же миг впереди, как раз там, откуда по отделению Аникина работал пулеметчик, поднялось облачко взрыва, раздались крики, поднялась какая-то суматоха. Вот она, секунда удачи...

– За мной! – истошно крикнул Аникин и с ходу, оттолкнувшись сапогом от края ямки, бросил свое тело вперед. Они бежали кто где, но все стреляли прямо перед собой.

Андрей среди первых прорвался к тому месту, где раздался взрыв. Неглубокая воронка от взрыва создавала необходимый уровень защищенности. Здесь и свили свое гнездышко немецкие пулеметчики. Да только Федотов разворошил это гнездо к чертовой матери. Он сразу бросился к Федотову. Тот лежал на спине, держась за живот, куда, видимо, и угодила пуля. Смерть, разрастаясь в нем, заставляла солдата выплевывать кровь и дергать туловищем, сокращая мышцы живота. Он словно что-то хотел сказать командиру, что-то важное.

– Немец, сволочь, прикинулся мертвым... и... убил меня...

Аникин склонился над Федотовым, старясь разобрать, что он говорил.

– Скорее, перевязку Федотову.

Но солдат только вымолвил окровавленными губами:

– Пуля... – и испустил дух.

Пулеметчик и его помощник лежали тут же, возле завалившегося на бок МГ. Одна пулеметная сошка нелепо торчала кверху, будто живая... И остальные лежали в нелепых, неестественных позах. Пулеметчик – сложившись чуть не вдвое, рядом со своей же, оторванной взрывом гранаты рукой. Кисть оторванной руки продолжала сжимать деревянный приклад завалившегося пулемета.

– Попов, прими технику, – на ходу отдал распоряжение старшина.

Пули свистели сбоку и над головой, заставляя старшину и других солдат вновь прижиматься к земле. Скинув мертвых фашистов к центру воронки, Андрей залег по направлению к высоте.

– Окапывайся! – вновь прокатился над отделением его зычный голос. Солдаты, послушно отставив свои винтовки и автоматы, принялись орудовать саперными лопатками.

XII

Бойцы, шедшие с правого фланга, тоже напирали вовсю. Похоже, что немцы не успевали удерживать одновременно несколько флангов. Им приходилось переключаться то на аникинских, то на наступавших правее.

Этот момент «переключения» и старался уловить Андрей. Вот шквал огня, лившийся на их головы с Пуркарской высоты, перемещался вправо, как брандспойт, струю которого направляли то влево, то вправо.

Аникин тут же командовал «Вперед!» и бежал, а вслед за ним – и все отделение. Так, отвоевав у неприятеля очередные десять-пятнадцать метров, солдаты уже без команды старшины принимались незамедлительно рыть под собой землю. Собственной шкурой ощущая, как сновали над ними вражеские пули, они без слов понимали, что от их расторопности, от того, с какой скоростью они углубятся в землю как можно дальше, прямую зависит их жизнь.

Склон, по которому они поднимались, становился все круче. Все здесь было усеяно воронками – результат продолжительных артиллерийских и минометных обстрелов. Эти воронки сильно облегчали бойцам задачу. Укрытие, считай, уже вырыто братишкой-минометчиком, который всадил в эту высоту не один десяток своих ревущих металлических подарков. Теперь главное добежать во что бы то ни стало до этого укрытия.

Вот уже Попов еле-еле поползает до очередной воронки, волоча, с одной стороны, простреленную ногу, а с другой – трофейный немецкий пулемет. С этим пулеметом он умеет обращаться. Сначала он туго-натуго перетягивает бедро выше кровоточащей раны, потом досылает ленту и, прицелившись, начинает вести огонь.

Смертоносный веер, который разворачивает Попов под самым носом у немцев, окончательно сбивает их с толку. Попов методичен, но немецких патронов для немцев он не жалеет. Рана пылает огнем, Попову кажется, что немцы загнали ему в ногу не пулю, а струю напалма. Он зол на всю фашистскую Германию за то, что здесь, на чертовой Пуркарской высоте, ему приходится корчиться от боли.

Вся эта злость выходит из него в виде раскаленных стальных пуль, которые стесывают окопные насыпи, брызгами кровавого шампанского вскрывают черепные коробки неосторожных фрицев, заставляя их, забрызганных чужими мозгами товарищей, еще глубже вжиматься в стенки своих траншей.

XIII

Вот один из фашистов, какой-то отчаявшийся смельчак, вскакивает на бруствер и что-то истошно кричит по-немецки. Вернее, пищит, как будто разрывная только что угодила ему в причинное место. Между ним и Поповым происходит своеобразная дуэль. Очередь, выпущенная из МГ Поповым, успевает долететь до писклявого фашиста позже, чем он бросает в сторону пулеметчика гранату.

Колотушка с деревянной ручкой еще летела в воздухе, когда пули пунктирной диагональю вошли в немца. Ему раздробило поднятую руку, пробило грудь и живот где-то в районе печени. Ударная сила пулеметных пуль словно переломила фашиста пополам, и он, повалившись за бруствер, скатился по склону, как куль с мукой.

Когда брошенная им граната упала в воронку, где лежал Попов, метнувший ее немец был уже мертв. Угодив на стенку воронки, колотушка скатилась на дно, почти вплотную к Попову. Он дернулся было к ней, но острая боль практически парализовала солдата.

Увлеченный стрельбой, он не замечал, как силы вместе с кровью постепенно уходили из раны в ногу. Какую-то долю секунды он как безумный глядел на гранату. А потом грянул взрыв, и разлетевшиеся веером осколки полоснули лежавшего по диагонали, вспоров ему живот, вонзившись в уже раненную ногу.

Попов умер мгновенно. Но его стрельба дала наступающим шанс предпринять последний бросок. Не сговариваясь, солдаты поднялись на разных флангах и побежали к траншее, венчающей высоту.

Немцы запоздало вскакивали в полный рост в своих окопах, но их тут же укладывали выстрелами из автоматов и винтовок. Бойцы на злом кураже атаки заскакивали в переходы, прыгали в траншеи. Кто-то успел пристегнуть к винтовкам штыки, и теперь пускал грозное оружие ближнего боя направо и налево.

Но поднятых рук и выкриков «Гитлер капут» слышно не было. Фрицы не собирались сдаваться, а по телам своих убитых товарищей, с озверевшими, налитыми кровью глазами, кидались на врага.

XIV

Аникин ворвался в траншею среди первых. С наскока выпустив очередь в растерянное лицо выросшего перед ним немца, он прыгнул вниз. Немец, находившийся рядом, вскинул винтовку, пытаясь выстрелить в Андрея. Но ему помешало падающее тело убитого товарища.

Пока немец мешкал с винтовкой, Аникин ухватил ее за ствол и, резко дернув винтовку на себя, увлек следом немца. Завалившийся и потерявший равновесие, в съехавшей на затылок каске, фашист подался вперед. В этот момент, на встречном курсе, Андрей со всей силы нанес ему в переносицу удар лбом.

Он явственно услышал, как треснула переносица. Потерявший сознание противник осел на дно траншеи. Перехватив его винтовку, Аникин со всей силы нанес ему удар прикладом по лицу.

Даже не успев глянуть на результаты своей работы, он бросился

дальше вдоль траншеи. И наскочил взглядом на ствол. Это был «шмайсер». Его резко вскидывал худющий немец в надвинутой на самые глаза каске.

«Не успею», – только промелькнуло в голове Аникина, как очередь отбросила фашиста назад, резко выгнув его руку с автоматом дулом вверх. Туда, в серое небесное молоко, и ушли пули, предназначенные для Андрея. Он обернулся, автоматически отыскивая взглядом спасшего ему жизнь. По верху траншеи, деловито расстреливая фашистов из своего безотказного «дегтяря», двигался Бондарь.

Фашисты сопротивлялись отчаянно. Вдоль траншеи, на брустверах и внизу разгоралась рукопашная. Противники, сошедшись тут, на рубеже Пуркарского плацдарма в смертельной схватке, уже сократили последние сантиметры, позволявшие вести самый ближний, огневой бой. У многих попросту кончались патроны, как, например, у Богдана Николаича, который, в сердцах закинув своего раскаленного дискового друга за спину, с ревом ринулся с саперной лопаткой на врага.

XV

Теперь наступал момент истины. Рукопашная... Сила на силу, жила на жилу... Здесь и сейчас сошлись в кровавом противоборстве чистые и не затронутые мутью прогресса два воинских духа. Здесь, без декораций цивилизации, напридумавшей под рассуждения о мире во всем мире всяких смертоносных машин для убийства себе подобных и делавших слабого сильным, выявлялся истинно сильный духом. Два духа – тевтонский и славянский – сходились и бились друг с другом не на жизнь, а на смерть. И в этом была сила воинского духа, что не каждый павший был слаб и не каждый выживший – силен.

Богдан Николаич убивал одними руками, размахивал, как былинный богатырь, своими кулаками-кувалдами, сея вокруг себя треск ломаемых челюстей и переносиц. Свою саперную лопатку он потерял еще при первом рукопашном столкновении. Саданул со всей мочи немцу по каске. Лезвие лопатки как вошло почти во всю ширину немцу в череп, пробив металл каски, так в нем и застряло.

Он, свалив очередную немчуру с ног, размахнулся, чтобы добить его своим кулаком. Но в этот момент другой фашист всадил ему в живот палку с заточенным наконечником на конце. Лезвие вошло глубоко, но Бондарь, как раненый медведь, распрямился с такой силой, что немец, растерявшись, выпустил древко своего копья из рук. Так, с торчащим из живота древком, страшный и необоримый, Бондарь с криком кинулся на фашиста. Но его левая нога запнулась о лежащего на дне траншеи.

Споткнувшись, Бондарь невольно прынул вниз. Древко уперлось о

землю, и окровавленный наконечник копья, насквозь проткнув мощное тело старшего сержанта, выскочил из спины упавшего ниже лопаток.

– Богдан! – крикнул в бессилии Аникин. Он увидел падающего Бондаря, увидел торчащее из спины, кровавое лезвие. Старшина ничем не мог помочь. Он только что скинул с себя труп немца, с которым они сцепились горло в горло – кто кого передушит. Верх взял Аникин. Но было уже слишком поздно...

Когда он подбежал к Бондарю и, выдернув палку из его тела, перевернул на спину, старший сержант уже переставал хрипеть. Кровавые пузыри надувались и лопались в дырке на его брюшине при каждой попытке вздохнуть. Бондарь уже ничего не понимал и никого не видел. Глаза его смотрели куда-то вверх, постепенно закатываясь все выше и выше, пока дыхание его не остановилось.

Аникин закрыл ему глаза и, стиснув зубы, схватил валявшуюся на земле окровавленную палку.

– Где ты, гад, где ты!

Фашиста, того, который проткнул старшего сержанта, нигде не было. Но были другие фашисты, которые продолжали драться. И Андрей кинулся в самую гущу кровавой драки. Он колот, бил наотмашь, стараясь убить как можно больше фашистов. За Богдана, за Богдана...

XVI

Бок о бок со старшиной бился Евменов. Он орудовал саперной лопаткой на манер секиры. Ни шеи, ни черепа фрицев не выдерживали остервенелого натиска Евмена. Как он сам любил повторять еще на левом берегу, у него, еще со времен штурма Николаева, накопилось к фрицам много долгов. И вот теперь представился отличный шанс вернуть все, как говорил Евмен, «должки». Вот он и возвращал их, с придыханием, неумоимо, один за другим.

Постепенно атакующие брали верх над оборонявшимися. Наши все настойчивее выдавливали немцев с плацдарма, окончательно закрепляя высоту за собой.

Русская сила пересиливала фашистскую, русская жила оказывалась крепче и выносливее немецкой. Остатки немчуры, стараясь избавиться от смертоубийственной хватки нападавших, оттягивались на левый фланг, к уступу, который был ближе к селу. Вдруг оттуда раздался хорошо знакомый и русским, и немцам грозный рокот.

Один за другим пять танков выкатили со стороны села, там, где лесная опушка терялась из виду в окоеме поля. Сначала один, а затем другой, танки выпустили по снаряду. Оба они разорвались на склоне Пуркарской

высоты, возле уступа, как раз там, где скопилось больше всего теснимых русскими немцев. Наши, увлекшиеся было преследованием, тут же, по команде своих командиров, вернулись на высоту. Сейчас главное было – укрепиться на плацдарме и удерживать его любой ценой во что бы то ни стало.

– Смотри, что делают... вот гады... – тяжело дыша, указал Аникину на приближающиеся танки взводный, лейтенант Демьяненко. Со лба его, наспех перевязанного, сочилась струйка крови.

– Ведь по своим бьют... Одно слово: фашисты – значит, зверье.

– Я бы их всех... – Аникин сжал дрожащий кулак. Он еще не отошел от гибели Бондаря. А еще Попов, Федотов...

– Это как ты собираешься, с копьем на танки? – без всякой иронии заметил Демьяненко.

Андрей только сейчас заметил, что все еще сжимает в руках палку с наконечником с густо налипшей на него кровью. Там была и фашистская кровь, и кровь Богдана Николаича.

– Ладно, Андрей... некогда эмоциям волю давать... – понимающе проговорил взводный. – Бери дело в свои руки, определяй бойцам позиции. В общем, не мне тебя учить...

– Сильно ранило, товарищ лейтенант? – спросил Аникин, заметив струящуюся по лицу взводного кровь.

– Ерунда, царапина... – отмахнулся лейтенант. – В общем, не намного серьезней, чем тебя...

Аникин непонимающе осмотрел себя.

– То есть? Вроде как цел...

– Ага, – усмехнулся Демьяненко. – А ты лоб себе пощупай. У тебя там не шишка, а чисто рог вымахал.

Андрей пощупал лоб. Действительно, результатом удара по фашистской переносице стало новообразование в виде огромной шишки прямо посреди лба.

– Ты теперь в ближнем бою вместо штыка его можешь использовать. Как носорог. А здорово ты саданул его, Аникин, я как раз видел все. Чисто в десяточку.

– Не, товарищ взводный, не в десяточку, а в пяточок...

XVII

Танки приближались, и надо было срочно организовать оборону захваченного плацдарма. Среди тех, кому удалось добраться до высоты, было несколько бойцов с противотанковыми ружьями. Ротный приказал распределить их по отделениям, чтобы обеспечить широкий сектор

обстрела.

Своим, выжившим после взятия Пуркарской высоты, Андрей приказал занять оборонительные позиции. Теперь в их распоряжении находились два пулемета. Один – Бондаря, дисковый «дегтярь». А второй – трофейный МГ, который Андрей приказал принести из воронки, где погиб Попов.

Тем временем танки усиливали обстрел позиций. Они действительно не стали дожидаться, пока остатки отступивших немцев выйдут из зоны обстрела. Своим же и досталось в первую очередь, так как наши вовремя отступили под прикрытие оборонительных сооружений плацдарма.

Андрей наблюдал, как маленькие облачка дыма, пущенные из маленьких черных квадратиков, которыми пока виделись танки, оборачивались мощными разрывами, осколками которых накрывало спешно бегущих по полю солдат.

Похоже, что позиции на этом рубеже действительно удерживали немецкие штрафники.

Этих даже свои не жалели, крыли почему зря из своих «панцеров».

Вглядываясь в поле, Андрей невольно обратил внимание на черные полосы посреди серого бурьяна. Издали было похоже, будто кто-то затеял вспашку прямо посреди поля. Андрей, удивившись, только пожал про себя плечами.

Ему и невдомек было, что черная, обнаженная грязь чернозема стала могилой для сельских ребят, которые ценой своих жизней дали шанс осуществить переправу.

Именно этот взвод, устроивший жуткую расправу над практически безоружными ополченцами, теперь наступал по фронту на захваченный русскими плацдарм. Каждый новый выстрел, выпущенный танкистами, ложился все ближе к позициям. И вот уже канонада выстрелов, практически непрерывно изрыгаемая пятью танковыми орудиями, накрыла траншеи.

– Вот бы наши дали поддержку, – с досадой, пригибаясь от осыпавшего грязью очередного взрыва, процедил Демьяненко.

– А связь? – спросил Аникин.

– Радииста убило при штурме. И рацию вдребезги распатронило. Как бы им сообщить... И скорректировать...

Демьяненко оглянулся с высоты на левый берег. Отсюда все было видно как на ладони. Оба они хорошо видели, как саперы ниже по реке одну за другой составляют секции на поплавках, наложивая понтонную переправу через Днестр.

Все пологое левобережье, по обе стороны от села, заполнялось

подступающими войсками. Подразделения полка постепенно сосредотачивались неподалеку от готовившейся переправы. Они собирались форсировать Днестр практически с ходу.

XVIII

Теперь становилось совершенно ясно, что именно от тех, кто сейчас находился на плацдарме, зависел успех переправы. Они должны любой ценой удержать Пуркарскую, господствующую высоту.

– Эх, сюда бы еще хоть пару сорокапятков... – продолжал фантазировать Демьяненко.

– Товарищ лейтенант, а что, если... – догадка осенила Аникина. – Евменов у нас вроде как с флотом связан.

– Ну и? – не понял Демьяненко.

– Щас, щас, – не договорив, Андрей сорвался с места.

Он быстро направился к левому флангу обороны отделения, где обустроивал позицию для доверенного ему трофейного МГ Евменов.

– Слушай, Евмен...

– Слушаю, товарищ командир.

– Ты азбуку моряка-сигнальщика знаешь?

Евменов от неожиданного вопроса даже перестал окапывать ложе для ствола пулемета.

– Вы насчет семафорной азбуки, что ли? Ну, может, письмо мамке с ошибками напишу, а насчет семафорной азбуки, будьте уверены, шустрее меня флажками в мореходке никто не размахивал.

– Идем, скорее...

Идею Аникина ротный сначала воспринял скептически. Но обстрел усиливался, что действовало достаточно убедительно.

– Попытка – не пытка, товарищ старший лейтенант... – настаивал Андрей.

– Валяйте, – более заинтересованно ответил ротный. – А чем черт не шутит. Ну, Евменов, давай, – благословляющее обратился он к Евменову. – Передай сначала, что мы запрашиваем артиллерийскую поддержку. А потом скорректируй.

Ротный выглянул через бруствер.

– Огневую задачу надо грамотно поставить. Передай, что движутся пять целей – средние танки, в линию, с разбросом метров пятнадцать-двадцать. Пехота не в счет... Пусть берут нашу высоту за основную реперную точку. Так и передай – от Пуркарского плацдарма – на запад, сектор восемьсот-пятьсот метров.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант... – вклинился в монолог

командира Евменов. – Только мне, чтобы семафорить, флажки нужны. Красные...

– Здрасьте, приехали, – разозлился ротный. – Где я тебе флажки найду. Тут и так кровищи натекло до самых краев траншеи. Сам кумекай, как флажки сварганить...

Флажки мастерили тут же. Евменов достал из вещмешка запасную нательную рубаху, аккуратно, квадратами, разорвал ее пополам, привязав один лоскут к рукоятке своей саперной лопатки. Под вторую рукоятку приспособили древко того самого копья, которым закололи Бондаря.

– Ничего, белый даже лучше пойдет... – рассудил Евменов. Под грохот усиливавшегося обстрела он выбрался на склон со стороны реки. Спустившись чуть ниже, солдат выбрал площадку и без всяких пауз принялся семафорить.

– Ну что, готов, Евменов, передавать пушкарям огневую задачу? – спросил его ротный.

– Погодите, товарищ старший лейтенант... – чувствуя себя хозяином положения, рулил ситуацией Евмен. – Сначала надо связь наладить. Вот я им и передаю. «Высоту взяли. Нужна связь. Ответьте»...

– Вишь, Аникин, какие у тебя в отделении бойцы деловые, – цедил ротный.

– Уж какие остались, товарищ старший лейтенант, – не лез за словом в карман Аникин.

XIX

– Вот черт, тут еще разглядеть надо, когда отвечать начнут, – без всякой доли оптимизма выдохнул ротный. Но тут же припал к своему биноклю, жадно высматривая малейшие признаки ответного сигнала. Там, на левом берегу, продолжалось перемещение больших масс людей, подвод, техники.

– Да где им нашего Евмена увидеть, – причитал кто-то и тут же получал дружеского тычка в бок.

– Заткнись и не каркай! Тут терпение нужно...

Вот уже вся рота, прижавшись к брустверам траншеи, не обращая внимания на нескончаемую стрельбу танков, затаив дыхание, следила за левым берегом. Каждый выискивал глазами сигнальщика.

– Там, видать, и не знает никто азбуки-то... мудреная штука... – вновь раздавался нетерпеливый голос.

– Не всех по себе меряй, – вновь возражали ему в ответ. – Коли сам дремучий, так еще не значит...

Несколько минут усилия сигнальщика оставались безрезультатными.

Безнадежно выдохнув, Евмен опустил руки с флажками.

– Вот черт! – выругался он. – Зря только рубашку изорвал.

– Смотрите, смотрите! – закричал один, совсем молоденький солдат, тыча пальцем в левобережье.

– Что, где, – всполошившись, прильнул к окулярам ротный.

– Вон, на самой дальней хате, по левую сторону села...

Аникин, всмотревшись, тоже заметил малюсенькую фигурку. Взобравшись на камышовую крышу, кто-то сигналил Евменову в ответ.

– Ага! – торжествующе закричал солдат. Он быстро-быстро стал размахивать своими импровизированными флажками.

– Эй, Евменов, ты что там, «Войну и мир» пересказываешь... – попытался сдержать его ротный.

– Товарищ старший лейтенант, – радостно закричал Евменов. – Докладываю: на связь вышел корректировщик огня артиллерийского дивизиона ЗИС-3. Зовут его Колян...

– Ты что, издеваешься, Евменов? – вспыхнул ротный. – Бегом передавай огневую задачу...

– Слушаюсь, товарищ командир...

Старший лейтенант слово в слово повторил вчерне составленную корректировку.

– Вишь, уполз с крыши-то... – завороченно проговорил кто-то из солдат.

– Так что он, загорать туда залез? – ответили ему. – Он щас бежит, задрав штаны, к своему командиру С тем, чтобы они скорей вдарили по этим проклятым фрицам, которые на нас в танках своих прут.

– А ну, все по местам! – зычно скомандовал ротный. Приказ его, подхваченный глотками оставшихся в живых и вновь назначенных из числа выживших рядовых командиров, разошелся по траншее.

XX

Танки стало уже совсем хорошо видно. Просматривались кресты на их башнях и боках, когда они маневрировали. Чуть отстав, следом за машинами шли пехотинцы. В основном это были остатки покинувших плацдарм. Им даже не дали перевести дух и опять погнали на смерть, отвоевывать потерянную высоту.

Первыми заработали пэтээровцы. Они всаживали в надвигавшиеся машины свои крупнокалиберные патроны. Но пули не причиняли танкам вреда. Судя по всему, на танках была усиленная броня, которую не пробивали «кочерыжки».

Евменов, отложив сигнальные флажки, взялся за пулемет. Его очереди

одна за другой уходили в промежутки между машинами, выкашивая цепи наступавших фашистов. Но и танковые пулеметчики, и стрелки-наводчики не сидели сложа руки. Свист пуль и грохот снарядов заставлял вжиматься оборонявшихся захваченный плацдарм в траншеи.

И тут волна канонады, возникнув позади, за спинами удерживавшихся на Пуркарском плацдарме, накатила из-за реки, легко, как по трамплину, взобралась по пологому подъему плацдарма и, сорвавшись в полет, обрушилась на поле грохотом мощных взрывов. Снаряды легли позади машин, накрыв большую часть наступавших пехотинцев. Черная, как уголь, земля, вспучившись, опустилась обратно обезлюдившей ровной поверхностью.

Танки как раз вышли на черную полосу, которая показалась Аникину пространством вспаханной земли. Опять волна канонады, и снова вспучившаяся звуковая волна, омыв высоту плацдарма, разрешилась на поле чередой взрывов. На этот раз снаряды угодили прямым попаданием в цель. У одного танка прямым попаданием свернуло башню и причудливо выгнуло ствол пушки. Второй, подброшенный взрывом, упал на бок. У третьей машины снаряд разорвался прямо перед днищем. Машину на полном ходу подняло вверх и тут же опустило в воронку стволом. Продолжая по инерции свой ход, танк затолкал орудие в грязь и так и застрял, будто страус.

Уцелевшие машины тут же дали задний ход. Впереди них безоглядно бежали оставшиеся в живых пехотинцы. Обстрел артиллерии с левого берега продолжался еще несколько минут.

– Ну что, Евменов, ты у нас теперь штатный связист, – окликнул ротный вцепившегося в пулемет солдата. – Семафорь на тот берег, что сработали на «отлично». И что мы продолжаем удерживать плацдарм и обеспечиваем прикрытие переправы...

Аникин вслед за Евменовым и остальными товарищами оглянулся на Днестр. Саперы как раз подтянули завершающую секцию понтона к правому берегу. Не дожидаясь, когда поплавки окончательно закрепятся на том берегу, на понтонный мост хлынули солдаты, телеги и грузовики. Началась переправа подразделений полка через укрошенный Днестр.

[1] Панцершрек (нем.) – ручной гранатомет, использовался войсками вермахта в годы Второй мировой войны.

[2] ДП (Дегтярева пехотный) – ручной пулемет, широко применявшийся в РККА в годы Великой Отечественной войны.

[3] Рудольф (нем.) – славный волк. Вольфганг (нем.) – путь волка.

[4] Вольф (нем.) – волк.

[5] «Трагедия, рожденная из духа музыки» – философский труд Фридриха Ницше. На работы Ницше ссылались многие идеологи национал-фашизма.

[6] Нанаши (молд.) – посаженные родители на молдавской свадьбе становятся крестными родителями родившимся в семье детям.

[7] Каса маре (молд.) – самая большая комната в крестьянских домах Приднестровья. В ней принимали гостей. То же, что и горница в русской избе.

[8] ЗИС-3 – 76,2-мм дивизионная пушка, разработана В.Г. Грабиным. Считалась не только лучшим, но и самым массовым орудием Второй мировой войны. И.В. Сталин называл ее «шедевром в проектировании артсистем».